

Анастасия Королёва

Родвинутая магичка
или
Опаданка на замену

Annotation

Жила я себе обычной земной жизнью, жила и горя не знала, пока кому-то из небожителей (или из обитателей нижнего мира, что более вероятно) не взбрело в голову отправить меня в другой мир. И ладно бы в качестве какой-нибудь там невесты на выданье, или няньки для избалованных сорванцов, так нет же, закинуло меня в тело молоденькой преподавательницы! Мало того, что адепты не очень-то обрадовались новоиспечённой магичке, так ещё и коллега намекает на близкие отношения, что связывали его с прежней обладательницей тела, а в придачу к нему ректор рычит на меня, словно бешеный енот.

И что прикажете со всем этим «добром» делать?

Разгрести, конечно же!

Студентов приструнить, коллегу от тела отвадить, а ректор... С ним я так и не решила, что делать. Пока оставлю, авось и от бешеных енотов случится какая-никакая польза.

-
- [Анастасия Королёва](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Эпилог](#)
-

Анастасия Королёва

**Продвинутая магичка или Попаданка
на замену**

Глава 1

О том, как я попала

День выдался насыщенным, вечер утомительно-обыденным, а ночь... Необычайно бурной. И ладно бы тому виной случился какой-нибудь знойный красавец с пылкой любовью, так нет же всего лишь соседям сверху стукнуло в голову, что ночь – самое удачное время для ремонта. К тому же в процессе сего действия они раз двадцать решили развестись, в чём с жаром уверяли всю пятиэтажку скопом, столько же раз мирились, опять же во всеуслышанье, и когда их дурная голова дала, наконец-то, покой беспокойным конечностям, часы пробили ровно пять утра...

Твою ж свинячью харю! В кои-то веки я улеглась пораньше, в надежде выспаться перед трудовой неделей, так нет же, получи Лена, распишись, и запомни – отдых не твой конёк.

Со стоном перекатилась на другой бок, закуталась в одеяло, словно в кокон и... провалилась в такой вожделенный сон. Правда и он закончился слишком быстро, и крайне неожиданно – кто-то легонько потрепал меня по плечу.

Первое, что пришло в затуманенное сознание – вот тебе и глюки, после почти бессонной ночи. Но трепать меня не перестали, а потом и вовсе громыхнули над ухом:

– Мисс Елена? Вам плохо?

Мне? Да нифига! А вот тому, кто пробрался в мой дом, да ещё и посмел меня разбудить, сейчас точно не поздоровится!

Глаза открылись с большим трудом, а бурлившее возмущение как-то разом сошло на нет. А всё почему? Потому что оказалась я не дома, и тех, кто посмел прервать мой сон было как-то слишком много. Целая аудитория любопытных мордашек и ехидных ухмылок.

Нет, конечно, ухмылки и мордашки были не сами по себе, они принадлежали вполне обычным молодым ребятам, но легче мне от этого не стало. Мне вообще стало так нелегко, что взаправду подурнело.

– Плохо, – кивнула болванчиком и сделала то, чего отродясь со мною не случалось – самым неприличным образом грохнулась в

обморок...

* * *

Мою жизнь сложно назвать интересной. Пожалуй, преснятина, самый точный из всех возможных эпитетов, что применим к особе по имени – Елена Митинкина.

«Родилась, выросла, живу» – самый точный слоган моего существования. Хотя, продажа в добровольное рабство под названием «ипотека» привнесла некую перчинку в бренность бытия, но тем не менее не сделала из меня завидную невесту, что разнообразит серые будни и раскрасит их радужными красками. Словом, что с ипотекой, что без неё, нафиг я никому не нужна.

Однако, сей факт меня не так уж и расстраивал. Одиночество – это даже круто. Не надо никому готовить вёдрами борщи, собирать разбросанные грязные носки, отчитываться о потраченных деньгах и, как венец прекрасного, не надо ни с кем делить одеяло. Последний пункт очень важен, кто бы что ни говорил. Я, может быть, только из-за него и не обзавелась постоянным поклонником. Да... именно поэтому.

И тут, зная обо всём вышеперечисленном я каким-то странным образом оказываюсь в центре чудных и необъяснимых событий. Глюки эти – аудитория, студенты, чужое имя, которое почему-то приписали мне и вот теперь пробуждение на больничной койке. Странной какой-то, больше похожей на операционный стол, высокой и жёсткой, но всё же больничной. Потому что пахло тут лекарствами и травами. Последнее удивило лишь отчасти – с нашими-то ценами на фармацевтические препараты и всякого рода укольчики, только и остаётся, что на травки перейти. Дёшево, сердито, а главное – долго мучиться не придётся.

Выходит, спала я себе, спала в квартире, потом что-то произошло, меня посетили галлюцинации, и как итог – я тут, в больнице. Лежу и размышляю о смысле жизни и собственной неинтересности.

На этой мысли я села, поправила волосы и... Истошно закричала! Потому что волосы были не мои! И руки тоже, и вообще! Что тут происходит?!

На крик прибежала пухленькая женщина в белоснежном переднике и запричитала:

– Мисс Элена, да что это с вами? Милочка, что же вы кричите? Успокойтесь, дорогая моя, иначе мне придётся вас обездвигить!

Последняя угроза, как оказалось, стала самой действенной. Да и как иначе, когда к словам в придачу на пухленьких ручках пухленькой женщины загорелись два пронзительно голубых огонька...

Вот тут-то я и поняла, что глюки меня не оставили. Попыталась вновь грохнуть в обморок (в прошлый раз ведь получилось), но сознание упорно не хотело уплывать, оно с садистским удовольствием позволило мне насладиться происходящим. Тогда я попыталась поступить по-другому – зажмурилась до разноцветных кругов перед глазами, а потом ущипнула себя за руку, да так сильно, что искры из глаз посыпались.

– Да что с вами, мисс Элена? – возмутилась женщина и усадила совсем не сопротивляющуюся меня на кушетку. – Может быть вы подцепили какую-то редкую заразу? – последнее она пробормотала себе под нос, хмуря чёрно-угольные брови.

Я ничего не ответила, вновь смотря на тонкие изящные запястья, на тёмные ниспадающие волосы, на серебристую, почти прозрачную кожу...

– Зеркало есть? – посмотрела отстранённо на медсестру, мимоходом отмечая, что и голос стал выше, на пару тонов так точно.

– Зеркало? – совсем растерялась женщина, потом недовольно покачала головой и поджала пухлые губы: – Зачем оно вам сейчас? Посетителей всё равно пускать не велено!

И столько обличительного презрения просочилось в её голос, что мне даже стало чуточку совестно, самую малость, правда.

– Мне. Нужно. Зеркало! – прошипела истерично, и выдохнув, добавила немного сдержаннее: – Пожалуйста.

Медсестра окинула меня недовольным взглядом, но развернулась и бубня на ходу:

– Ну и молодёжь нынче пошла, совсем совести нет, – вышла из палаты и вернулась уже через мгновение, держа в руках круглое небольшое зеркальце.

Взяла я его не сразу, желая и боясь одновременно увидеть то, что и так уже знала.

Лицо тоже было не моим. Совсем-совсем не моим.

Первым порывом было вновь заорать, только теперь вспоминая все нецензурные слова, которые довелось слышать в своей жизни, но поймав предостерегающий взгляд так и стоявшей над душой медсестры, воздержалась. А потом брезгливо вернула зеркало в её руки и улеглась на кушетку, разом как-то осознав степень случившейся засады.

Родилась я не вчера, и даже не пару дней назад, фильмы разного толка приходилось видеть, да и книгами я не брезговала, тоже разного толка. И кто такие попаданцы знаю не понаслышке, но, чтобы такое «счастье» вдруг случилось со мной – не верю. Собственно, современного человека вообще сложно удивить, а вот им (кому именно не знаю), это удалось.

Желаний никаких я не загадывала, странным бабушкам не помогала, и не хамила им даже, бутылку с джином из воды не вылавливала, не соглашалась ни на какие сомнительные сделки, и вообще не делала ничего такого, что могло бы сподвигнуть мироздание выбрать меня жертвой столь странного благодетельства. Но вот поди ж ты... Я тут, в теле чернявой девчонки с милостивым личиком, а где это тут, и что это за дева, и что мне вообще со всем этим делать – инструкцию никто не выдал.

– Ну что? Успокоилась, милочка? – из уст женщины эта «милочка» звучала похлеще, чем «истеричка».

Но мне было не до оскорблений неизвестной мне медсестры, и я лишь кивнула. Она ушла, а я принялась вспоминать всё, что знала из фильмов и книг. То, что орать и просить меня вернуть обратно, было чревато, решила для себя сразу. Мало ли как они к попаданцам относятся, возьмут ещё сожгут на костре, как ведьму. Хотя ведьм жгли за магию, а эта полная тётка и сама ею обладала, так что... Если за магию не сожгут, то придумают что-нибудь другое. Так что орать точно не стоит. И так меня вон бессовестной объявили за то, что попросила принести зеркало. И окрестили истеричкой за... Ну, да, за истерику и окрестили.

Ноги стали замерзать, и я накрылась одеялом, натянув его до самого носа. Было малодушное желание вновь зажмуриться и проснуться у себя дома, в своей мягкой кровати, под своим пуховым одеялом, но малодушие я это отбросила и принялась усиленно думать.

Правда в голову ничего, кроме «офигеть, это правда со мной случилось» не лезло. Нет, ну серьёзно, такое вообще возможно, взаправду, а не на экранах плазменного телевизора? Как выяснилось опытным путём – очень даже возможно.

Пока я боролась со всё возрастающим удивлением, окно, что находилось прямо у моей кровати, громко скрипнуло. И в медленно приоткрытую створку влез... мужчина. Довольно молодой мужчина, но уже вышедший из того возраста, когда юнцы забавы ради лазят в окна к понравившейся девчонке. Не придумала ничего лучше, как притвориться спящей, так показалось безопаснее, потому что чутьё подсказало – явился он по мою душу, или по душу той, которая ранее занимала сии апартаменты, то бишь – тело.

– Елена? – шёпотом позвал этот Ромео недоделанный и я чуть не выкрикнула: «Бинго! Я угадала!»

Но не отозвалась, лишь усиленнее прежнего принялась изображать спящую. Кем бы этот мужчина не приходился той самой Элене, что с ним делать я не знала. Да я вообще не знала, что с собой делать, не то, что с незнакомыми ловеласами!

– Елена, крошка, как ты? – упрямец не желал отступить так просто.

Я промолчала, лишь засопела чуточку громче. Я сплю, видишь? И вообще я подцепила какую-то редкую заразу, иди вон у пухлой тёточки спроси, она подтвердит.

Но, конечно же, спрашивать он ни у кого ничего не пошёл. Даже подозреваю, что пробрался он сюда столь экстравагантным способом только бы с медсестрой не встречаться, правда и уходить не спешил.

Мужчина подошёл опасно близко, отвернул край одеяла и нагнулся так, что я почувствовала чужое дыхание на своей (точнее чужой) щеке, и приготовилась уже закричать, как дверь в палату с грохотом распахнулась и раздался голос от которого я сразу «проснулась» и испуганно взвилась на кровати.

– Профессор Элшар, что вы здесь делаете? – На пороге стоял ещё один мужчина. Выше того, что в полупоклоне согнулся над моей кроватью, и определённо старше. Лицо не выглядело таким холёным, но и отталкивающим его сложно было назвать. Только полыхающий золотом взгляд всю привлекательность сводил на нет. И полыхал он отнюдь не в переносном смысле, а в самом прямом.

– Г-г-г-господин ректор, – испуганно проблеял тот, кого назвали Элшаром, и едва не рухнул на колени, но, видимо, вовремя вспомнил, что такая реакция не совсем уместна, и выпрямился во весь рост, да ещё плечи расправил, явно пытаюсь выглядеть чуть объёмнее того, что было дано от природы.

– Я задал вопрос! – Громыкнул господин ректор, только смотрел он в это время почему-то не на мужчину, а на меня.

Так и хотелось робко вставить, что вообще-то я тут болею. Наверное. Словом, лежу я тут и никого не трогаю, и нечего на меня так зыркать.

Но промолчала. Мама всегда говорила – когда девочки дерутся, лучше не лезь, а то зашибут. Я и не полезла никуда. Пусть голова на плечах и не совсем моя, но умные мысли-то в ней мне принадлежат.

– Я... Я... Я... – заикаясь и вновь съёживаясь в размерах пробормотал профессор Элшар, и, наконец, в его голову залетела светлая мысль, по крайней мере, он подумал, что она вполне себе светлая. – Я пришёл проведать мисс Элену, мне сказали, что ей сегодня на лекциях стало плохо.

Под конец фразы он и сам понял, что не прокатит такая отмазка.

Тот, который ректор, спрятал руки в карманы (видимо, опасаясь этими самыми руками придушить не состоявшего лжеца), и вальяжно облокотился о косяк двери.

– Через окно? – аккуратные брови взлетели вверх в притворном удивлении.

– Что? – совсем стушевался Элшар.

– Через окно, говорю, пришли проведать? – явно забавляясь над беднягой уточнил господин ректор.

– Да, – закивал болванчиком герой-любовник, но тут же спохватился и выдал: – Я не смог, не знал... Я...

– Ясно, – обманчиво-спокойно отчеканил его начальник, да и мой, судя по всему, тоже. Он поправил ворот рубашки, опять же, подозреваю только для того, чтобы хоть чем-то занять руки и отошёл от двери, явно намекая Элшару на выход. – Как видите, с мисс Эленой всё в порядке, и в столь поздний час, уверен, она желает отдохнуть.

Последнее он произнёс с нажимом и я, понятное дело, принялась истово кивать в знак подтверждения. Желая и ещё как, можно сказать изнываю от нетерпения, аки путник в пустыне от жажды! Но

проронить хоть слово так и не отважилась. Молчание, оно всё же во все времена и во всех вселенных (тут я просто-таки уверена) на вес золота. Глядишь, за проявленное благоразумие судьба расщедрится и отсыплет мне мешочек, другой.

Элшару возразить было нечего, да и, похоже, до него тоже дошло, что придумай он ещё хоть какую-то отговорку, ректор не сдержится и размажет его по стенке. Правда, когда он вышел и я осознала, что осталась наедине с разъярённым мужчиной, мне захотелось позорно проблеять: «Вернись ко мне, я всё прощу!»

Но было поздно. Ректор дёрнул головой, ослабил галстук и направился напрямиком ко мне...

Чем ближе он подходил, тем сильнее я вжимала голову в плечи, будто это могло помочь избежать встречи с этим рычащим и жутко недовольным индивидом.

Остановился у самой кровати, окинул меня презрительным взглядом и брезгливо процедил:

– Мисс Елена, мне кажется, в прошлый раз я ясно выразился, что отношения между преподавателями в стенах моей, – тут он особенно выделил слово, – академии недопустимы. Неужели вы не расслышали? Или недопоняли? Что мне нужно сделать, чтобы донести до вас простые правила?

Сказать мне было нечего, потому что как бы это не было парадоксально, а я была согласна с ним на все сто. Не про отношения на рабочем месте в целом, а в том, что Элене стоило бы выбирать кандидата для брачных игрищ с большим тщанием. Но ответа от меня ждали, и смотрели при этом так угрожающе алчно, что мне вдруг показалось – ещё мгновение и меня попросту покусают.

– Такого больше не повторится, – произнесла тихо и, невинно хлопнув ресницами, глазки в пол опустила, прям как самая примерная воспитанница института благородных девиц. Не то, чтобы я рассчитывала на помилование от этого злюки, но чётко знала, как следует вести себя с разгневанным начальством. Особенно с таким, которое рычит и злиться без особой на то причины.

Ректор замер, кажется, даже дыхание затаил и мне пришлось поднять взгляд, чтобы увидеть безумно удивлённую физиономию. По всей видимости, мужчина прежде никогда не слышал подобного вовсе, или не слышал от конкретно этой подчинённой.

Он набрал в грудь воздуха, да так ничего и не сказал, лишь развернулся и быстро скрылся за дверью. Вот и что это сейчас было?

Я была совсем не против, чтобы меня оставили одну, но как-то слишком быстро сдулся этот бешеный енот. Через минуту в дверь заглянула медсестра и недовольно покачав головой, потушила светильник в комнате. Я же планировала хорошенько подумать обо всём произошедшем, определиться с тактикой поведения, да только уснула быстрее, чем в голову прилетела хоть одна путная мысль.

Вот только сон был не совсем обычным. Я оказалась в каком-то кабинете, заваленном кипами папок и бумаг, а за столом, утопая во всём этом богатстве сидел маленький сгорбленный человечек с лавровым венком на голове. Сидел и старательно выводил что-то на светлом листе, скрипя от усердия стержнем старомодного пера.

Глава 2

О том, что жалость – дело неблагодарное

Моё появление странный человек не заметил и продолжал корпеть над работой, я же не знала, как поступить.

– К-хм, – кашлянула, наконец, желая привлечь внимание.

Сморщенное морщинистое лицо принадлежало выдавшему виды старику. Он поправил оправу очков и съехавший на бок лавровый венец и скупно улыбнулся.

– А-а-а, новенькая, – удивлённым, в отличие от меня, он не выглядел, – Вам нужно заполнить форму шестьдесят три, потом отнести её на подпись в отдел перемещений, а потом можете быть свободны.

Чем больше он говорил, тем сильнее мои глаза вылезали из орбит (наконец-то, за всю свою жизнь, я поняла, что такое вообще возможно). Старик протянул мне подозрительно светящийся листок, но брать я его не собиралась. Они совсем тут что ли? Или это у меня кукушка поехала? Скорее второе, раз мне такая ерунда мерещится – с новым телом, несостоявшимся любовником одного и рычащим ректором какой-то там академии.

Лицо старик опустил и уже даже принялся вновь карябать пером, но видя моё бездействие оторвался от, непременно, важного занятия и возмущённо так пропищал:

– Милочка, вы чего застыли? У меня дел и без вас невпроворот!

И тут меня прорвало... Я, вообще-то, человек спокойный, и чтобы вывести меня из равновесия нужно сильно постараться, но этому дядечке в непонятном сне, который точно не сон, это удалось.

– Да вы совсем что ли, с дуба рухнули? Какая форма? Какой отдел перемещений? Я знать хочу, как здесь, непонятно где, оказалась, а ещё лучше не знать ничего и проснуться в своей родной кровати, и в своей родной квартире!

Под конец я трясла обеими руками перед лицом ошалевшего клерка и готова была применить словарный запас, который считается

не цензурным, но вовремя остановилась, тяжело дыша и ожидая положительного решения в сложившейся ситуации.

– Постойте, – пробормотал старик, бледнея до состояния покойника, – как это вы не знаете? Вы же сами, вы...

Тут он засуетился, достал из стопки одну из папок и принялся истоиво листать её, потом победно выкрикнул: «Вот же!», и сунул под нос мне с приказом:

– Читайте!

Я и прочитала. На белой сияющей бумаге значилось:

«Сим договором подтверждаем желание обеих сторон (Элены Гразлес и Елены Митянкиной) о добровольном перемещении душ».

Сам договор я читать не стала, потому что перед глазами отпечаталось «Елены МитЯнкиной», но у меня ведь фамилия МитИнкина!

– Ну, убедились? Вы же сами согласие дали, а теперь тут машете руками передо мной! Зачем путать меня, милочка? Конечно, переход не очень влияет на общую работу организма, но чтоб мозг отказал, это в моей практике впервые!

– Стоп! – зажмурилась, и пальцами сжала виски. Нет, ну такое конечно случается, из-за одной буковки могут потерять документы какие-нибудь, или налог прислать не по тому адресу, но, чтобы тут... О высших силах я была всё же лучшего мнения! – Я Елена, всё правильно, но не МитЯнкина, а МитИнкина!

Старик открыл было рот, чтобы вновь разразиться обличающими словами, но так и закрыл его, ничего не сказав. Потом резко развернул папку к себе, прочитал написанное, потом ещё раз и ещё, и так бы продолжалось бесконечно, если бы я не окликнула его.

– Видите, это недоразумение, верните меня домой, пожалуйста, и сделайте так, чтобы я всё забыла, и мы в расчёте.

Мысль о возвращении домой мне так понравилась, что я даже задышала свободнее и улыбнулась счастливо.

В такие вот моменты и начинаешь ценить пресноту собственной жизни!

– Быть этого не может, – выдавил клерк и пошатнулся. Пришлось ловить его и усаживать на ближайшее кресло, предварительно ногой скинув оттуда кипу папок. Видя моё вероломство старик лишь застонал и схватился за сердце.

Да что же это такое! Не хватало ещё, чтобы он тут окочурился, а меня потом во всём этом обвинили.

– Никогда, за всю жизнь ни одной ошибки, – принялся бормотать горе-работник, пока я металась по кабинету, пытаюсь найти графин с водой. Нашла на подоконнике, там же рядышком примостился гранёный стакан, какие раньше выпускали и какой я последний раз у бабушки в серванте видела ещё маленькой. Налила воды и бросилась обратно к старику. – Что? Неужели Альфия была права и мне пора на покой? Но...

– Пейте! – скомандовала, насильно втискивая в безвольные руки стакан. – И не стоит так убиваться, ошибаются все...

Зря я это сказала, потому что хиленький и умирающий старичок подскочил на месте и как заверещит:

– Все? Я вам не все! Я никогда ни одного договора не перепутал, ни одной буковки, даже запятую ни разу в неположенном месте не поставил! И не надо мне говорить, я...

– Ясно-ясно, – подняла руки, сдаваясь. – Вы не все, но вот она я – подтверждение вашей ошибки.

Праведный гнев старика потух, и он вновь обессиленно упал в кресло:

– Силы Небесные, как со мной могло такое приключиться? – он спрятал лицо в сморщенных ладонях и оттуда сдавленным голосом продолжил жаловаться: – А всё почему? Да потому что эти дурёхи книжек фантастических начитаются, фильмов насмотрятся, песен наслушаются, и давай штурмовать канцелярию просьбами! Жизнь у них, видите ли неинтересная, волшебства им хочется! У меня в этом году столько запросов, сколько за всю жизнь не случилось!

Я кивала, даже не думая о том, что он этого не видит. Мне, отчего-то, стало жалко этого старика, напомнил мою бабушку – незадолго до смерти у неё стали случаться провалы в памяти, она ни меня, ни матушку не узнавала, а когда память прояснялась, то она вот так же плакала и причитала, что не хотела, что оно как-то само... В общем, сердце моё не выдержало:

– А давайте никому не скажем? Вернём всё на свои места потихому и дело с концом?

Во мне ещё цвела махровым цветом надежда.

– А нельзя так, – всё так же глухо пробормотал клерк, и сквозь расставленные пальцы взглянул на меня. – Обратное перемещение может совершить только Верховный хранитель, а он, как узнает о моём промахе такой шум поднимет...

Даже после столь не обнадеживающего ответа надежда всё ещё существовала.

– А кроме него никто помочь с этим не может? – предложила и затаила дыхание в ожидании чуда.

Старик замер, потом медленно отнял руки от лица:

– Может, – выдал, наконец, и я буквально расцвела от счастья, но обрадовалась рано, потому что он добавил: – только Громхельма не видели уже лет сто, а может и того больше.

Вновь замолчали, но тишина была не долгой:

– А если... – задумчиво протянул старик, но продолжил не сразу, видимо, прикидывая в уме все возможные варианты. – Если оставить всё, как есть?

Вот тут пришла пора мне вскакивать на ноги:

– Это что значит – оставить? Я не хочу! Я никаких запросов не делала, и вообще – меня моя скучная и не волшебная жизнь вполне устраивает! Не надо мне такого «счастья»!

В самом деле, и график работа-дом-работа теперь кажется прекрасным, и толкучка в транспорте в час пик – изумительной, а уж как мне вдруг понравились ежемесячные ипотечные платежи, сказка прям!

– Не насовсем, а на время, пока я Громхельма не отыщу, – старичок на удивление крепко вцепился в мои руки и заискивающе заглянул в глаза.

Я же прищурилась недоверчиво:

– Сами же только что сказали, что его больше ста лет никто не видел!

– Не видели, – часто закивал старик, – но так и не искали специально. А у меня вот причина найти его есть, веская шибко!

Клерка мне, правда, было очень жалко, но себя всё же жальче.

– Нет, давайте так – мы прямо сейчас пойдём к этому вашему хранителю и всё объясним, ну поругает он вас чуток, так это ж не смертельно, зато всё вернётся на круги своя и все останутся только в плюсе.

Старик поник, даже цвет лица вновь смог бы посоревноваться с белоснежной простыней, и упавшим голосом возвестил:

– Ошибаешься, таких промахов не прощают, меня мало того, что выгонят из канцелярии с позором, так ещё и лишат содержания. И придётся мне до конца дней просить милостыню.

Он говорил так искренне, что я присела рядом, прямо на пол.

– Странные у вас какие-то порядки, – горестно вздохнула. – У нас за подобную ошибку, максимум, что сделали бы, так это письменный выговор в дело занесли и премии лишили.

Он безрадостно усмехнулся и пояснил:

– Так-то у вас, а мы-то Небесная канцелярия! У нас всё строго, всё должно выполняться в срок и уж точно без промашек. Иначе кому тогда вообще верить можно, если и мы возьмёмся ошибаться по любому поводу? Сегодня я вот тебя в другой мир выдернул случайно, а завтра что? Не того отправлю к праотцам? Оно ж всё с малого начинается...

Серьёзный подход, прям зауважала я местную власть – сумели организовать всё по совести. Но промашки и тут возможны, если судить по моему здесь пребыванию.

– Ладно, – хлопнул одной рукой по строгим брюкам, что сидели на нём идеально, а второй поправил сползший на бок лавровый венец, – пойдём каяться, что время зря терять. И это... – он пожевал губы, отвернулся, пытаясь скрыть блеснувшую в глазах влагу, – прости уж старика, я не со зла с тобой так поступил.

И не сказать, что я в жизни больно жалостливой была, а тут... Что-то надломилось внутри и так горько стало, что я, не оставив себе время на размышления, выпалила:

– А если я соглашусь подыграть вам, вы долго этого вашего Гром... Грох, Грома в общем, искать будете?

Старик просиял, словно его лицо озарило солнечными лучами и закивал так часто, что я испугалась – как бы голова у него не оторвалась:

– Да я сегодня же отправлюсь его искать, да я всю Кранталию переверну, да я...

– Я поняла, – обречённо прервала нескончаемый поток обещаний, – Тогда согласна подождать, только вы хоть расскажите, что за тело мне досталось и что вообще от меня требуется.

Знаю, что за свою жалость ещё хлебну сполна, но не смогла я вот так перечеркнуть долгие годы верной службы этого старика своей чёрствостью. Допустим, меня, наконец-то, отпустили в отпуск, и я отправилась в путешествие, сопровождаемое необычными приключениями.

Глава 3

О том, что чужое тело – тот ещё шкаф со скелетами

О своём решении я пожалела не когда-нибудь в далёком будущем, а буквально через пару минут после согласия.

– И я должна разгрести это всё за неё?! – возмущению не было предела. Во мне всё буквально бурлило от недовольства и праведного гнева.

Ладно там горе-любовник Элшар, с пылкими признаниями и не только с ними, его ещё я могла бы стерпеть, в конце концов, отваживать мужиков я привычна, но так и в академию она попала в число преподавателей не благодаря собственным умениям. По крайней мере, в личном деле имелись намёки на весьма туманные обстоятельства, связанные с какой-то шишкой из тамошнего министерства.

– Но так это же не ты всё сделала! – не меньше моего возмутился Григорий (так представился клерк небесной канцелярии). Почему его имя было столь причудливым, он объяснил с неохотой – маменька его, пусть икается ей в загробном мире вдвойне сильнее, уж больно ценила культуру Земли. В честь какого-то тамошнего деятеля и назвала Гришу, а он со столь неподходящим ему именем всю жизнь мается.

– А репутация то досталась вместе с телом мне! – сдаваться я не собиралась.

Конечно, можно закрыть глаза на людские сплетни, но... Не согласна я с репутацией распутной девицы ходить! Не согласна и всё тут! Была у нас на работе одна дева, получившая место в бухгалтерии благодаря красоте своей неземной и груди пятого размера, так весь коллектив её дружно недолюбливал, а некоторые (те, что в тайне мечтали занять её место) даже ненавидели и подстраивали всяческие гадости. Я же, зная силу женской неприязни, не очень-то мечтаю оказаться на таком месте. А уж стоит представить мужское восприятие моего, то есть Элены этой, статуса, так всё – можно сразу забыть о жалости и бежать к верховному хранителю.

Я девушка приличная, порядочная, умная, всего добившаяся собственным трудом... Не хочу я наступать на горло сложившимся принципам!

– Но ты ведь можешь доказать, что ты не такая! – Сморозил глупость дядя Гриша.

– С чего это я доказывать-то должна? У меня есть своё тело – порядочное, ни в каких порочных связях не замеченное, а не это вот...

Брезгливо ткнула в свою грудь, точнее не в свою... А! Как же это сложно – я, вроде бы я, и не я одновременно.

– Но это же временно! – не выдержал и тонко заголосил старик.

Я выдохнула шумно и пробубнила:

– Ну так я не знала, что даже на время придётся стать распутной женщиной!

– Да не нужно тебе никем становиться, – и не подумал успокаиваться Гриша. – Тебе лишь нужно пару дней не показываться никому на глаза, к тому же ты вон в лазарете лежишь, скажешься больной, а я как раз разыщу Громхельма.

Звучало не так уж и плохо, но...

– А почему вы, Григорий, уверены, что найдёте его так быстро? – Не то, чтобы я была пессимисткой, только... Не верилось, что-то, что всё будет настолько просто.

– А чего сомневаться? – Вполне себе искренне удивился старик. – Кто ищет, тот всегда найдёт! – поднял палец вверх, гордясь своей уверенностью.

– Когда-нибудь, – добавила тихо и со вздохом согласилась: – Хорошо. Но у вас есть два дня, потом, если ничего не получится, всё же придётся пойти к хранителю.

В глазах Гриши мелькнула какая-то тень, но тут же растаяла, и старик счастливо улыбнулся.

Два дня в лазарете... Ну что ж, хотя бы выплусь.

* * *

Проснулась я с довольно странным ощущением – вот вроде бы спала, а будто и не спала вовсе. А потом вспомнила, что добрую

половину ночи разбиралась с Гришей и его ошибкой. Во сне. Или не во сне вся эта вакханалия происходила?

Вот что за дурдом? Жила я себе спокойно, ни о чём таком не мечтала и на тебе – путешествие в другой мир, с переселением в другое тело.

За окном во всю властвовало солнце, на вид самое обычное. Я поднялась с кровати и принялась изучать природу на предмет иномирности, но и тут ничего особенного не обнаружила – трава была зелёной, стволы деревьев коричневыми, мелкий щебень на дорожке бело-серым. Словом, ничего примечательного и удивительного. Я даже расстроилась. Мне-то думалось, что меня ждёт за окном что-то в духе Аватара, а тут всё чинно и благородно.

И только я успела подумать об этом, как где-то вдалеке громыхнуло, да с такой силой, что стёкла задрожали, а я подпрыгнула на месте, хватаясь за сердце. Потом над деревьями поднялось алое зарево и снова громыхнуло. Потом ещё и ещё, пока дверь за моей спиной не распахнулась и в комнату всё так же брюзжа, как и вчера, не вошла медсестра:

– Доброе утро, мисс Елена, опять ваши боевики практикуются, и ведь специально полог не ставят, охломоны такие!

Сочетание «ваши боевики» и грохот, как от бомбёжки мне определённо не понравились. Я даже дыхание затаила, когда прозвучал очередной «залп». А женщина как ни в чём не бывало, продолжила:

– Ну-с, как вы себя сегодня чувствуете? Слабость прошла? Голова не кружится? Можно вас уже восвоеси отправлять?

Услышав последнее, мне даже и дурноту изображать не пришлось – на самом деле дурно стало. Потому что я как представила, что мне придётся вернуться вот к тем охломонам, которые палят без какого-то там полога, так чёрные мушки взаправду перед глазами полетели.

– Что-то мне не хорошо, – проблеяла слабым голосом и упала на кушетку. Надеюсь, не переиграла.

– Что это? – переполошилась тётушка, подбегая ко мне и внимательно всматриваясь куда-то в область груди, будто вместо глаз у неё встроенный рентген имелся. Хотя, может и так, мне всё же не стоит забывать, что в этом мире всё возможно. – Та-а-а-ак, так-так, – напряжённо пробубнила она себе под нос, а потом улыбнулась, коварно так, и предложила: – Мисс Елена, если так хочется, я ведь

могу вам и выходных выписать. Но занимать койку глупости ради не очень-то педагогично.

Мне стало совестно от собственного обмана, я прямо почувствовала, как лицо жаром обожгло. И улыбка эта, что так и не сходила с губ всезнающей медсестры, только добавила неудобства.

Конечно, мне не хотелось выходить из столь уютного места, где всяко проще прятаться от реальности, но идти напролом, когда тебя уже раскусили? Нет, не хватило мне смелости, да и никогда на подобное не хватало.

– Не нужно, мне уже лучше, – пробормотала и села на кровати и надо же в этот момент за окном снова грохнуло, так что я подскочила, едва не врезавшись своим лбом в лоб сердобольной женщины.

Та понимающе усмехнулась, но никак комментировать мою боязнь не стала. Лишь бросила, разворачиваясь:

– Сейчас принесу вашу одежду и можете идти.

Два дня продержаться? Ха! Я и пары часов не выдержала. Ну Гриша, ну спасибо!

Но куда большей проблемой, чем моё изгнание из лечебницы, стала... одежда! Собственно, эти тряпочки вообще сложно назвать нормальной одеждой – юбка хоть и была в пол, зато декольте блузки компенсировало её длину... Мать моя женщина! В нём, в декольте этом, при желании, и утонуть можно! А сверху ещё полагалось носить корсет, так что уверенный второй размер груди чудесным образом превращался в не хилую такую четвёрочку!

– А ничего другого нет? – подняла умоляющий взгляд на медсестру, которая с интересом наблюдала за моими горестными вздохами.

– Другого? – кажется, мне удалось её по-настоящему удивить. – Так это ваша одежда!

Угу, моя... Как же...

– Я, э-э-эм, – замялась, подбирая оправдание. – Боюсь простыть, знаете ли, сквозняки эти так коварны!

И руками для верности прикрыла грудь, явно намекая, где этот самый коварный сквозняк может подобраться ко мне.

Глаза женщины сделались больше, она попыталась было что-то возразить, но потом передумала и махнула рукой, мол, подожди. Я и ждала, а после была очень благодарна – медсестра принесла мне

добротную шаль, которой можно было без проблем скрыть жуткое непотребство.

Не то чтобы я была ханжой, но такая откровенная реклама собственного тела, вкупе с имеющейся репутацией... Так себе занятие.

Ладно, с одной бедой справились, но на горизонте замаячила вторая... Где я тут живу? И надо такому случиться, что от лечебницы два коридора в разные стороны расходятся, прямо как по заказу, чтобы меня запутать.

Не заметила, что медсестра так и стояла у меня за спиной, а потому испуганно дёрнулась, когда она сказала:

– Вам туда, мисс Елена, спуститесь по лестнице, пройдёте до конца и окажитесь в преподавательском крыле, – и указала направо.

Направо – это хорошо. Наверное...

Когда отходила от двери, услышала едва различимое:

– Головой что ли сильно приложились?

А это оправдание, можно взять на заметку.

Коридор оказался бесконечным. Каждый шаг гулким эхом взвивался под потолок и оттуда катился далеко вперёд, оповещая всех и каждого о моём приближении. И чем дальше я шла, тем страшнее мне становилось. Но вот показалась лестница и ещё один коридор, тоже, почему-то, пустой.

За массивной дверью должно быть, и находилось преподавательское крыло, но, подёргав за ручку, я поняла, что она закрыта. А ключа у меня не обнаружилось. И что делать? Идти обратно? Тогда точно медсестра сочтёт меня сумасшедшей. Эх, если бы Гришенька не запретил мне строго-настрога рассказывать о неудавшемся перемещении, всё было бы куда проще.

После ещё двух бесплодных попыток открыть дверь, я уже отчаялась, как она всё же распахнулась. Правда не по моей воле – из неё, едва не шарахнув меня по носу, вышел сам... Господин ректор.

Я не придумала ничего лучше, как плотнее запахнуть шаль на груди и с глуповатой улыбочкой выдавить:

– Здрасьте!

Мужчина нахмурился, окинул придирчивым взглядом, отчего-то особенно придирчиво остановившись на груди, что я так старательно прикрывала. В тёмно-ореховых глазах мелькнуло расплавленное золото и тут же исчезло.

– Мисс Елена? – притворное удивление было настолько притворным, что я чудом не закатила глаза к потолку. – Вам уже лучше?

– Как видите, – продолжила изображать из себя прилежную подчинённую. Нестерпимо хотелось сбежать от него, потому что смотрел он на моё новое временное тело довольно странно. Будто хотел заключить в объятия и... придушить.

– Надеюсь, завтра вы вернётесь на своё рабочее место, – по губам скользнула холодная улыбка.

– Простите, – на этот раз изображая больную, совесть моя была чиста. Солгать начальнику-тирану за грех вовсе не считается, скорее уж за благодетель. – Мне дали ещё пару дней выходных. Слабость.

На последнем слове хотелось развести руки в стороны, изображая крайнюю степень сожаления, что так получилось, но стоило отнять руки от груди, как взгляд ректора опять полыхнул золотом. Словом, рисковать я не стала, руки оставила на месте.

– Слабость, – кивнул каким-то своим мыслям. Посмотрел куда-то поверх моей головы (я, кстати, тоже обернулась, мало ли что он там нашёл, но за мной никого, кроме высокой стены не было), и милостиво разрешил: – Хорошо, отдыхайте, но имейте в виду, ваша группа ждёт вас.

И почему-то на последнем слове он с сомнением запнулся. То ли не знал, ждёт ли меня группа, то ли корректно ли её называть моей.

И зашагал важно дальше, только вот дверь он отпустил и, прежде чем я схватилась за ручку, она захлопнулась.

Да чтоб тебя!

– Господин ректор, – наплевав на то, как буду выглядеть в его глазах, окликнула важное начальство. – Не могли бы вы открыть дверь?

При этом я выглядела так, будто ничего, совсем ничего особенного не спросила.

– Что? – крайне удивлённо переспросил мужчина.

Будь я на его место тоже удивилась бы, но...

– Дверь, говорю, не могли бы вы открыть, у меня... не получается.

Глаза его, в прямом смысле, полезли на лоб, он молча подошёл, протянул было руку, желая, видимо, потрогать мой лоб, но потом передумал и просто приложил раскрытую ладонь к массиву двери. Она

тут же открылась и я, стараясь не смотреть на господина ректора, прошмыгнула мимо. Только на ходу бросила:

– Спасибо!

Конечно, Лена, именно под этим и подразумевают: «Веди себя, как обычно». Куда уж обычнее-то. Здешняя Елена не смогла открыть дверь, склероз случился, не иначе.

Благо в том, что хотя бы двери в преподавательском крыле были подписаны. И до комнаты, где жила прежняя обладательница тела, я добралась без приключений.

А там меня ждал сюрприз.

Тадам! Правильно, дверь вновь не открылась, ключа под ковриком не обнаружилось, а то, как открыл дверь господин ректор я, почему-то, не подсмотрела.

Аррррр!

Впервые пожалела о том, что слишком совестливая. Хотя, на самом деле, далеко не впервые, но сейчас совсем не время вспоминать прежние неудачи. Надо было прикинуться дурочкой, ещё большей, чем сделала до этого, и остаться в лечебнице.

От досады ударилась лбом о дверь, потом ещё раз и совершенно случайно приложила руку к шершавому дереву. В это же мгновение ладонь будто током кольнуло, я рефлекторно отдернула её, но успела увидеть, как кончики пальцев мягко замерцали синеватым светом и погасли, а дверь – открылась.

Ээээ? Это что сейчас такое случилось? Это... магия что ли?

Ну ничего себе! Вот это новости, вот это... А, собственно, чего ты ещё ждала Лена, от мира, где магия всё равно что самолёты у нас – обычное явление. Но впечатление от мерцающих искорок куда ярче, чем от первого полёта. Уж я-то знаю, мне есть с чем сравнивать.

Оглянувшись по сторонам, приложила раскрытую ладонь к двери ещё раз, но, увы, ничего не произошло. Тогда я закрыла дверь до щелчка и попробовала снова.

Получилось! На этот раз я уже не отдёргивала руку, а с маниакальным блеском в глазах смотрела на то, как поверхность двери впитывает мерцающий свет, льющийся с ладони, и как этот свет разбегается вязью замысловатых символов по доскам, а потом – щёлк! – и дверь открылась.

– Магия! – прошептала с глуповатой улыбкой и хотела было повторить только что проделанное, но где-то вдалеке хлопнула дверь, и я мышкой юркнула в комнату. Замерла, прислушиваясь к звукам – в коридоре было тихо.

Ух! Вот это адреналин! Я за всю свою размеренную жизнь ещё ни разу не испытывала такого ненормального любопытства. И, что удивительно, мне это понравилось.

Обернулась, окидывая придирчивым взглядом квартирку, в которой оказалось. Небольшая прихожая, с аккуратным деревянным шкафом у стены и полкой с обувью, плавно перетекающая в гостиную с круглым столом посередине, и миниатюрным письменным столиком у окна. Две двери – одна на поверку привела в светлую уютную кухоньку, вторая в спальню с гигантской кроватью и огромной гардеробной. Маленькая неприметная дверь из спальни вела в просторную ванну и туалет.

Если бы не разбросанные в беспорядке вещи, было бы вообще прекрасно.

Вернулась в гостиную и только сейчас обратила внимание на папку, что лежала на столе. Поверх обложки кривоватым почерком было выведено: «Всё, что смог найти. Григорий»

Было бы куда проще, если бы Гриша заведовал всем сразу, но как оказалось, в Небесной канцелярии целый штат сотрудников. Одни отвечают за биографию простых, или не очень простых смертных, другие – строго отслеживают негодяев и «шьют» им дело (правда, дела эти совершенно секретны и доступ к ним получить без веской на то причины, невозможно), третьи, в лице Григория, приводят в исполнение поступающие запросы, и отчитываются об удачно выполненных переселениях. Старик с воодушевлением пытался объяснить мне действие сложного организма канцелярии, но я запомнила лишь крупницы.

Выходило, что прошлое Элены было не на руках у Гриши, а в архиве, и попасть туда без высокого дозволения хранителя хоть и возможно, но весьма проблематично. Видимо, у него это как-то получилось, раз папка лежит на моём столе.

Прежде, чем приступать к изучению прошлого Элены, хотелось искупаться и снять с себя эти шмотки заправской распутницы. Мне

больше по душе широкие футболки да свободные брюки. Юбки и блузки, тем более с эдаким вырезом – вообще не моё.

Сказано – сделано. Зашла в гардеробную, открыла один шкафчик, другой, третий, четвёртый. Что за ерунда? Такое ощущение, что эта девица закупалась в интим-магазине, ибо самым приличным среди домашних вещей был прозрачный пеньюар с пушистым воротником, сделанным из искусственных перьев.

В глубине одного из шкафов нашлась рубашка, явно принадлежащая мужчине крупного телосложения. И это оказалось лучшим, что я смогла отыскать.

Дабы не расстраиваться, рассматривать одежду на выход не стала. Боюсь, там меня ждало такое же разочарование.

Вода в кранах, так же, как и дверь, активировалась магией. Вот тут я набаловалась всласть. Включала и выключала, делала напор сильнее и слабее, воду теплее и холоднее. Здорово!

После уселась в глубокое кресло, что стояло в гостиной и открыла папку. На первом листе там значилась зубодробительная фамилии, имя, дата рождения и родители. На следующей странице название пансионата, который она закончила с никудышной репутацией, потому что десять баллов из десяти у неё было лишь по музицированию, остальные же (грамматика, основы магии, практическое маговладение, арифметика и история) едва дотягивали до четырёх баллов. В основном же значились тройки.

Дальше была с точно такой же никудышной статистикой выписка из магической академии. Её я перелистнула почти не читая, а дальше... Дальше в папке было вырвано несколько листов, а на их месте остались лишь кривобокие огрызки...

Очень сомневаюсь, что в архиве могли поступить столь неаккуратно с важными документами, да и помня, что Гриша рассказывал про порядок и требования его начальства, я крепко задумалась.

Глава 4

О том, что веселье только начинается

Во-первых, как таковой информации почти не осталось. По крайней мере той, которая помогла бы вжиться в роль Элены.

А во-вторых, кому и зачем понадобилось подчищать биографию такой недалёкой девицы?

Уж не оттого ли, что сбежала она в другой мир не только развлечения ради?

Как бы мне ни хотелось, но любопытство буйствовало, не давало покоя, и я принялась строить догадки на этот счёт, только долго мне подумать не дали. В дверь заскреблись, и я даже не сразу поняла, что это копошение принадлежит кому-то. Но потом постучали, тихо, но всё же куда отчётливее.

Я замерла, кажется, даже дышать перестала. И кого это нелёгкая принесла?

Нет, открывать я не собиралась, но посмотреть, кто там явился очень хотелось.

Аккуратно положила папку на стол, одёрнула рубашку, что доходила мне едва не до колен, и на цыпочках пошла к двери. Настойчивый посетитель и не думал уходит, всё так же постукивал в дверь, но когда подошла ближе, то поняла – этого посетителя стоило ожидать.

Профессор Элшар. Горе-любовник, ловелас, хахаль и прочие эпитеты, к нему относящиеся.

Он тихо барабанил пальцами по дереву, и приговаривал:

– Эли, это я, открой. Я знаю, что ты здесь! Открой. В корпусе никого нет. Открой.

И так без остановки. Вот же приставучий. А ему в голову не приходило, что если девушка тебя игнорирует, то значит не нужно проявлять такое упрямство? Видимо, не приходило, раз он стоял и повторял, словно заведённый одно и то же.

Честно слово, едва сдержалась, чтобы тоненьким голосом не сказать:

– Дома никого нет.

Так он упрямяствовал минут двадцать, не меньше, я же за это время успела сходить на кухню, найти там довольно вкусные местные печеньки. Разогреть воду для чая, правда, не получилось. Пыталась пойти по уже известному пути – прикоснулась ладонью, но ничего не сработало. Магии будто и не было вовсе. Пришлось жевать печенья всухомятку, потому что в закромах у этой девы ничего больше не нашлось. На сегодня придётся озаботиться ещё и пропитанием.

Когда профессор Элшар всё-таки удалился восвояси, я принялась более внимательно осматривать вещи Элены. В кухонных шкафчиках было не густо – с десятков кусочков сахара, упаковка печенья, какой-то травяной сбор. В гостиной в ящиках стола вообще ничего не было, кроме двух криво оторванных листочков, и те были чистыми.

В спальне в прикроватных тумбах тоже царил идеальный порядок, что, смотря на творившийся повсюду хаос было довольно подозрительно. Я уже уверилась в том, что бумаги, наверняка имевшиеся у Элены, исчезли так же, как и документы из личного дела – не просто так.

Нагнулась посмотреть под кровать, но и там ничего, кроме толстого слоя пыли не обнаружила. Кроме тёмного краешка какой-то бумаги. Кое-как достала его. Им оказалась маленькая чёрно-белая фотокарточка. На ней была изображена... шкатулка. Резная, украшенная драгоценными камнями. Дорогая, но... совсем не простая. Даже от фотографии веяло каким-то потусторонним холодом.

А эта Елена была той ещё штучкой. Как бы мне ни хотелось, нужно будет сегодня как-то вызвать Гришу и расспросить его с пристрастием о том, чего мне вообще ждать.

Шкатулку я рассматривала долго, пыталась понять, откуда взялось это странное чувство, будто спрятано под резной крышкой что-то тёмное, нехорошее. Собственно, я никогда не страдала излишней мнительностью и суеверием, но тут не могла отделаться от мысли – что-то здесь не так.

С фотографией вернулась в гостиную и так и застыла на месте – на столе лежала небольшая стопка книг и большой, сложенный пополам лист сверху них. И ещё одна записка:

«Это на случай, если соберёшься куда-нибудь выйти»

А Гриша прохвост, однако! И дело сюда притащил, и книжечки вот, видимо наперёд знал, что в лечебнице надолго я не задержусь. Или

именно на это и рассчитывал?

На большом листе, или точнее сказать, холсте, была карта академии. Подробная. Жаль только, не имела ничего общего с картой Мародёров, а было бы здорово, точно знать, где находится ректор и профессор Элшар, чтобы избегать встречи с этими двумя индивидами. С первым, потому что его брезгливость вызывала раздражение, а со вторым... А, собственно, с ним по той же причине встречаться не хотелось – раздражал он меня безмерно своей навязчивой любовью.

В стопке книг обнаружили следующие:

«Краткий справочник по миру Эхноэр»

«Краткий справочник для переселенцев»

«Памятка на чрезвычайный случай»

Последней была вовсе не книга, а тоненькая брошюрка. Её я и открыла, потому что справочники справочниками, а вот чрезвычайный случай – дело неотложное.

Но каково же было моё разочарование, когда на двух листах брошюры были расписаны приветствия и поздравления с новосельем, и только на одной важная (до смешного) информация:

«... Если вам грозит смертельная опасность, то стоит обратиться в ближайшее отделение стражи и предоставить жетон о переселении. Если же такая угроза отсутствует, то возникающие проблемы вам стоит решать самостоятельно».

Вот так – мол, за что боролись, на то и напоролись, выкручивайтесь, как хотите. Интересный подход, какой-то странный и неправдоподобный, ведь Григорий утверждал о точной работе всяким там служб, а тут – ваши проблемы, вам и разгребать.

Поговорить с горе-работником захотелось ещё сильнее, жаль, что не застала, его, когда он принёс вот это вот добро. А может он специально так быстро сбежал, лишь бы со мной не встречаться, ведь мог бы вежливости ради хоть поинтересоваться, как я тут устроилась.

Вопросы множились, ответы на них не находились, и я всё больше закипала от злости. Вот вроде Григорий всё складно рассказывал, когда мы сидели у него в кабинете, а всё равно картинка не складывается. Или это я такая бестолковая, и секрета тут никакого страшного нет? Не знаю.

Ладно, пока отложим мозговой штурм, нужно позаботиться о бедном желудке, который уже всюю выводит громкие рулады,

недвусмысленно намекая – меня пора кормить. Карта есть, осталось найти одежду. С горестным вздохом отправилась в гардероб.

Что самое удивительное, одежда на выход не была столь вульгарна, как та, что предназначалась для дома. Свитера с высоким горлом, из мягчайшей пряжи, чем-то напоминавшие кашемировые изделия, только ещё нежнее. Длинные повседневные платья хоть и с вырезами, но не такими глубокими, вполне целомудренные блузки, юбки в пол без разрезов и даже не в обтяжку. Хотя и других вещей тоже было в достатке, на манер тех, в которых я пришла из лечебницы, но их было не абсолютное большинство, что, несомненно, радовало.

Выбрав нежно-голубой свитер, и серую юбку, окинула своё отражение критичным взглядом. А эта Элена ничего так. Даже хорошенькая – чёрные густые волосы средней длины, прямой нос, аккуратные губы, мягко очерченные скулы. Словом – девочка-красавица. Если бы ко всему этому не прилагался скверный характер и напрочь испорченная репутация, то вообще было бы прекрасно.

Заплела волосы в простую косу, закрепила лентой, которая была украшена перламутровым жемчугом, или чем-то очень на него похожим, и, нервно выдохнув, решилась.

Ещё раз внимательно просмотрела карту, определилась с маршрутом, и замерла на несколько минут у двери, прислушиваясь к происходящему в коридоре. По ту сторону было тихо.

Я вышла, озираясь по сторонам – никого. Неплохое начало. Прошла по коридору, без проблем открыла дверь, свернула на лестницу, что вела на второй этаж, там миновала ещё один пустынный коридор, ещё один поворот и... Едва не оглохла от обрушившихся на меня звуков – студенты, которых я и не думала увидеть, толпой устремились из дверей столовой.

А завидев меня, буквально сбивались с шага, прожигая в теле дырку. Жаль, что к карте не прилагалось расписание, по которому живёт академия.

– Здравствуйте, мисс Элена! – хором бросила кучка парней, ростом превосходящие меня раза в два.

– Когда вы осчастливите нас своим присутствием? – Продолжил один из них, нахально улыбаясь. А сам глазками на мою грудь – зырк, и я прямо увидела, как его покорило от разочарования. Ну да, свитерок, это вам не блузка с вырезом.

«Никогда!» – хотелось проблеять в ответ, но я подобралась, и чинно кивнула:

– Когда позволит доктор!

– Кто? – нахмурился второй, который стоял, облокотившись о стену. Длинная белесая чёлка падала ему на глаза, и он то и дело мотал головой, пытаясь убрать её.

– Ну-у-у, – замялась, только сейчас сообразив, что ляпнула глупость: – Надеюсь, через пару дней смогу вернуться к работе.

Ребята переглянулись между собой и расступились, пропуская меня. Жутко не хотелось заходить в гущу этой толпы, но видя насмешки и откровенный вызов во взгляде, решилась. Правда не была готова к тому, что первый говоривший чернявый мальчишка прошепчет с придыханием:

– Мы ждём вас с нетерпением! – А все остальные поддержали его кривляние громоподобным гоготом.

В столовую я вошла, буквально полыхая от смущения и злости.

Это надо! Нет, от горшка два вершка, а всё туда же – во взрослые игры им поиграть хочется. Ну я им устрою! Такое устрою, такое... Задохнулась от собственного возмущения и, запнувшись, остановилась.

Чего это ты Ленка, разошлась? Оно тебе надо? Подкалывают ведь не тебя и издеваются эти прыщавые хлыщи тоже не над тобой. Не ты же щеголяла перед озабоченными юнцами, демонстрируя им все женские прелести. И не тебе разгребать эту вонючую кучу, а какой-то другой Елене, которой романтики и приключений в нашем земном мире не хватило. Вот и успокойся. Не для чего изводить нервные клетки и душевное благополучие на неотёсанных болванов!

Отчитала себя мысленно и даже легче стало. Будто груз с плеч свалился. А потом доброго расположения духа добавила и еда, которая была здесь необычайно вкусной, или это дело в том, что я сильно проголодалась? Не важно. Главное, мне действительно стало хорошо впервые за последние сутки.

В комнату я вернулась без особых приключений. Даже получилось остановиться у огромного панорамного окна и полюбоваться видом на парк. Он хоть и был небольшим – видно было опоясывающую его живую изгородь, – но довольно ухоженным и

уютным. Может быть, завтра выйду погулять. Подышу свежим иномирным воздухом, так сказать.

На сытый желудок и информация воспринималась куда легче. Брошюра на случай какой опасности не казалась такой уж нелогичной – на самом деле, если романтической барышне не сидится на месте и приспичило глобальных перемен, то пусть она будет готова, что даже в сказках принцессы не какают зефирками. У них есть проблемы, вполне себе обычные, людские.

Переодевшись снова в рубашку, завалилась на кровать и принялась изучать справочник по миру, в котором оказалась. Не то чтобы я планировала знания эти куда-нибудь применить, просто любопытства ради – когда ещё мне представиться возможность полистать такую книженцию.

А любопытству было где разгуляться.

С первых строк автор сего творения чётко обозначил границы – Эхноэр, это вам не Земля, и вести себя здесь, как дома нельзя. Нужно уважать традиции чужого мир и не пытаться перекроить его под свой вкус и свои стандарты.

Интересно... А прибывшим на Землю магичкам тоже подобное пособие выдают? Чтобы они не пытались привнести всякие там иномирные штучки?

Ладно, опустим эти бесполезные рассуждения.

Так вот, в мире, куда я попала, было пять королевств. Территории они занимали примерно одинаковые, войны между ними случались редко, по кровожадности тоже никому особо не подфартило. Магия... Тоже примерно на одном уровне, с некоторыми незначительными отличиями.

Мне довелось попасть в королевство Южных Предгорий, если судить по не выдраным листам из личного дела Элены. Магию тут измеряли по шкале Кроуса, и даже тут моей предшественнице не повезло – из двадцати возможных всего лишь десять силовых волн. Но, как значилось ниже в книге, магию можно было развить, как я поняла, это всё равно что у нас при усердных тренировках тело становилось выносливее, а у них – энергоспособнее.

Читать хоть было и интересно, но уже где-то к десятой странице поняла, что меня клонит в сон и противиться этому желания я не стала.

А стоило мне закрыть глаза и задремать, как я очутилась в кабинете Григория. Он успел махнуть рукой в знак приветствия, потом посмотрел куда-то поверх моей головы и... меня выбросило из комнаты. Только утром я поняла, что столь желанная встреча не состоялась. И что же произошло?

Итак, я вновь осталась без информации, без напутственных замечаний и просто без поддержки. И я даже не знаю, удалось ли Грише разведать хоть что-то о местоположении Грома какого-то там.

Но утро принесло не только это. Стоило мне встать с кровати, как в дверь постучали. Не так, как вчера вечером, боясь, чтобы его услышали, а ничуть не скрываясь.

Я быстро накинула шаль, которую стоило бы вернуть медсестре, и подошла на цыпочках к двери. Но меня всё равно услышали.

– Мисс Элена, профессора Хаша вызвали в министерство, подменить его некому, кроме вас, – надменный, чуточки низковатый голос принадлежал женщине. И я, не боясь увидеть горе-любовника, открыла дверь.

За ней стояла высокая, сухопарая особа, в том самом возрасте, когда определить его весьма проблематично. Сорок с небольшим? Или с большим? Не знаю. Строгая причёска, из которой не выбивалось ни единого волоска, похоронное выражение лица, и взгляд... Бр-р-р! Таким только запугивать нерадивых учеников. Словом, я и себя почувствовала нашкодившим ребёнком, которого отчитывают за очередную провинность.

– Простите, – извинилась, стараясь выглядеть как можно более разбитой. – Я ещё плохо себя чувствую.

Уголок тонких губ дёрнулся вверх и меня окатило волной нездорового презрения:

– Мисс Ганель сказала, что вашему здоровью ничего не угрожает, так что... – она небрежно взмахнула костлявой кистью. – Будьте так добры, приведите себя в порядок и приступайте к работе!

В каждом слове так и сквозило: «Начни уже приносить пользу, нахлебница!»

Но нахлебницей я никогда не была, да и работы никогда не боялась. В самом деле, не убудет же от меня посидеть вместо профессора в аудитории. Хоть осмотрюсь немного.

– Хорошо, сейчас буду, – и когда она обернулась, самым невинным голосом поинтересовалась: – Не напомните мне, в какой аудитории будет проходить лекция?

Ну вот, опять этот взгляд – полный неопишуемого удивления.

– В девятнадцатой, – фыркнула, будто я в долг у неё тысяч сто попросила.

– Благодарю, – чинно кивнула, чем вновь повергла надзирательницу в шок.

Точно, именно надзирательницу из фильма про какой-нибудь институт благородных девиц эта дама мне и напомнила. Или всё же Шапокляк?

А когда закрыла дверь, тихо проворчала:

– Ну, Гриша, я тебе и это припомню. Посиди, говорит, тихо два дня...

Глава 5

О том, что ноша бывает слишком тяжёлой

Соберись, Лена, соберись! Что нужно для того, чтобы тебя не спалили в первую же секунду? Правильно, делать всё с такой физиономией, будто ты ничего особенного и не творишь. Врать, так уверенно.

Ну и ещё стоит меньше болтать и больше слушать. Вечером, или завтра утром, я всё же надеюсь попасть домой, но осторожность не повредит.

Выбрала строгую нежно-кремовую блузку, чёрную юбку, удобные балетки, что осиротевшими бедняжками прятались среди туфель на двадцатисантиметровых каблуках. Собрала волосы в высокий пучок, нанесла на губы лёгкий блеск, слегка подкрасила глаза – благо, косметика отличалась от привычной мне не столь кардинально, разве что формой баночек и флаконов.

Сверилась с картой, мысленно проложила маршрут и вышла из комнаты.

Когда-то, ещё в студенческую пору, которая закончилась не так уж давно, мне доводилось заменять старенького философа Василия Михайловича у первокурсников. Тогда мне это виделось великой честью, сейчас бы я всё отдала, чтобы вернуться на свой родной оптовый склад и привычно выбивать товар для ипешников. Потому что в философии я, пусть и поверхностно, но всё же разбиралась, хотя бы знала, о чём этот предмет, а что меня ждёт здесь – даже подумать боюсь.

Придётся как-то выкручиваться и первой идти в нападение, чтобы не проиграть сражение.

Дрожащей рукой открыла дверь, пригладила волосы, хотя минуту назад смотрелась в зеркало и точно знала, что с причёской всё отлично.

Что ж, вперёд!

Мама всегда называла меня импульсивно-нерешительной. Я могла месяцами с комфортом отсиживаться в собственной раковине, а могла

сгоряча натворить такого, что, вспоминая проделки спустя годы, всё равно краснела. Конечно, с возрастом это прошло, но именно сейчас мне показалось, что я вновь вернулась в своё детство и вот-вот готовлюсь совершить непоправимую глупость, или уже совершила её, поддавшись на жалостливые уговоры Гриши. Чего проще было отказаться от бессмысленной затеи и отправиться к верховному хранителю, но нет, я выбрала иной путь – полный приключений и борьбы с самой собой.

А может быть дело в том, что, как бы я не твердила обратное, моя скучная жизнь мне порядком надоела? И я, пусть неосознанно, но всё же мечтала хоть что-то изменить? Окунуться с головой в незабываемые приключения? Выйти за рамки привычных мне реалий? А куда уж больше можно выйти за рамки, как не в неизведанном мире, где магия так же обычна, как электричество для рядового жителя земли русской.

При желании можно и гнилую репутацию выправить, и магии обучиться, и студентов на место поставить... Словом, можно всё, если приложить усилие.

К шумной аудитории я подошла в решительном настроении, да только когда открыла дверь и на меня уставились пар двадцать любопытных глаз, то решительность мигом исчезла, и мне стоило большого труда не захлопнуть дверь и с истошными криками «а-а-а-а» не вернуться в свою комнату.

Выстояла. Даже постаралась удержать на лице спокойное выражение, что по ощущениям вышло неплохо. Ни один мускул не дрогнул и нерв не дёрнулся.

– Здравствуйтесь! – поприветствовала подозрительно притихших ребят. Никто из присутствующих мне знаком не был, парней, что встретились вчера у столовой, тут не обнаружилось. Значит это другой курс.

Но мальчиков здесь было всё же больше, чем девчонок. Из двадцати трёх (если правильно успела сосчитать) студентов, только четыре были женского пола.

– Садитесь, – махнула рукой, разрешая им занять свои места, но один из них демонстративно закинул ноги на стол и флегматично поинтересовался:

– А где профессор Хаш, мисс Елена?

– Ноги убери, – попросила спокойно, усаживаясь за кафедру, опасаясь, что если не сделаю этого, то непременно упаду, потому что ноги нещадно дрожали. – Профессора Хаша вызвали в министерство, меня попросила заменить его.

– И как же вы будете его заменять? – пропустив мою просьбу мимо ушей, бросил светловолосый. – Хотя нет, давайте сделаем так – вы нам прочитаете лекцию о профессиональном соблазнении. Уверен, нашей Мари это пригодится.

Вся аудитория, за исключением покрасневшей Мари, залилась хохотом.

Я была обескуражена. И вот как, позвольте спросить, с ними общаться? Будь я в своём теле и с моей родненькой репутацией, ничем не омрачённой, я бы чувствовала себя увереннее, чем вот так. Но делать надо было что-то, нельзя же нахалу вот так спускать его гадкую выходку.

Подобралась, сжала руки в кулаки так, что ногти впились в ладони и поднялась со своего места. Гордо подняла голову и покачивая бёдрами направилась к белобрысой выскочке. Так я ещё никогда не ходила... Мягко, грациозно и до тошноты вызывающе. Даже длинная юбка и целомудренная блузка не стали помехой для того, чтобы у доброй половины аудитории, той, что была мужеского пола, загорелись глаза. А виновник, что разглагольствовал, сначала смотрел на меня с ехидной ухмылкой, но чем ближе я подходила, тем больше блёкла она, пока не пропала вовсе, оставив на лице лишь растерянность.

Я нагнула у стола так, чтобы грудь коснулась деревянной поверхности, оттянула ворот блузки, как если бы мне вдруг стало жутко душно.

Глаза парня медленно заскользили вниз, зрачки заполнили почти всю радужку, и дыхание вдруг стало частым и поверхностным. Рот сам собой приоткрылся, и я протянула пальчики с идеальными ноготками, придерживая его подбородок:

– Знаешь, дорогой, – произнесла нараспев. – Для того, чтобы соблазнять тоже нужны мозги, а вот тебе они больше не понадобятся. Потому что всего за пару минут я, заметь, без посторонней помощи, превратила их в жидкий кисель.

Резко выпрямилась и вернулась на своё место, с удовольствием вслушиваясь в гробовое молчание. Правда, длилось оно не долго к

моему сожалению.

Кто-то присвистнул, кто-то хлопнул в ладоши, констатируя свершившийся факт:

– Марик, а ты поплыл!

Но вышеупомянутый Марик мириться с сим фактом не пожелал. С грохотом отодвинул скамью, на которой сидел и подошёл ко мне именно в тот момент, когда я успела занять свой стул. Он нагнулся низко, сильной ладонью зафиксировав кисть моей левой руки и буквально прорычал:

– Слушай ты, шлюха! Не смей отрабатывать на мне свои умения! Иначе...

Договорить он не успел, взбунтовавшаяся во мне злость нашла выход, для меня довольно непривычный. Я свободной рукой накрыла его, от чего парень болезненно дёрнулся. Сцепленные руки загорелись слабым голубоватым светом, и я точно знала – Марику больно.

– Ещё раз подойдёшь ко мне – отправишься прямиком к ректору в кабинет! – Я угрожала наобум, потому что не знала, вступиться ли начальство за самую нерадивую подчинённую, какую только можно было найти, или же нет.

Марик всё так же был зол, но руку отдёрнул, окинул меня свирепым взглядом и вышел из аудитории, с грохотом захлопнув дверь.

Остальные притихли, словно мышки, и я, стараясь не дрожать от нахлынувших эмоций, произнесла:

– Я не мешаю вам, вы не мешаете мне. И все будут счастливы.

Кто-то кивнул в ответ, кто-то опасливо покосился на мои сложенные на столе ладони, но поднимать шум больше никто не стал, и я посчитала это маленькой победой. Знал бы кто, какой ценой она досталось мне. Внутри всё тряслось, будто я только что на тарзанке со скалы прыгнула, и сердце стучало, как сумасшедшее, а по спине струился холодный пот.

Впервые, с момента своего попадания, я осознала, насколько действительно влипла. Пусть временно, но это не отменяет того факта, что ситуация патовая.

Только минут через пятнадцать я немного успокоилась и стала прислушиваться к тихим разговорам студентов. По сути, речь их ничем не отличалась от мне привычной, разве что мат и сленговые словечки

отсутствовали. Но на замену им они употребляли что-то вроде: тьма тебя подери, не приведи пресветлая, чтобы тебя мертвяки сожрали. Ничего необычного и экстраординарного.

Я делала вид, что изучаю какую-то бумажку с причудливыми формулами, но на деле ни одну закорючку распознать так и не смогла. И окончанию пары, которую ознаменовал мерный перезвон чего-то похожего на наш земной звонок, была рада не меньше приободрившихся студентов.

Попрощались со мной лишь некоторые, но я и не претендовала на их благосклонность. На клочки не разорвали и то благо. Правда, обрадовалась я рано, потому что стоило мне направиться к выходу из аудитории, вслед за последним студентом, как меня буквально внесли назад, смяв в недвусмысленных объятьях.

Профессор Элшар!

Он ногой закрыл за собой дверь, при этом удерживая свои руки на моей груди, и впился в губы омерзительным поцелуем. Всё происходило так быстро, что я толком и отреагировать не успела. Забилась только, когда меня спиной впахнули в неприметную дверь, что вела, как оказалось, в подсобку, заваленную свёртками бумаг.

Ударила кулаком по спине, потом ещё раз и ещё, но пока не прикусила напористые губы, этот пень бесчувственный не отпустил меня.

Я отскочила назад, и принялась рукавом неистово оттирать рот от этого пакостника.

– Эфена, – выпячив укушенную губу, прошепелявил профессор, – што ты дефаешь?

Я же едва не плакала.

– А вы что делаете, профессор? – Простонала, с трудом сдерживая рвотные позывы. – Что вы себе позволяете вообще!

– Я? – От удивления он выпрямился и даже забыл о покалеченной части физиономии. – Элена?

И сделал шаг ко мне, я же взвизгнула и вооружилась увесистым свитком:

– Не подходи! Зашибу!

Угроза вышла так себе.

– Элена... – растерянно хлопая глазами он прижался к противоположной стене, и я рванула на выход из этой каморки. И надо

же такому случиться, тьма меня подери, в аудиторию вошёл сам господин ректор, собственной персоной.

Они все сговорились, что ли?!

Начальство окинуло меня удивлённым взглядом, который мигом заледенел, стоило из каморки показаться домогателю. Хотелось разочарованно застонать, но вместо это я лишь спрятала за спину свёрток, который так и держала в руке.

Застыли, стоим. Прямо немая сцена из Ревизора.

Ректор отмер первым, блеснул холодной улыбкой, которая к хорошему расположению духа не имела никакого отношения, и с ехидцей спросил:

– И чем вы там занимались, позвольте спросить?

На профессора Элшара я и не надеялась, сразу вспомнила, какие он оправдания в лечебнице придумывал и взяла огонь на себя:

– Мы? – Невинно хлопнула ресницами, насколько это вообще было возможно в сложившихся обстоятельствах и в таком состоянии. – Инвентаризацию проводили.

Вновь наступила немая пауза, и теперь уже две пары глаз во мне дыру принялись прожигать.

– Инвен... Что? – Ноздри ректора хищно раздулись и сам он странно порозовел, а потом побледнел и я поспешила добавить, пока он не приобрёл синюшный оттенок.

– Инвентаризацию, – кивнула с важным видом, – это когда проверяют...

Упс, кажется, я сделала только хуже, потому что начальство окончательно утратило спокойствие и рявкнуло:

– Я знаю, что такое инвентаризация! Вы... – рука со сжатым кулаком метнулась в сторону горе-любовника и он, как хамелеон, посерел, прям под цвет стен аудитории.

Но ректор его бить передумал, едва не пуская пар из ушей, на грани взрыва попытался удержать лицо:

– И как? Всё на месте?

Я, даже не задумываясь, опустила взгляд на собственную грудь, и машинально коснулась пальцами губ.

– Вроде всё, – прошелестела, уже понимая, что бури нам не миновать. Но ректор удивил, шумно вдохнул и не менее шумно выдохнул, а потом не терпящим возражения голосом произнёс:

– Пройдёмте со мной, мисс Элена.

И мне стало по-настоящему страшно. Потому оставаться с начальством наедине, когда оно в таком состоянии... Да я не самоубийца, честное слово!

– Вы знаете, что-то мне нехорошо, – проблеяла дрожащим голосом, – я лучше пойду...

– За мной, я сказал! – Рывкнул так, что я подпрыгнула и выронила свиток.

Хотела было его поднять, но меня наградили таким взглядом, что я, склонив голову, поплелась за ним. Попутно одарила возмущённым взглядом домогателя – и чего припёрся? Любви ему захотелось, видите ли.

По коридору я шла в полной мере оценив, как в средние века людей вели на казнь – прям, так и представлялось отчего-то, что вот-вот привяжут меня к столбу и закидают камнями с криками: «Блудница! Бей её!»

Встречающиеся студенты провожали нас любопытными взглядами, а преподаватели – полноватая женщина и седовласый старик в огромных, круглых очках, – лишь покачали головами, свято уверенные в том, что я вновь что-то натворила. А я ничего не творила, это всё Элена, которой спокойно не жилось. Я тут вообще мимо проходила.

В кабинет ректора я вошла дрожа, как осиновый лист, что не укрылось от мрачного и злого начальства. Он жестом приказал мне сесть в кресло, сам же налил в прозрачный бокал какую-то жидкость рубинового цвета, залпом выпил её, сморщился и подошёл со спины, положив тяжёлые руки на мои дрожащие плечи.

– Помнится, в прошлую нашу беседу мы пришли с вами к взаимопониманию. Или мне только показалось?

Обречённо вздохнула, сильнее вжимая голову в плечи:

– Пришли и вам не показалось, – озвучила и без того очевидное. – Но я и не виновата, он... – запнулась, не зная, будет ли правильным сдать с потрохами горе-любовника, и рассудила, что пусть и не своя голова, но её всё равно жалче, – Он сам пришёл. Я его не звала.

Выдохнула и замолчала, напряжённо ожидая реакции его ректорского величия. А он реагировать не очень-то торопился – замер

и ни звука издавать не собирался. Я хотела было повернуться, узнать, не уснул ли он там, но духу не хватило.

Так и сидели, точнее сидела только я, а мужчина стоял за спиной, держа руки на моих напряжённых плечах.

– Не звала, значит, – кажется, через целую вечность пробормотал всё же, и руки убрал, а потом спешно сел за свой стол, уже оттуда взирая на меня всё ещё полыхающим взглядом.

– Не звала, – подтвердила ещё раз, а для надёжности и головой помотала из стороны в сторону.

– Хм... – выдал многозначительно и теперь пришла моя пора замирать в недоумении. Что «хм»?

Беседа наша с мёртвой точки не сдвинулась и через пять минут тишины я всё же уточнила:

– Может я пойду?

Ректор полоснул суровым взглядом и совершенно нелогично рыкнул:

– Зачем?

– Эм-м-м... – не нашла ничего лучше, как промычать что-то нечленораздельное. А потом собралась с мыслями: – У вас есть ещё какое-то дело ко мне?

Мало ли, вдруг он не знает, как разговор начать. И тут меня осенило:

– А-а-а, вам, наверное, светловолосый мальчик пожаловался, да? Марик, кажется. Так вот, он сам виноват, нечего было унижать меня на всю аудиторию.

Выпалила, как на духу, и зажмурилась. Правду то я сказала, но это не оправдывает поступка, которым я наказала паренька. Возьми мой поступок рассматривать со стороны, видок у него, прямо скажем, тухлый.

– Марик? – Всё ещё витая где-то в облаках, непонимающе переспросил ректор. – Ах, Марик, – добавил уже куда тише, но в мнимом спокойствии этом мне почудилась едва прикрытая угроза. – С Мариком я поговорю.

Хотела было ляпнуть – не надо, но вовремя прикусила себе язык. Пусть говорит, авось студенты хоть начнут бояться разборок с ректором. А то всё сама да сама. Пускай и мужчина внесёт свою лепту в укрепление моего авторитета.

– Спасибо, – поблагодарила от души и вновь робко предложила: – А теперь уйти можно?

На его лице эмоции проносились одна за одной, будто он боролся с внутренним демоном, так некстати ожившим. Только спустя несколько минут, он решился озвучить мучавшие его мысли:

– Мне кажется, или вы несколько изменились, мисс Элена?

От те раз, не в бровь, а в глаз!

Внутри всё сжалось от страха, а язык будто онемел. Заметил-таки... Но ведь этого стоило ожидать, я, увы, никогда не отличалась особыми актёрскими талантами. Впрочем, надежда на Гришины поисковые способности и, следующее за ними скорое возвращение, не дают мне сказать всё, как на духу.

– О-о-о-о... я... несколько пересмотрела свои жизненные ценности.

И не солгала вроде, но и правду не сказала.

– Да-а-а? – протягивает с явной насмешкой. – И что, позвольте спросить, сподвигло вас на это пересмотрение?

Это что это? Он насмеяться вздумал надо мной? Подобралась, неосознанно бросая вызов начальству, и промолвила:

– Не что, а кто, – поправила деловито. – Вы, конечно же.

Глаза его округлились и едва не выскочили из орбит, а я не без удовольствия добавила:

– Ваша речь в лечебнице произвела на меня неизгладимое впечатление, так что я решила не искушать судьбу и встать на путь истины.

Успела заметить разочарование, мелькнувшее во взгляде, но так и не поняла, откуда оно взялось и к какой части моего признания относилось.

– Идите, – через минуту буркнул он, и я без промедления выпорхнула из кабинета.

Пронесло...

«В этот раз», – подсказала, чувшая неприятности пятая точка, и я, подумав, согласилась с ней.

Дальше день проходил вполне сносно. Я пообедала без особых приключений и даже умудрилась разговориться с уборщицей, что после нашествия студентов стирала со столов. Женщина средних лет,

судя по всему, не очень-то вникала в местные сплетни, так что относилась ко мне без явного презрения, что радовало.

Тяжело это, когда тебя ненавидят, а ты и знать не знаешь, за что именно.

Так вот, от неё я узнала, что самое лучшее время для прогулки по приглянувшемуся мне парку, вечер, когда у студентов полным ходом идёт время для выполнения заданий. И что погода скоро испортиться, стихийники вновь что-то напортачили с экспериментами. И что у булочника мистера Зарая новые вкусные пирожные появились, их непременно стоит попробовать. Она говорила много, часто перескакивая с мысли на мысль, но я хоть немного вникала в то, что происходило вокруг.

На самом-то деле интересы и тревоги были вполне обычными – мода, погода, политика, недовольство бытовухой. Ничего особенного я не услышала, а потому в конце концов сбежала к себе в комнату и принялась расхаживать из угла в угол.

Пора бы уже хоть какие-то выводы сделать...

Элена дама гуляющая, это я ещё в первый день перемещения узнала, но что её ненавидели все вокруг, ну кроме разговорчивой уборщицы, меня удивило до крайности. Это какой же сумасшедшей надо было быть, чтобы оттоптать большую мозоль всем, до кого только можно было дотянулась? Нет, и среди моих знакомых были такие экземпляры, которые умудрялись разругаться даже с теми, кто отродясь голос не повышал, но всё же... Кажется, Элена переплюнула и их.

И зачем её занесло в академию, раз она смогла пробиться к сильным мира сего? Сидела бы себе в какой-нибудь роскошной квартире в качестве содержанки, ходила бы по модным показам, (или какие у них тут развлечения в высшем свете?) и бед не знала. Нет же, понесло её зачем-то в академию, детишкам преподавать.

Вечерняя прогулка и впрямь оказалась тихой и спокойной. Я прошлась по парку несколько раз, посидела на резных скамейках, полюбовалась цветами в клумбах, послушала почти обычное пение птиц. К счастью, никого я не встретила, и ни с кем не поругалась. Изумительно же, что сказать!

А укладываясь спать я надеялась только на одно, что Гриша уже нашёл Грома какого-то там. Но утро принесло хоть и не панику, но

близкое к ней состояние – нерадивый клерк так и не явился. Даже мельком.

Глава 6

О том, что запасной план нужно продумывать заранее

С этим что-то нужно было делать. Нет, медитация и настойчивый призыв Григория положительного результат не дали, что меня расстроило, но ещё пока не ввергло в уныние. А потом явилась надзирательница и отчитала меня, как сопливую девчонку за безответственность, разгильдяйство и непрофессионализм.

Оказывается, я не пришла на лекцию, на которой меня ждали. Я невозмутимо выслушала оскорбления, лучезарно улыбнулась, на самом деле мечтая повыдирать этой Шапокляк все волосы, и попросила:

– Будьте так добры, проводить меня в мой кабинет.

Женщина побагровела, задохнулась от возмущения, но я буквально добила её:

– Не обессудьте, я могу прийти и сама, но... Вдруг заблужусь? И ещё одна лекция окажется под угрозой...

Сказав всё это самым невинным тоном, на который была способна, даже начала гордиться собой – это надо так извернуться, чтобы надзирательница, фырча и всё так же извергая проклятья, довела меня до кабинета?

А там меня ждал тот самый курс, ребята с которого встретились мне во время первого посещения столовой. Моё появление обозначили овациями, свистом и шквалом сальных шуточек, на которые я предпочла не обращать внимание.

– Здравствуйте, уважаемые студенты! – Держать лицо, когда тебя буквально помоями поливают, невыносимо сложно. Но... Я старалась. – Сегодня проведём небольшой опрос по изученным темам. Что последнее мы с вами разбирали?

Играть, так по-крупному.

На этих словах ребята как-то разом сникли, даже шутить перестали, что стало спасением. И тут я узнала (надо же, какое счастье?), что преподаю, оказывается, теорию магических плетений.

Что?! Так и хотелось заорать в голос!

Как такую никчёмную девицу поставили преподавать что-то вроде этого? Пусть я ничего не смыслила в магии, но предмет-то явно не из проходных!

Соберись, Лена! Соберись! Вариант с проведением опроса был не лучшей идеей, но отступить поздно. Главное, сохранить невозмутимое выражение лица. И заставить себя не дрожать. И сделать так, чтобы голос звучал уверенно.

Но исполнить всё и сразу оказалось куда сложнее...

– Давайте, – голос сорвался жалким писком и пришлось прокашляться несколько раз прежде, чем продолжить. – Давайте пройдемся по терминологии... – надеюсь, говорю я правильные вещи, ох как надеюсь, – Кто больше напишет разновидностей магических плетений и особенности их различий между собой, тот и получит десять баллов.

Фух, хорошо, что в деле Элены листы с оценками не вырвали, я теперь хоть знанию систему, по которой поощряют студентов.

Ребята нехотя достали что-то похожее на привычные мне тетради – тёмные листы в кожаных переплётках, только толщиной едва ли ни с увесистый томик «Война и мир». Это сколько же они пишут на лекциях, что им приходится заводить такие «книжечки»?

Удивление своё постаралась ничем не выдать и заглянула в преподавательский стол, где обнаружилась замечательная книга: Магические плетения – от теории к практике. Её-то я и открыла, и погрузилась в чтение, пока подопечные выполняли моё задание.

Странное дело, но чем больше я читала, тем отчётливее понимала – вместе с телом мне досталась и мышечная память. Я точно знала, как сложить пальцы, под каким углом выставить руку, чтобы, например, получилось охранное плетение. Или плетение стабилизации, или вот рассеивающее плетение.

Плетений было много, и я вдруг сразу поняла, почему ребятам не очень-то понравилось моё задание – попробуй упомни их все. А мне учебник неожиданно понравился. Я всегда любила учиться, не то, чтобы была отличницей, но некоторые предметы вызывали восторг, и я с радостью изучала чуть больше, чем нам давали на лекциях в институте. Правда, несмотря на все мои стремления, особых высот в

жизни добиться не удалось, тому виной импульсивность и временное отсутствие оной.

Я зачиталась и даже не услышала, как прозвенел звонок или что у них там звенит. Народ потянулся к двери. Попутно они небрежно бросали тетради на мой стол.

Лекция, на удивление, прошла без особых происшествий. Даже странно – у столовой ребята явно были настроены поиздеваться надо мной, здесь же удостоили лишь беглого взгляда. То ли на них неуместный опрос так повлиял, то ли здесь какая-то другая причина.

Ладно, пока отложим этот вопрос и займёмся другим.

Нужно пойти... да, да, в библиотеку!

Карту я взяла с собой, а потому без труда нашла сердце академического мира. Вот только внутри меня ждал сюрприз, никого, вроде библиотекаря там не оказалось. Да и студентов тоже не было. Словом, за высокими резными дверями с витиеватыми узорами не было ни души.

Я прошла вдоль стеллажей, уходящих высоко вверх, провела рукой по обшарпанным корешкам книг. Нет, можно здесь и самой похозяйничать, только, боюсь, искать самостоятельно необходимую литературу я буду... год, не меньше. И надо же, именно в этот момент за спиной что-то громынуло и, обернувшись, я увидела самого настоящего призрака...

В обморок не хлопнулась чисто случайно. И не закричала истошно по той же причине.

А призрак, молодая девушка, почти ещё девочка, подошла, точнее подплыла ко мне близко-близко, улыбнулась приветливо и произнесла:

– Добрый день, мисс Эле... – она не договорила, прищурилась, внимательно рассматривая меня своими сияющими жуткими глазами и, понизив голос, произнесла: – Вы не Елена. Вы чужая!

Мало того, что я привидений боюсь, так она ещё и секрет мой открыла. И что делать? Бежать? Подозреваю, что это будет не очень разумным поступком.

От двери раздались чьи-то шумные голоса, но они тут же стихли, потому что девушка-призрак взлетела к самому потолку и ка-а-а-к рявкнет:

– Тишина в библиотеке!

Мать моя женщина, я впервые чуть не обделалась от страха.

Прислонившись к стеллажу, я стала двигаться в сторону выхода. Может получится улизнуть незамеченной? Тогда и объясняться не придётся. Но удача была не на моей стороне.

– Куда? – тихо прошипела девушка, спустившись к полу.

– Я не виновата, – бросила первое, что пришло в голову. А потом принялась сбивчиво говорить: – Это всё Григорий, из канцелярии, он напутал, и я попала сюда, совсем того не желая.

Он досады, что речь моя вышла не такой складной и гладкой, как мне того хотелось бы, нахмурилась и выдохнула шумно. Девушка же смотрела на меня, не мигая, и не произнося не звука. Потом склонила голову набок и поманила меня рукой за собой:

– Пойдём, здесь не стоит об этом говорить.

Не веря своему счастью, с места я не сдвинулась и всё смотрела на то, как призрак удаляется от меня, пока она не обернулась и не посмотрела выразительно:

– Ну? Чего стоишь?

И я пошла. Поначалу шагая не очень уверенно, а потом всё больше успокаиваясь. Если она сразу не заголосила на всю академию, что в теле Элены чужачка, то есть шанс, что она и дальше этого не сделает? Во всяком случае, хочется в это верить.

Она провела меня вдоль бесконечных стеллажей, и когда я уже отчаялась дойти хоть куда-нибудь, на нашем пути показалась маленькая неказистая дверь. Чтобы пройти в неё мне стоило сложиться едва ли не вдвое, но когда я оказалась по ту сторону двери, то непроизвольно ахнула. Это был небольшой дворик с каменным колодцем посередине. Со всех сторон двор был окружён высокими стенами, и ясное синие небо виднелось маленьким огрызком.

– Садись, – прищурившись, бросила девушка и сама опустилась на край колодца. Я опасливо покосилась на круглые валуны, из которых он был выложен и всё же села. – А теперь рассказывай! – Не попросила, потребовала.

Я же замешкалась. Рассказать всё вот так с ходу первому встречному? К тому же, призраку? Стоит ли?

– А ты потом сдашь меня ректору? – Спросила, тоже переходя на «ТЫ».

Девушка, раздумывая, постучала призрачным пальцем по подбородку, и выдала:

– Это будет зависеть от того, что именно ты мне расскажешь.

– Нет, так не пойдёт, – проворчала недовольно, а она взяла и рассмеялась:

– Да говори уже, никому я про тебя не расскажу.

Вот так бы сразу. И я начала говорит. Быстро, сбивчиво, путанно. Слова лились нескончаемым потоком, и я никак не могла остановиться. То ли дело в том, что девушка-призрак была идеальным собеседником, то ли в том, что мне было жизненно необходимо выговориться. Почувствовать себя простым человеком, а не шпионом в стане врага, где каждый второй готов подловить на неправильном взгляде, на случайно брошенной фразе, на движении.

Гриша, Элшар, ректор, надзирательница, медсестра, обнаглевшие студенты – от меня досталось всем. И когда я всё же выдохлась, то с удивлением обнаружила, что всё это время, оказывается, расхаживала по небольшому дворику и яростно размахивала руками.

Смущённо потупилась и закончила:

– Теперь точно сдашь?

Почему-то даже не было страшно, а когда она в ответ звонко рассмеялась, сама не удержалась от улыбки.

– Нет, – проговорила, когда перестала смеяться. – Ты мне нравишься. У тебя душа светлая, такая же, как у Элены.

Вот тут я улыбаться перестала. Как у Элены? То есть, она прежней хозяйке тела ещё и симпатизировала?

– Она с тобой дружила? – Не удержалась от вопроса.

Кажется, девушку он ничуть не удивил.

– Она совсем не такая, какой её представляют все окружающие, – с горькой улыбкой произнесла она, но потом взмахнула рукой, будто пытаясь разогнать эту самую горечь. – Вижу, несладко тебе пришлось. Что думаешь теперь делать, пока нерадивый Григорий не явится возвращать тебя домой?

Хороший вопрос... Очень хороший, но как ответить на него, я не знала. Поэтому лишь пожала плечами и задала встречный:

– А ты почему не удивилась тому, что я рассказала? Ты что-то знаешь о перемещениях?

Девушка поникла, и, кажется, стала ещё прозрачнее, если это вообще возможно.

– Слышала кое-что, но этого ничтожно мало, чтобы помочь тебе вернуться.

Мы замолчали. Я села рядом с ней, заглянула в колодец. Его жерло уходило далеко вниз, так что кроме бездонной темноты разглядеть ничего не вышло.

– Придётся выживать как-то, – пробормотала, обняв себя руками.

Придётся. Сама же согласилась на всё это. Надо было не слушать Гришу, а идти напрямиком к хранителю и возвращаться домой. Но абы да кабы... Теперь поздно об этом жалеть.

– Придётся, – согласилась девушка и я посмотрела на неё.

Молоденькая совсем, хрупкая такая, и не потому, что прозрачная, а сама... Талия тонкая, руки худенькие, пальцы на руках изящные... Длинные белоснежные волосы, с тугими крупными локонами, вздёрнутый кверху носик и глаза... Если не думать, что на тебя смотрит призрак, то взгляд от неё отвести было сложно. Такая она ладная и миниатюрная.

– А ты... – начала и замолчала, не зная, прилично ли это – спрашивать у призрака, как она умерла.

Но девушка оказалась проницательной:

– Как умерла? – Посмотрела на меня, нагнула голову к плечу и лучезарно улыбнулась. – Случайно, на меня стеллаж в библиотеке упал.

Кажется, она совсем не была расстроена тем фактом, что смерть её произошла по такой нелепой случайности.

– Как... стеллаж? – Переспросила, не совсем понимая, как такое вообще могло произойти.

– Очень просто, – вновь не увидела ничего необычного в моём удивлении девушка. – Я любила читать, часто приходила в библиотеку, даже ночью. Вот в одну из них и разыгралась страшная буря. Ветром сорвало статую с башни, она проломила стеклянную крышу библиотеки и повалила один стеллаж, а он потянул за собой ещё несколько. Я просто не успела убежать.

И всё с улыбкой рассказала, будто так и надо...

– Мне жаль... – попыталась как-то обозначить своё отношение, на что девушка взмахнула изящной кистью, и рассмеялась:

– Не о чем жалеть, я очень рада, что так вышло.

«Бом» – это моя челюсть ударилась о каменный край колодца.

– Рада? – Голос сел почти до едва различимого шёпота.

– Конечно, – удивилась моему вопросу, – видишь, какой внешностью меня наградила природа? Матушка из-за этого с ума сходила, всё пыталась повыгоднее меня замуж пристроить, и слышать не хотела о том, чтобы я после обучения в академии преподавать осталась. А я... – тут она мечтательно закатила глаза, – Я книги люблю. Знания, что хранятся в них – смысл моей жизни.

Да уж, удача так удача. Прибило стеллажом в библиотеке, и она осталась здесь навечно в качестве призрака.

– Действительно, повезло, – кривовато улыбнулась и замолчала, раздумывая о превратностях судьбы.

Это же надо... Радоваться своей смерти. Удивительно!

– Меня Риша зовут, – в её глазах горело неподдельное счастье, и я не смогла не ответить ей теперь уже искренней улыбкой. – И знаешь, я подумала... – замолчала, посмотрев куда-то ввысь, – Я помогу тебе освоиться, раз уж пока ты здесь застряла.

За эти слова я готова была простить ей любую странность.

Глава 7

О том, что призраки самые лучшие учителя

К освоению новых земель решили приступить незамедлительно. Оказалось, что информация, собранная в выделенных мне книгах, была слишком поверхностной. Собственно, я и так об этом догадывалась.

Меня не столько интересовала карта мира, сколько реальная жизнь. Обращение друг к другу. Быт. Нормы приличия и что считается их отсутствием. Академия, студенты и их предназначение после выпуска. О чём с ними можно говорить, а какие темы лучше избегать. И вообще... Как жить-то мне с магией, и преподавать её, если я ничегошеньки о ней не знаю?!

Риша молча выслушала поток моих вопросов, подумала пару минут, недовольно хмурия брови, и выдала:

– Так, начнём, пожалуй, с магии, это тебе сейчас нужнее, – улыбнулась и поднялась над колодцем, – Что же касается всего остального, то неприязнь, которую заработала Елена в этом заведении тебе только на руку. В близкие друзья никто набиваться не станет.

Тут я не удержалась от ядовитой ухмылки:

– Ну да, никто, кроме профессора Элшара и ректора.

Риша воззрилась на меня с удивлением:

– Про Элшара, положим, я знаю, а причём здесь ректор?

– Да он мне прохода не даёт, всё правилами своими в нос тычет, будто дел у него других больше нет... – пробормотала расстроено, потому что этого индивида, действительно, не понимала. Ладно, радеет начальство за репутацию своего заведения, ну так и радей, как следует, собери там педсовет какой-нибудь, донеси информацию до всех, а то как-то несправедливо – ругают меня, хотя виноват этот ловелас недоделанный.

– Хм-м... – протянула задумчиво девушка и обнадёжила, – Элшара ты уж сама попробуй отвадить, а на счёт ректора я постараюсь хоть что-то узнать.

На том и порешили. Мы вместе вернулись обратно в библиотеку, пока она собирала для меня необходимые книги, я бесцельно бродила между стеллажами. Жутко захотелось узнать что-то новое, такое, что никому из девушек моего мира даже не снилось. Про никому я, конечно, загнула, вспомнив стопки прошений на перемещение в кабинете Гриши, но тем не менее, мысль эта тешила самолюбие.

Риша вернулась с одной довольно потрёпанной книгой, к тому же не очень-то внушительного размера. Я тут ждала, что осчастливят меня огромной стопкой, а она... Видя мою растерянность, девушка с улыбкой пояснила:

– Это лучшее пособие по магическим азам. Срок тебе – до завтра. Прочитаешь и приходи, я посмотрю, что ты усвоила.

Звучало как-то... Угрожающе. Но книгу я приняла и сразу же отправилась в свою комнату. Изучать материал, так сказать.

Вот только в коридоре меня ждала неприятность – профессор Элшар шёл мне навстречу, а увидев, остановился и стал ждать, когда я подойду.

Была малодушная мысль вернуться обратно и попросить Ришу спрятать меня где-нибудь, но здраво рассудив, что вечно от горе-любовника я бегать не смогу, решила принять бой.

– Добрый день, мисс Елена, – кисло улыбаясь пробасил приставучий мужлан. Потом оглянулся по сторонам и быстро затараторил: – Эли, в чём дело? Почему ты избегаешь меня? Почему вчера поступила со мной... так?

Последнее прозвучало, будто он сейчас расплатится. Ну как ребёнок, ей-богу!

– Я... – голос дрогнул и мне пришлось спешно брать себя в руки, – Знаешь, между нами всё кончено. Я поняла, что наши отношения были ошибкой.

Фух, ну вот, я это сказала. А если уж Елена вернётся обратно в своё тело, то пусть потом сама с ним мирится. Меня это уже не будет касаться.

Профессор на моё заявление лишь глупо захлопал глазами, пока не нашёл в себе силы выдать:

– Что? Что ты сейчас сказала?

Вот не люблю я выяснять отношения таким образом. Ох как не люблю, но придётся. Ампутировать больную ногу лучше сразу, а не

частями.

– Я сказала, что больше не желаю встречаться с тобой. Так понятнее?

Вновь тишина в ответ и спустя, кажется, вечность, до него дошло, но не в той форме, в которой я рассчитывала:

– Это всё из-за Закари? – В его глазах полыхнула злость.

– Из-за кого? – Пришёл мой черёд спрашивать глупость.

– Из-за ректора? – Пояснил нетерпеливо. – Да?

Ах, какая прелесть, хоть узнала, как зовут начальство. Завтра и имена всех остальных у Риши нужно будет спросить.

– И из-за него тоже, – чинно кивнула. – Я не хочу лишиться работы, она мне очень нужна.

И вот тут я совсем не солгала. Просто почувствовала, что Елена, несмотря на всё, что я о ней знала, дорожила этой должностью. Быть такого не может, но факт остаётся фактом. Собственно, после признания Риши, что моя предшественница была не такой уж коварной и тупой, какой её считали все окружающие, включая меня, возникшему чувству ничуть не удивилась. Лишь запоздало подумала, что всё же зря окрестила девчонку бестолковой.

– Но это глупо! С ним я решу вопрос... – начал было он, а я не удержалась и хрюкнула от смеха.

Ага, как же, решит он! Тоже мне рыцарь в доспехах! Да видела я, как он при ректоре бледнеет и трясётся, что он там решать собрался?

– Не веришь? – разгорячился, почувствовав, как его уязвленное самолюбие задыхается от злости. – Я вот прямо сейчас пойду к нему и выскажу всё... Эти его правила! Они мне не указ! Я сейчас... Я...

Голос его подвёл, а потом и лицо побледнело, чтобы следом покрыться красными пятнами. Мужчина взметнул руку, ослабляя галстук, и я догадалась посмотреть туда же, куда и он.

За моей спиной стоял... Та-да-да-дам! Ректор, собственной персоной! И, судя по ухмылке на его холёном лице, браваду профессора Элшара он слышал. А может быть и не только её.

Они меня преследуют. Оба. Как ещё иначе объяснить то, что где появляюсь я, то там сразу и горе-любовник, и недовольное начальство. Видимо, и тому, и другого совершенно нечем заняться, раз они только и делают, что бегают за мной по пятам.

– Добрый день, – невозмутимо поздоровалась с ректором и обернулась к профессору Элшару, как ни в чём не бывало, – Думаю на этом наш разговор можно считать оконченным. Надеюсь, мы поняли друг друга правильно.

И гордо удалилась, больше не удостоив никого из преследователей даже взглядом. Пусть сами разбираются между собой, я свою часть уговора выполнила, так что ректору не к чему придраться. А Элшар... в общем, не моё это дело, как он там выкручиваться будет. Я его за язык не тянула и не подталкивала к столь необдуманному действию, так что...

Прежде чем вернуться в комнату, заглянула в столовую. Попросила не очень-то приветливую повариху собрать мне обед с собой. Та, хоть и ворчала тихо, но сделала всё, что я велела.

А в квартире... Там я принялась за чтение книги. И прочитав первую главу поняла – Риша знает толк в учёбе. Несмотря на моё совершенно немагическое происхождение, я не испытывала затруднений с непонятными словами, потому что они тут же доступно были расшифрованы. Не терялась от объяснений – их автор книги пытался донести максимально просто. Не пугалась базовых плетений – к ним имелись подробные иллюстрации с пошаговыми действиями.

Магия, для обитателей этого мира, не была суперспособностью. Она являлась неотъемлемой частью жизни, чем-то вроде врождённого слуха у музыкантов. Сила была не столько наследственным явлением, сколько случайным, выборочным. Как в семье магов мог родиться ребёнок без дара, так и в семье простых людей – весьма одарённый маг.

Это вносило некоторые неудобства и разногласия между людьми и магами, но не настолько серьёзные, чтобы переживать по этому поводу.

Так вот – магия...

Она струилась по венам, словно кровь, ей, для подпитки, было необходимо всё, что требовалось человеку для нормального существования – здоровый сон, хорошее питание и, кто бы сомневался, беспрестанные тренировки. Магия реагировала на эмоциональные всплески, выходила из-под контроля, или же наоборот, затихала, прячась где-то внутри.

То, что магические плетения были довольно разнообразны, это я ещё на лекции поняла, но у них у всех имелась крепкая основа, своего рода фундамент – умение чувствовать магию. Управлять ею. А это достигалось ни одним годом тренировок.

Риша спрашивала меня, чувствую ли я магию. Но как таковой я её не чувствовала. Нет, были какие-то проблески, и ощущение всемогущества, только проявлялись они редко. По большей же части магия, что принадлежала Элене будто бы спала. Дремала где-то глубоко внутри и не желала особо проявляться.

С этим нужно было что-то делать, и не столько из-за того, чтобы не выдать иномирное происхождение моей души, сколько... Из-за собственного желания почувствовать себя особенной. Глупо, конечно, но, кажется, тяга к приключениям крепко засела во мне.

Читала я до самого вечера и только тогда вспомнила о давно остывшем обеде. А так как с плитой я не разобралась, как её включать, решила попрактиковаться с магией.

Подошла к железной поверхности, приложила ладонь с одной стороны, с другой, но ничего не произошло. Попробовала ещё раз – снова безрезультатно. Но я не сдавалась, тратила попытку за попыткой, пока не разозлилась и не махнула на всё рукой.

Вернулась в гостиную, поставила на стол подобие нашего обычного термоса с супом и хмуро уселась на стул. Есть холодным его очень не хотелось, хотя желудок возмущённо требовал уже хоть какой-нибудь еды. Постучав пальцами по столешнице, крепко задумалась и тут в мою голову залетела прямо-таки гениальная идея – а не попробовать ли мне разогреть еду прямо в контейнере, прямо ладонями, пытаясь выманить магию из убежища силой мысли.

Обхватила руками железную тару и закрыла глаза. Сосредоточилась. Напряглась, пытаюсь нащупать искру, что совершенно точно где-то там, внутри была. И ухватила её за хвост! Почувствовала тёплую волну, что поднялась откуда-то из желудка, облизала жаром горло и растеклась по плечам, а следом руки закололо иголками.

Счастливо улыбаясь, тут же распахнула глаза и с ужасом поняла – с огнём, то есть магией, шутки плохи. Скатерть под термосом вспыхнула синим пламенем, и пламя это принялось расползаться по ткани с бешеной скоростью.

Пожар? Пожар!!!

Первое, что пришло на ум – это накинуть покрывало поверх стола. По логике ведь без поступления воздуха огонь потухнет? Ну да. По логике, но, видимо, огонь магического происхождения ей не поддавался. Потому и покрывало тут же запылало, будто я туда бензина плеснула.

Второе – вода! Эврика! Как же это я сразу не додумалась! Но пока бегала за водой пламя разгорелось так, что ничего, кроме истеричного крика «Пожа-а-а-ар!», не сообразила сделать.

Выбежала в коридор и принялась колотить во все двери подряд, только, к моему ужасу, никто ни одну ни открыл. Как так? Тут что, никого, кроме меня нет? Быть такого не может! А тем временем в моей квартире что-то громко захрустело, словно многострадальный стол уже рухнул на пол.

Но ведь такого не бывает же?

– Пожар! – закричала во всё горло. – Помогите! Пожар!

В дальнем конце коридора открылась дверь и я, не веря своему счастью, бросила в ту сторону. Навстречу же мне выскочил растрёпанный, заспанный... начальник. В одних только пижамных штанах, с взлохмаченными волосами и безумным, испуганным взглядом.

В комнате вновь что-то захрустело и я, наплевав на субординацию, схватила ничего не понимающего ректора за руку и поволокла в своё жилище, по пути сбивчиво объясняя:

– Я всего лишь разогреть хотела. А она не поддавалась, и я прямо так, в железной таре, на столе...

Нет, Закари ничего не понял, только руку вырвал из моей мёртвой хватки, когда увидел клубы синеватого дыма, вырывающиеся из открытой настежь двери квартиры.

Он пропал в дыму, а я, нет бы остаться стоять на месте, взяла и бросилась за ним, закрыв лицо рукавом рубашки. Поджёг устроила я? Я! Так и нечего стоять прохлаждаться, когда другие жизнью рискуют!

Едкий запах тут же вызвал слёзы и кашель, но я упрямо вбежала в гостиную и попыталась хоть что-то рассмотреть. Дым клубился, огня же почти не было видно. Лишь расплзающиеся по ковру чернильные кляксы. Одна из них подползала ко мне всё ближе и ближе, буквально

сжирая ковёр, что лежал на полу и не оставляя от него ни единой ниточки.

– Ненормальная! – просипел над ухом ректор и как стул переставил меня с одного места на другое. Сам же поднял руки вверх, выплетая пальцами замысловатые узоры, и принялся медленно вести ладони к полу, будто усмиряя дикое животное.

Отголоски огня, так же, как и дым, застыли, будто замороженные, а потом стали стягиваться в центр, туда, где всё и началось. Туда, где от стола осталась лишь горстка серого пепла.

Уже через минуту в комнате не осталось и намёка на творившееся безобразие. Почти. А вот ректор остался и даже повернулся в мою сторону, чтобы завершить то, что не удалось собственноручно сотворённому огню – он решил испепелить меня взглядом.

– Что здесь произошло, мисс Елена? – грозно начал он, а я вместо того, чтобы объясниться, дрожащими руками провела по лицу и... расплакалась.

Да что за напасть-то такая? Какие-то реакции у меня в этом теле совсем неправильные, или всему виной накопившееся напряжение, добитое едва не случившимся пожаром?

Картина маслом – я, размазывающая слёзы по лицу, и ректор, решивший сыграть каменное изваяние. Он, конечно, отмер, но не сразу, для этого понадобилось минут пять.

– Мисс Елена? – выдавил сипло. А я не отозвалась, лишь провыла:

– У-у-у-у!

– Мисс Елена, – попытался применить командный голос, но тут же отмёл неудачную попытку и продолжил уже куда дружелюбнее, – Ну что вы в самом деле? Со всяким может случиться. Всё же закончилось хорошо?

Да прям! Ничего не закончилось! Я, вообще, домой хочу...

Ректор подошёл ко мне и неловко обхватил рукой за плечи. От этого я растрогалась ещё больше и уткнулась в его грудь, орошая ту безостановочно льющимися слезами.

Где тут хорошее? Я вот решила хлебнуть новых неведомых ощущений, переквалифицироваться в магичку, а вместо этого едва квартиру не спалила. При том не свою даже!

Несколько минут так и стояли – я, немилосердно поливая голую, весьма горячую грудь, с бешено колотящимся сердцем прямо под носом, и он, явно не знающий, как оттолкнуть расклеившуюся подчинённую и не вызвать самое настоящее цунами.

Вместо этого по волосам осторожно, едва касаясь провели рукой, потом ещё раз, уже смелее, а потом вовсе заключили меня в кольцо сильных рук. И несмотря на то, что слёзы мои от этого не иссякли, на душе стало так... хорошо? Да, пожалуй, а ещё необоснованно спокойно, будто я попала в объятия близкого, можно сказать родного человека.

От этого понимания всхлип оборвался на полу вздохе, и я замерла, боясь сделать малейшее движение. Слёзы как-то сразу прекратили катиться по щекам. Моё в миг поменявшееся настроение заметили не сразу, всё гладили и гладили по волосам, слегка надавливая подушечками пальцев, будто бы массируя затылок. Весьма умело массируя, должна заметить.

А когда ректор понял, что плакать я перестала, вытянулся стружкой и тоже замер с поднятой рукой, что так и покоилась на моей голове.

И как выпутываться из сложившейся ситуации? Мысли лихорадочно метались, не выуживая из заторможенного сознания ничего путного. К счастью, первый шаг сделал, как истинный джентльмен, господин начальник.

– Кхм, – кашлянул, как бы между прочим, – Вам уже легче, мисс Елена?

"А то! Так «легко» мне ещё никогда не было!" – хотелось выдавить, но вместо этого я чопорно отстранилась, спешно вытерла зарёванное лицо и улыбнулась беспечно, насколько вообще могла:

– Да, конечно, – помолчала, собираясь с силами, чтобы взглянуть в глаза стоящему напротив мужчине, – Мне уже гораздо легче! – Вновь замерла и неловко развела руки в стороны, как бы извиняюсь за весь устроенный мной балаган, – Простите, и... Спасибо вам большое!

Губы ректора дёрнулись в подобие улыбки, и он старательно стал отводить взгляд. И только тут до меня дошло, что развратный гардероб Елены сыграл со мной ещё большую шутку, чем её же необузданный магический дар (ладно, в последнем её вины совсем нет, тут целиком и полностью виновата я) – я стояла перед начальством в одной...

мужской рубашке. И хоть длина её доходила мне до середины бедра, и в нашем мире такая откровенность пусть и посчиталась бы заманчивой, но всё ж не вызывающе вульгарной.

Физически почувствовала, как лицо заливается жгучим румянцем и сдёрнула покрывало с кресла, которое, к счастью, не успело пострадать от огня и завернулась в него, пряча от ошалевшего взгляда всё самое дорогое.

– Простите, – на этот раз пропищала мышью.

Ректор же кашлянул вновь и подозрительно низким голосом отмахнулся:

– Ничего, всё хорошо, – и я таки поверила, что ему хорошо, а не плохо. Судя по характерной такой физиологической особенности мужчин.

Казалось, румянец сейчас выжжет на моём лице совсем не эфемерные дыры. Но случилось кое-что, заставившее смущение смениться настоящим, удушающим стыдом. В комнату, запыхавшись, вбежал профессор Элшар. Тоже заспанный, но на нём, помимо пижамных штанов и рубахи, поверх был накинут цветастый халат неприятно-кислотного цвета.

Нет, определённо, мне сегодня везёт.

Глава 8

О том, что враги множатся, как тараканы

Профессор сначала открыл рот, наверняка желая предложить свою помощь, а потом медленно, как только бывает в кино, окинул нашу миленькую компанию ошалевшим взглядом, который спустя всего мгновение превратился в полную чашу презрения.

– Эм-м-м... – протянул намеренно, явно мечтая вложить в этот короткий, ничего не значащий звук всё, что сейчас чувствовал. – Я могу чем-то помочь?

Он запахнул плотнее полы халата, туже затянул пояс и расправил плечи. Нет, выше ректора он от этого не стал, но... Начальство порыв оценило, правда совсем не так, как мечтал Элшар.

– Могли бы, – бросил Закари (надеюсь, всё же, мне позволено называть начальство по имени, хотя бы в мыслях), возвращая себе привычное недовольство и надменность над всем и каждым. – Если бы не прихорашивались перед тем, как выйти из комнат.

Ух, удар ниже пояса. Вон как профессор покраснел, даже кончики ушей запылали, ещё немного и можно будет сосиски на них поджаривать. Что ж, видимо мне вновь стоит отойти чуть в сторону, уж больно похоже, что их «дружеская» перепалка способна вылиться в совсем не дружескую драку.

– Я не... – принялся оправдываться, но тут же оборвал сам себя, сообразив, что эдакими темпами он проиграет воображаемое преимущество. – Что здесь произошло? – Исправился и даже насмешливо приподнял уголки губ, при этом обратив свой взор на меня.

Но до ректора ему далеко, ой как далеко...

– Неосторожное обращение с огнём, – отрапортовала чётко, стискивая всё ещё поддрагивающими руками покрывало.

Начудила я, ой начудила... Так ещё постараться нужно. Зато теперь, опытным путём, так сказать, я выяснила, что применять магию

вот так запросто – не стоит. А может быть и вообще применять не стоит...

– Да, насчёт осторожности, – нравоучительным тоном подхватил ректор, – Я бы настоятельно рекомендовал вам, мисс Елена, больше ничего не разогревать. Боюсь, второго такого происшествия ваши комнаты не выдержат.

Нос, вместе со щеками и кончиками ушей обдало жаром и я, пряча взгляд, сдавленно пропищала:

– Простите...

А подняв украдкой взгляд заметила, что Элшар явно недоволен тем, что происходит. Он-то мечтал подловить ректора на чём-то горяченьком (хотя в какой-то степени именно на этом он его и подловил), а тут рычаги давления рассеиваются, словно утренний туман. Так и хотелось подойти и дружески похлопать его плечу, мол, не переживай, будет и на твоей улице праздник.

Господин начальник царственно кивнул, принимая мои извинения, и под недоумённый взгляд профессора вышел из моей пострадавшей гостиной и, судя по удаляющимся шагам, направился в сторону своего жилища. Правда, ушёл недалеко, громоподобно пробасил:

– Профессор, думаю, уже можно вернуться в свою комнату. Благодарю за помощь! – В последних словах было столько... удовольствия и колкости, что я невольно зауважала ректора за умение поставить на место парочкой обыденных фраз. Талант, что сказать.

– А? – Будто ото сна очнулся Элшар и вылетел из моей комнаты, как ошпаренный. – Да-да, конечно, – пробормотал уже на ходу.

Мне же стало грустно. Ну хоть один день в этом моём незапланированном отпуске пройдёт без происшествий, или тут у меня всё по принципу – покой нам только снится? Так мне этого принципа и на земле хватало...

Оставшись одна, обвела печальным взглядом многострадальную гостиную. Стол, совершенно точно, пришёл в негодность. Собственно, горстку пепла вместо столешницы и почерневшие ножки уже сложно было назвать столом. От ковра, что лежал под ним, так вообще ничего не осталось. Что удивительно, пол почти не пострадал, только в самом центре, аккуратно под тем местом, где стоял термос, или то, что было на него похоже.

М-да... Вот тебе и мощная мощь, вот тебе и магия. Не думала я, что всё может так обернуться. Хотя, в тот момент, когда я решила испробовать новые возможности этого мира, я вообще не думала о последствиях, за что и поплатилась.

А вот ректор... Хорош! Выручил и даже... При воспоминании, как он гладил меня по волосам, как прижимал к груди, внутри что-то встрепенулось, что-то давно потухшее, уснувшее мёртвым сном, и на губах против воли появилась довольная улыбка.

Но я тут же спохватилась. Зажмурилась и строго настрого себе приказала: Елена Дмитриевна, не смей! Просто не смей и всё!

Распахнула окна, выветривая пусть и слабый, но всё же неприятный запах гари, и ещё раз удивилась – если бы и на земле можно было бы вот так пожар тушить. Чтобы взмахнул руками, опустил их, и ничего от пожирающих всё на своём пути языков пламени не осталось.

Пришлось ещё раз принимать душ. Потом устроить себе очень поздний ужин из того, чего миновала участь «разогревания» и лечь спать.

Убраться в гостиной решила после обеда. Как раз узнаю у Риши где можно купить новый стол, ковёр, и вообще, что тут с финансами у преподавателей академии и на что я могу рассчитывать со своей зарплатой, если таковая вообще имеется.

С этими мыслями и уснула. И как бы не пыталась убедить себя в обратном, очень ждала, что проснусь уже у себя дома. Но Гриша вновь не явился. Даже на пару минут. Поутру я тщательно проверила все более-менее подходящие поверхности, где бы он мог оставить какую-никакую записку, но... Ничего не было.

Теперь к вполне рациональной злости прибавилась обида. Горькая и причиняющая почти физическую боль. Я же по-человечески поступила, не стала выдавать его. А могла бы, честно говоря. Так почему он ведёт себя по-свински? Можно же было черкнуть хоть пару слов, мол, прости, сейчас никак, но я от своего слова не оступлюсь, всё исполню. Вряд ли бы после такого признания я перестала на него злиться, но хотя бы не чувствовала себя так гадко обманутой.

Но собираясь на лекцию улыбнулась собственному отражению. Впервые, вот так искреннее и без неприязни. И... мне это понравилось. Принимать себя такой, какая я есть.

Улыбка так и светилась на моих губах, когда я проходила по коридору, всего на мгновение остановившись напротив двери, из которой вчера выбегал ректор. Зачем остановилась – не знаю, но улыбнулась шире.

Потом прошла в учебный корпус, и несколько удивилась глухой тишине, что царила во всём здании. Ни тебе толп студентов, ни рокочущих голосов, ни преподавателей. Проспала? Это вряд ли...

Заглянула в свою аудиторию – никого. Набралась смелости и после стука заглянула в соседнюю. Там тоже никого не обнаружилось. В третьей и четвёртой тоже царила тишь да благодать. Когда подошла к пятой, уже совсем не зная, что пытаюсь тут найти, то нос к носу столкнулась с недолюбливающей меня надзирательнице. Она смерила меня снисходительным взглядом и процедила:

– Мисс Елена, что вам здесь нужно?

Я замялась всего на мгновение, потом расправила плечи и произнесла:

– Добрый день! Не подскажите, где мои студенты? – Акцент, совершенно осознанно сделала на слове «мои». И пусть не скалится так в ответ, я себя в обиду не дам.

– Ваши? – усмехнулась, покачав головой. – Полагаю, ваши студенты ушли в город, – а видя моё замешательство, не без удовольствия добавила, – Ведь сегодня выходной. Или вы забыли?

Я? Да ни в коем разе!

– Ам-м-м... Нет, не забыла, просто... – глупо, как же глупо получилось. И почему Риша вчера не предупредила, что сегодня выходной?

На моё бессвязное лепетание надзирательница ничего не ответила, а потому я поспешила откланяться:

– Я договорилась о внеплановой лекции со студентами, но они, видимо, забыли, – попыталась всё же выкрутиться, чтобы уж совсем не выглядеть глупой курицей.

– Внеплановая лекция? – Отчего-то напряглась женщина, сжав губы в тонкую полоску. – Мисс Елена, выходные даны для того, чтобы отдыхать. Не нагружайте учеников всякой...

Она явно хотела сказать «ерундой», но осеклась, и лишь неопределённо взмахнула рукой.

Я выдавила холодную улыбку, чопорно кивнула:

– Буду иметь в виду.

И удалилась с гордо поднятой головой и идеально ровной спиной. Старая ворчливая карга! Чтоб тебя...

В библиотеку я пришла злая, как стая голодных волков, и Риша увидев меня, сразу же подлетела и заглянула в глаза:

– Что-то случилось?

И я ей рассказала. Жестикулируя руками, словно ветряными мельницами, я ругалась бранными словами, награждая надзирательницу самыми изысканными эпитетами.

– Метёлка старая, вредность ходячая, карга! – Я ещё подбирала слова, как Риша уже согнулась пополам, задыхаясь от хохота.

– Что? – буркнула, немного успокоившись.

– Это мисс Глэйза, она всегда... такая, – ответила и вновь покатила со смеху.

Глэйза... А что, ей это имечко подходит.

– И за что она Элену так не любит? – Спросила просто из праздного любопытства.

– Элену? – удивилась вполне искренне. – Она никого не любит, не только Элену.

Ясно. Понятно. И совсем не удивительно.

– Фух, ну и шут с ней, – отмахнулась от неприятной особы. – Давай лучше поговорим о насущном.

И я ей рассказала о том, как едва не спалила квартиру, пытаюсь испробовать магическую силу.

Риша выслушала молча, а потом поднялась чуть выше моего роста, так что мне пришлось задрать голову, и нравоучительным тоном строгой учительницы выговорила:

– Никогда, слышишь? Никогда не повторяй подобное! От незнания и неумения управлять внутренней силой, можно натворить таких бед, что едва не сгоревшая квартирка покажется тебе сущей глупостью.

Мне стало стыдно. По-настоящему стыдно, будто я не великовозрастная тётя, а глупый подросток, который вдруг решил испробовать, так ли хорошо горит бензин, как все об этом говорят, или, а не ударит ли меня током, если я вставляю столовую вилку в розетку...

Глупо. Конечно, я поступила глупо, но... Теперь-то я знаю о своей ошибке.

– Не повторю! – Клятвенно заверила Ришу и спешно перевела тему, – Знаешь, а я ведь всё прочитала.

Не очень-то приятно бичевать себя за промахи бесконечно, вот и я решила, что извинилась за глупость с достаточным смирением и принятием своей пустоголовости.

– Прочитала? – Удивилась Риша, опускаясь ниже, безмолвно соглашаясь с моим желанием поговорить о чём-нибудь другом.

– Да, – засветилась от гордости, будто не книгу в сто страниц осилила, а как минимум талмуд листов на восемьсот. – И почти всё даже поняла, – не перестала удивлять улыбнувшуюся девушку.

– Почти всё – звучит многообещающе, – она внесла толику скепсиса в моё зазнавшееся сознание.

– Остальное ты мне объяснишь, – отмахнулась легко, хотя червячок сомнения всё же копошился где-то внутри.

– Остальное, угу, – пробубнила себе под нос Риша, не переставая улыбаться. – Ну что ж, – не стала заострять внимание на моём излишнем оптимизме. – Раз прочитала, тогда пойдём.

И повела меня в ту самую комнату с колодцем, хотя правильнее всё-таки это сооружение комнатой не называть, скорее уж ошибкой застройщиков или как-то так.

На деле владение магией было куда сложнее прочитанной книги с простыми, понятными словами. Энергия в теле как бы была, но управлять ею... всё равно что поднимать голыми руками железобетонную стену – невозможно. Но Риша раз за разом заставляла меня почувствовать, понять, осознать, направить, дать выход силе, что плещется внутри.

Я рычала, ругалась, вспоминая могучий русский язык, но повторяла попытку за попыткой, пока на моей ладони не загорелся-таки крохотный синий огонёк.

– Ой! – Подпрыгнула от счастья из-за чего огонёк почти потух. Пришлось опять сосредотачиваться, «выращивать» его до размера куриного яйца и контролировать.

– Ты должна управлять силой, а не она тобой, – тем временем напутствовала Риша. – Ты должна пресекать любое неповиновение, пока в достаточной мере не овладеешь контролем, не сможешь начать обучаться разным плетениям.

– М-да, бедные студенты, – просипела, неотрывно следя за так и норовившим взметнуться к самому небу пламенем. – Им ведь всем этим плетениям у меня придётся учиться.

Риша посмотрела на меня с недоумением, а потом рассмеялась, я лишь губы скривила – смешно ей. А мне какво? Вот так вот спалю пол аудитории, смеху-то будет, жуть.

– Не переживай, – не очень-то убедительно подбодрила меня девушка, – У тебя всё получится, вот увидишь.

И только я успела выдохнуть, как она тут же добавила:

– Но тренируйся лучше в боевой аудитории, а то мало ли... – она выразительно подвигала белесыми бровями и вновь улыбнулась.

Пришлось ворчливо выдать:

– Хорошо-хорошо, как скажешь!

Занятие закончилось только тогда, когда я уже умирала с голода, о чём и сообщала Рише.

– Ле-е-е-на, – провыла она довольно жутковато. – Я же совсем забыла, что тебе нужно есть.

Я уже поняла, но и уходить в угоду собственному желудку, не научившись хотя бы чему-то, было бы глупо. Поэтому я и терпела.

– Всё хорошо, не бери в голову, – отмахнулась легко. – Лучше знаешь, что ещё мне скажи? Как у Элены обстоят дела с деньгами?

– С деньгами? – переспросила удивлённо и я принялась объяснять.

– Ну с монетами, с заработком, я не знаю, как это точно у вас называется.

– Содержание, – понимающе кивнула она, наконец.

Содержание, так содержание.

– Преподаватели получают пожизненное содержание от академии, в которой трудятся или трудились и ушли на заслуженный покой.

– А если их выгонят, или они переведутся на другую работу? – Поинтересовалась скорее из любопытства, чем желая проверить эти варианты на своей шкуре.

– Тут уж о содержании речи не идёт, – «обрадовала» меня Риша.

И ладно. Мне бы с доходами разобраться. И вообще, где, что и за сколько можно купить. Валюта, она такая вещь – отнесёшься к ней с пренебрежением, будешь зубы на полке держать. И не важно, в каком мире ты находишься.

– Хорошо, рассказывай о содержании всё, что знаешь.

И девушка рассказала, а я всё больше поднимала брови от удивления.

Содержание включало в себя... да всё оно включало. Прямо как в крупной компании на земле. И больничные, и плановые осмотры с лечением, и отпуска, и продуктовый минимум, который звучал, как самый настоящий максимум. Даже одежда входила в то самое содержание, покупай – не хочу.

И для того, чтобы получить все эти блага, нужно было лишь в магазинах предъявлять профессорское удостоверение и все счета будут выписаны на академию. Я прямо почувствовала себя Френком Эбегнейлом, из любимого фильма «Поймай меня, если сможешь». Вот вроде и законно у меня всё, а сомнения в правильности происходящего присутствуют. А как им не присутствовать, если я такая же самозванка, как и Френк?

Это Елена всё это заслужила, а не Лена Митинкина.

– Понятно, – киваю, стараясь уложить всё сказанное в своей голове. – Тогда мне нужно сходить туда, где у вас тут есть эти самые магазины.

– Лавки, – тут же поправляет меня Риша. —

– Лавки, да.

Оказалось, что за воротами академии есть город. Не столица, конечно, но и не захолустная дыра, по словам самой Риши.

Город – это хорошо. Значит, пришло время выбираться из стен академии.

По пути в квартиру я ещё сомневалась – стоит идти или нет. Я не имею права тратить чужие деньги, не имею и всё тут, но вот любопытство так и подмывало, нащёптывая – не обязательно же хоть что-то покупать, можно же просто прогуляться, посмотреть...

Можно. Наверное...

За своими горестными думами не заметила, как врезалась в кого-то. А когда подняла взгляд, то едва не скорчила кислую мину. Передо мной, собственной персоной, стоял профессор Элшар и вид у него был, должна заметить, не самый презентабельный. Взъерошенные волосы, тёмные круги под глазами, и злость, горящая в тех самых глазах...

– Так, значит? – Мужчина ухмыльнулся неприятно, и отошёл в сторону, едва не отряхиваясь демонстративно, будто рядом с гадостью какой-то постоял.

– Что именно «так значит»? – Переспросила совершенно спокойно, расправляя плечи и готовясь в любой момент дать отпор. Уж не знаю, откуда у меня взялось это желание – защищать себя, но интуиции я предпочла довериться.

– Значит, – передразнил, кривляясь, – Всё же ректор? – и не дожидаясь моего ответа, додумал его сам. – Ещё бы! Такая важная птица, и денег у него явно больше, а уж если говорить о связях... – тут он присвистнул, выписав рукой в воздухе какой-то фортель.

Ага. Вот значит, как... Ну, что сказать, логичные выводы он сделал.

– Не кажется, что вас это не касается? – Говорю подчёркнуто вежливо. Спокойствие, Лена, спокойствие... Это всё не твои проблемы, они достались тебе в наследство, вот и веди себя... иначе.

– Не каса-а-ается, – Элшар опасно сощурился и я невольно отступила на шаг назад.

Честно говоря, несмотря на то, что присутствия духа я старалась не терять, внутри что-то ёкнуло. От страха.

– Ну ты и потаскуха, Елена, – вместо действий, мужчина решил уколоть словами. Сам же при этом крепко сжал кулаки.

Мне же хотелось за это вклепить ему увесистую оплеуху, такую, чтобы у него назавтра след остался, а у меня рука полыхала бы ещё часа три. Но... сдержалась. Не знаю почему, скорее всего проснувшееся вовремя здравомыслие победило слабоумие и отвагу.

– Всего хорошего, – едва сдерживая дрожь в голосе, поклонилась и направилась прочь. Прочь, прочь, прочь... Пока я не натворила ничего непоправимого.

– Ты поплатишься за это, дрянь, – плюнул в спину гад ползучий, и я зажмурилась.

Вдо-о-о-ох! Вы-ы-ы-дох! И ещё раз – вдо-о-ох, вы-ы-ы-дох.

Фух, вроде отпустило.

В квартиру я вбежала с одним единственным желанием – помыться. Смыть с себя и взгляд этот отвратительный, и слова гадкие, но вместо этого замерла перед гардеробом и схватила платье в мелкий горошек, которое ещё при первом осмотре так приглянулось мне.

Сменила надоевшую блузу и юбку, на более неофициальный наряд, отыскав в шкафу гостиней заветное профессорское удостоверение (так, на самый крайний случай), сверилась с картой и выскочила за дверь.

Гулять, так гулять!

Глава 9

О том, что всё не так уж и плохо.

Наверное...

Выход из академии я нашла быстро. Ещё минут пятнадцать осматривала величественное здание, в стенах которого я имела честь трудиться. Академия поистине была впечатляющей. Три этажа, четыре основные башни и множество маленьких, витражные окна. Статуи на территории, посвящённые каким-то учёным умам, но оттого ничуть не скучные. Ухоженные клумбы и разрезающие территорию дорожки.

Я вот так с ходу не смогла вспомнить, видела ли у нас, на земле, нечто подобное. Но сколько не силилась, вспомнить не получилось.

Город, как и сказала Риша, обступал учебное заведение со всех сторон, но из-за обширной территории академии городской шум не был слышен.

Следуя строгим указаниям призрака, я повернула направо после того, как длинная изгородь заведения закончилась и очутилась на довольно широкой улице. Проезжей, должна заметить. По мощёной дороге неслись лихие старомодные автомобили, по тротуарам шли девушки, чопорно возлагая тонкие запястья на подставленные локти мужчин. Некоторые держали кружевные зонтики, другие красовались широкополыми шляпами.

Я остановилась, будто в экран телевизора врезалась – так уж мне напомнило всё это старый фильм о прошлой эпохе, когда кринолин и корсеты были в моде. Удивительно... Кажется, только сейчас я в полной мере осознала, что нахожусь далеко от родного дома и устроенное Гришей путешествие действительно выйдет оригинальным и незабываемым.

Наверное, я бы ещё долго так стояла, если бы сзади меня не толкнули, тут же извинившись и скрывшись на другой стороне улицы.

Что же, пора уже идти.

Мой наряд хоть и был скромным и ничуть не вызывающим, но всё же он отличался от тех, что были надеты на девушек. Поначалу я несколько стусевалась, потом, не встретив ни одного удивлённого или

же осуждающего взгляда, расслабилась и пошла по тротуару, туда, где впереди красовалась весьма говорящая вывеска: «Булочная».

Стоит пополнить запасы Элены чем-то более серьезным, помимо зачерствевших печенек. С каждым сделанным шагом моя улыбка становилась шире, а все гадости, что я успела наслушаться за эти дни, будто таяли под натиском ярких солнечных лучей, непривычных, но приятных запахов, всеобщей размеренности и спокойствия.

В булочной меня встретил сногшибательный аромат свежей сдобы – корица, ваниль, мёд, шоколад... М-м-м-м... Самый вожаделенный запах, какой только может быть. И что самое приятное, запахи были привычными и знакомыми.

– Юная мисс что-то желает? – Со спины меня окликнул голос, а когда я обернулась, то полный невысокий мужчина радостно хлопнул себя по бокам, выбивая из белоснежного фартука, белое мучное облако. – Мисс Элена, а я вас сразу и не признал!

– Доброго дня! – улыбнулась, не зная, чего ждать от старого знакомого бывшей обладательницы тела. Но ничего страшного не произошло, мужчина лишь спросил:

– Вам как обычно, или посмотрите пока?

– Посмотрю, – ещё раз благодарно улыбнулась.

– Замечательно, – мужчина засиял от удовольствия и вручил мне плетёную корзину со словами: – К вашим услугам!

У меня же разбежались глаза. Кажется, в булочной я провела едва ли ни час, а может и того больше, потому что не столько укладывала булочки и всевозможные пирожные в корзину, сколько рассматривала причудливую форму оных.

Хозяин, а это был именно он, не мог нарадоваться тому, сколько вопросов я ему задала и охотно рассказывал, что есть в том или ином шедевре. Невероятно... Даже кощунство есть такую красоту.

На свежий воздух я вышла всё же с полной корзиной, и направилась в следующую лавку, где на смену сладостям пришли вкусы мясные. Тут я взяла всего-то небольшой ломоть вяленого мяса.

Следующей была лавка с посудой и разного рода хозяйственными принадлежностями. Тут я вовсе ничем не заинтересовалась. Следом была лавка тканей, украшений и мебели. Последним стоило бы озаботиться, но почему-то меня совсем ничего не привлекло.

После я просто бродила по улице, не ставя перед собой никакой цели.

Закатное солнце разукрасило коричневую крышу в рыжие оттенки, зажгло высокие окна домов, позолотило стены и перила балконов. Меня не покидало ощущение, что всё это лишь декорации, потому я то и дело касалась прохладными ладонями шершавых кирпичей, или вот круглых ваз, что стояли напротив лавок и разного рода забегаловок.

И только когда начало смеркаться, я отправилась обратно в академию, с чётким желанием вернуться сюда вновь.

А на подходе к распахнутым воротам, меня окликнули. И лучше бы я ещё задержалась, рассматривая город.

Ко мне спешили студенты с моего курса. Веселые, довольные...

– Мисс Элена, вам помочь? – Первым предложил белобрысый и выразительно поиграл бровями.

Вот нахалы малолетние! Ещё и заигрывать пытаются, а то мало у них девчонок своего возраста...

– Не нужно... – запнулась, не зная его имени, а он подсказал.

– Лесси, – почтительно так, будто напоминать преподавательнице такое было в порядке вещей для него.

И я покорно повторила:

– Не нужно, Лесси. Спасибо.

Но разве ж меня послушали? Выхватили корзину из рук, пряча в лукавом взгляде взбунтовавшиеся искры.

– Что вы, мисс Элена! Разве можно носить такие тяжести самой? – Ещё и издевается.

Остальные поддержали его довольными ухмылками. Я уже приготовилась к очередной порции насмешек и ядовитых намёков, но ребята меня удивили:

– Мисс Элена, до нас тут слушок дошёл, что один из студентов публично оскорбил вас, – начал чернявый, что шёл чуть позади. И я спотыкнулась, едва не распластавшись на каменной дорожке академии, вовремя уловив равновесие.

Это что за вопрос вообще?!

– Мальчики, к чему вы спрашиваете? – Обернулась, прищурилась и схватилась за бока, сама себе напоминая грозную бабу.

– Да так, просто, – отмахнулся третий – рыженький с россыпью веснушек на любопытном лице.

– Раз просто... – протянула понимающе, – Тогда я промолчу.

И развернулась, чтобы продолжить путь, но ребята вновь остановили:

– Он не должен был вас так называть. Вообще, никто не смеет издеваться над вами, – проговорил спокойно чернявый, а я с усмешкой дополнила:

– Кроме вас?

Все трое улыбнулись, как коты, объевшиеся сметаны:

– Кроме нас, – подтвердили довольно. – Но мы вас не оскорбляем и не издеваемся над вам, так, слегка подшучиваем, – добавил Лесси, и я не выдержала, звонко рассмеялась.

Конечно, не издеваются они. Эти лбы здоровые со стороны-то себя видели? Я от их подшучиваний в первый день чуть не поседела. Но тем не менее такая оригинальная забота откликнулась теплом в самом сердце. Понятно, что защищают они Элену, а вовсе не случайно попавшую на её место попаданку, но всё же...

Смеяться я хоть и перестала, но улыбка всё ещё блуждала на моих губах, когда я входила в преподавательское крыло, тепло распрощавшись с великовозрастными детинами. Но когда увидела у своей двери задумчивого ректора, то улыбаться тут же перестала.

– Господин ректор? – Окликнула осторожно, заставляя его посмотреть на меня.

Мужчина резко обернулся и стёр с лица хмурую мину:

– Мисс Элена, – произнёс несколько нервно, окидывая меня беглым взглядом. – Я тут зашёл узнать...

Я не дала ему договорить, невесть зачем предложив:

– Не хотите чаю... с пирожными?

И вот кто меня за язык тянул? Ректор, судя по застывшему взгляду, тоже так подумал, но ответил совсем уж неожиданное:

– Не отказался бы, – и голос при это подозрительно так дрогнул.

Заставила себя улыбнуться беззаботно, прошла к двери и открыв её, пропустила гостя внутрь, с запозданием оправдываясь:

– Извините, я не успела прибраться после вчерашнего.

Мужчина кивнул, принимая мои извинения и тут же произнёс:

– Я, собственно, поэтому к вам и пришёл, – осмотрел гостиную пристальным взглядом, особенно долго задержав его на остатках стола. – Завтра привезут мебель, взамен той, что испорчена.

Дар речи я потеряла, кажется, безвозвратно. Да и челюсть с победным звуком грохнулась на пол.

– Да? – переспросила глуповато, и видя, что ректор рассчитывал на несколько другую реакцию, усиленно закивала: – Спасибо! Большое вам спасибо!

Это же здорово, что мне не придётся решать эту проблему!

– Надеюсь, – по губам мужчины скользнула довольная улыбка, которую он тут же попытался скрыть, но я-то успела её увидеть, – Вы больше не будете тренировать на ней свою магию?

– На мебели? – Переспросила, чувствуя, как лицо вспыхивает жаром смущения. – Не буду. – А подумав, добавила: – Обещаю.

На этот раз Закари улыбку не скрывал.

Пить чай пришлось на маленькой кухне, где для одной меня места в общем-то было достаточно, а вот ректор с внушительным размахом плеч, кажется, заполнил всё имеющееся пространство разом. Мне стало душно, тесно и вообще, от внимательного взгляда, который следовал за мной неотступно, было как-то не по себе.

Чашки я поставила, выложила на красивые керамические тарелки пирожные и сдобные булочки, и подошла к чайнику, сиротливо стоящему на подоконнике. И только сейчас (конечно, Лена, ты умеешь создавать себе проблемы), сообразила, что разогревать его я так и не научилась.

По спине пробежал холодный пот, и я замерла, не зная, что такого придумать, чтобы мои оправдания выглядели естественно и правдоподобно.

– Что-то не так? – громом среди ясного неба послышался голос ректора прямо за моей спиной. А я и не заметила, как он подошёл.

Не подпрыгнула до потолка только усилием воли. И обернулась с большим трудом, но ответила ничуть не дрогнувшим голосом:

– Да вот, что-то... Не получается разогреть, – в глаза я ему старалась не смотреть, прожигала дыру где-то в области сердца. И добавила совсем тихо, понимая, как глупо это звучит: – Сломался, наверное...

Чтоб мне сквозь землю провалится... Жуть! Кошмар! Что я несу! Всё, провал, теперь меня точно раскроют...

Но секунда неслась за секундой, а ректор всё молчал. Потом, наконец, взял меня за плечи, отодвинул со своего пути и взял в руки предательский чайник. Покрутил, повертел, открыл крышку, вновь закрыл. Потом перевернул его и из небольшого углубления вытащил маленький серый камень.

– Вы правы, – хмыкнул удовлетворённо, – Сломался. Накопитель совсем истощился, завтра вместе с новым столом пришлю несколько запасных. На всякий случай.

Пока он говорил, я едва кулем не свалилась на пол от облегчения. Дело совсем не в моей иномирности, всего лишь накопитель выдохся. Фу-у-ух!

– Хорошо, – просияла, словно начищенный пятак, – Спасибо вам!

Но на этом помощь ректора не закончилась, он обхватил одной ладонью пузатые бока чайника, пальцами второй принялся плести заклинание. На этот раз я внимательно наблюдала за почти неуловимыми движениями и всё равно не поняла, как у него это так ловко вышло. Я сегодня с Ришей убила уйму времени только на то, чтобы почувствовать магию и вызвать её материальное воплощение, а господин начальник не задумывался даже о том, чтобы что-то там контролировать.

Здорово, однако. Тоже хочу так научиться.

Чай был готов, я разлила его по чашкам, села за стол, принимаясь по привычке греть пальцы о горячий напиток. Украдкой посмотрела на занявшего своё место мужчину. Высокий... Даже сидя за столом, ясно, что ростом его природа наградила внушительным, как и разворотом плеч, как и иссиня-чёрными волосами, носом с горбинкой, волевым подбородком и взглядом... Синим, пронзительным, будто заглядывающим в самую душу.

Кхм... Кажется я увлеклась. Поспешно опустила взгляд, и протянула руку к одной из булочек, но есть не стала, потому что в воздухе буквально ножом можно было резать неуютное напряжение. Ни Закари, ни тем более я, не знали о чём говорить. И зачем только я пригласила его на... чай? Язык мой – враг мой.

Так мы и завершили чаепитие в полной тишине. Господин ректор, кстати, к булочкам тоже не притронулся, да и осушил чашку только

наполовину, но поднялся, неловко поглядывая в сторону выхода из кухни и, откашлявшись, произнёс:

– Благодарю за... угощение, – перед последним словом замялся, оно и понятно – сложно пустой чай величать благородным словом «угощение».

– На здоровье, – тем не менее поспешила ответить любезностью на любезность.

– Я пойду? – получилось, будто он спрашивает у меня разрешение, от чего я ещё более неуютно себя почувствовала.

– Конечно, – выпалила слишком быстро, отчего получилось, словно я только и жду, когда же он уйдёт уже.

Ректор ещё раз посмотрел на меня, поймав, наконец, мой взгляд, кивнул каким-то своим мыслям и направился к двери, а я поспешила за ним.

Когда же он выходил в коридор, в свою комнату заходил... профессор Элшар.

Ситуация... патовая! И ведь не объяснишь же, что мы просто чай пиши, зуб даю – не поверит. И что теперь делать? Да и нужно ли вообще что-то делать, или оставить всё как есть?

Ректора же, кажется, ничуть не смутило произошедшее. Он, напротив, расправил плечи и, едва ли не насвистывая весёлую песенку, прошёл мимо подчинённого, отвесив тому дежурный поклон.

Глаза Элшара вспыхнули злостью, от чего мне стало дурно. Что ж мне везёт-то так?

Дверь я закрыла с недовольной миной, но тут же забыла о двух мужчина, которые для простых совпадений уж слишком часто появляются на моём пути, при том одновременно, и едва ли не бегом побежала на кухню.

При ректоре я бы не смогла насладиться вкусом пирожных, зато сейчас...

М-м-м-м... На вкус это было так же божественно, как и на вид. Воздушный крем, не приторный, а в самую меру сладкий, без ощущения того, что у кондитера дрогнула рука и в него попало пару тройку лишних кусков масла. Ягодная начинка, не вырвиглазно-ядерная, а с лёгкой ноткой кислинки. А тесто? Невесомое, почти не ощущаемое, оно буквально таяло во рту, вместе с кремом и ягодным желе...

Сама не заметила, как от шести купленных осталось только три пирожных. Пришлось усилием воли буквально оттаскивать себя от стола. И думать над тем, куда деть оставшееся лакомство, чтобы оно не пропало.

И отчего я не расспросила Ришу о хозяйственных мелочах? Ведь они тоже важны, наряду с умением контролировать собственную магию.

Вернулась в гостиную, взяла одну из книг, что вручила мне девушка для очередного ознакомления и бегло просмотрела оглавление. И надо же, сразу же наткнулась на целый раздел: «Плетение бытовых заклинаний».

Нет, я совершенно точно не планировала вновь опростоволоситься, но и позволить испортиться божественному лакомству просто не могла. Поэтому я долго читала небольшой параграф о сохранении продуктов, ещё дольше всматривалась в картинку, где была нарисована очередность движений пальцев, и только потом решилась.

Главное – успокоиться. Выдохнуть. Очистить голову от ненужных мыслей. И поверить в то, что у меня всё непременно получится.

Я прикоснулась одной рукой к корзинке, второй принялась плести заклинание. Это словно перебирать пальцами струны гитары, или арфы, что больше подходило к плавному передвижению рук.

Мизинец, средний, указательный и большой, минуя безымянный. И жгущую изнутри магию отпустила лишь на мгновение. Кончики пальцев закололо едва ощутимо, и в следующее мгновение над корзиной появилось холодное дымчатое облако.

Получилось?

Получилось!

Невероятно!

У меня, правда, получилось?

Я не верила своему счастью, но облако в самом деле было над корзиной, и, судя по всему, пропадать никуда не спешило. Я осторожно взялась за ручку, чтобы переставить импровизированный мини-холодильник, и облако передвинулось вместе в ним.

Вот. Это. Да! Восторгу моему не было предела. Хотелось выскочить в коридор и закричать во всю мощь собственных лёгких,

что я смогла, и что я не совершенный бездарь, коим себя считала ещё с утра.

С чувством выполненного долга я отправилась в душ, а потом с утроенным энтузиазмом взялась изучать учебники. Повторять плетения в пределах комнаты я больше не решилась, но это не мешало запоминать движения и основные рекомендации.

В итоге вновь засиделась допоздна, но, как удалось выяснить опытным путём, завтра меня ждал ещё один выходной, так что можно позволить себя поспать и никуда не торопиться.

На появление Гриши я даже не рассчитывала. Не потому, что ждать его вовсе перестала, всё из-за того, что я решила немного отпустить ситуацию. Со мной не происходит ничего ужасающе страшного, если не брать в расчёт неприязнь мисс Глэйзы и закономерную ненависть Элшара. Так от чего я собиралась бежать? Григорий, рано или поздно придёт, так не к чему изводить себя томительным ожиданием.

Глава 10

О том, что ночные приключения могут быть весьма волнительными

Проснулась я, когда солнце наглým образом добралось своими лучами до лица. Но усталости, как не бывало, потому я ничуть не расстроилась, что меня разбудили.

Привела себя в порядок, сбегала в столовую, принесла завтрак в квартиру. После вкуснейшей каши из неопознанной крупы и ягод, уменьшила запасы сладкого. К слову, заморозка действовала отлично, так что ничего не испортилось.

После решила навести-таки порядок и избавиться от доказательств моей глупости. Остатки стола пришлось аккуратно сложить в коридоре. После спрошу у Риши, где здесь у них имеется мусорка. Полы вымыла раз пять, прежде чем чёрная копоть исчезла окончательно. К тому времени, когда пришли рабочие с новым столом и невероятно красивым ковром, я уже сидела в кресле, вновь штудирюя учебники.

Двое крепких мужчин были молчаливы и замкнуты, поглядывали на меня исподлобья, но я предпочла вообще к ним не лезть – постелят ковёр, поставят стол, и я смогу сбежать к Рише в библиотеку. Так и случилось. Я не отвлекала их, и работа была сделана быстро.

На закономерный вопрос:

«Сколько я вам должна?»

Меня окатили откровенной неприязнью и буркнув, что за всё уже уплочено, сбежали, сверкая пятками.

Что ж, раз уплочено, то и переживать больше не о чем.

Библиотека встретила меня оглушающей тишиной. Если вчера ещё хоть кто-то из студентов прохаживался между стеллажами, или сидел за столом в огромном читальном зале, то сегодня там было совершенно и безоговорочно пусто.

– И так всегда, – пока я не видела, ко мне со спины подлетела Риша.

Честное слово, я от неожиданности и закономерного страха едва не заорала, на манер пожарной тревоги. Лишь схватила руками за сердце и сдавленно попросила:

– Ты не могла бы так не пугать?

Девушка пожалала худенькими плечами и склонила голову набок, проявляя прямо-таки исследовательский интерес:

– Неужели в вашем мире совсем-совсем не бывает привидений?

И столько непонимания и какой-то тоски прозвучало в её голосе, что я не сразу нашлась, что сказать в ответ. Потом подумала немного, подбирая слова и выдала:

– Почему же, наверняка есть, – не могла же я утверждать обратное, тем более теперь, после всего, что со мной произошло. – Только вот таких, которые являются людям и те общаются с ними без опаски – лично мне встречать не доводилось.

А если бы довелось, и кто-нибудь узнал бы об этом, то ходить мне в белом халате с завязанными рученьками. И пить разноцветные пилюльки под присмотром строгих психиатров и неврологов (или кто там сумасшествие лечит). Но об этом я, естественно, умолчала. Не захотелось расстраивать девушку, тем более, услышав мои слова, она буквально расцвела на глазах – присущая призрачная бледность сменилась нежным румянцем, по длинным локонам заискрились золотые дорожки. Платье, обычно такое же бледное и невзрачное, как и сама хозяйка, стало... Красочнее что ли. В общем, никак я не могла поведать ей о том, что в нашем мире, если ты видишь призраков, то пора обращаться к мозгоправу.

– Если так, то это просто чудесно, – улыбнулась во все тридцать два зуба хозяйка библиотеки и сердце у меня ёкнуло. Нет, несмотря на преобразование, улыбка у неё всё же жутковатая.

На сей раз Риша повела меня не в привычную уже комнату с колодцем, а в совершенно другую сторону. Мы прошли мимо столов читательского зала, завернули за стеллаж, на котором вместо книг красовались писанные портреты (прошлых ректоров и значимых личностей для академии, как пояснила девушка), и вошли в небольшую комнатку со сводчатым потолком. В ней не было ничего, кроме миниатюрного круглого стола у миниатюрного же круглого окна.

Остальное пространство, что и так было крошечным, занимали книги. Очень много книг, что были сложены высокими стопками, упирающимися в каменные своды.

– Большую часть времени я провожу здесь, – сияя гордой, но не менее жуткой, улыбкой, призналась девушка и я кивнула. Потом отвернулась, пробежала взглядом по корешкам потрёпанных книг и остановилась на той, что лежала на столе. На раскрытой странице в самом верхнем углу была нарисована шкатулка... Очень знакомая шкатулка...

– Риша, – выдохнула, испытывая неведомое до сего дня волнение. – Что это?

Девушка подлетела, посмотрела на иллюстрацию, на которую я показывала и ответила:

– Это? – Слегка удивилась моему интересу, но тем не менее, принялась с энтузиазмом делиться информацией. – Это шкатулка с дарами богини Зииты. Я разбирала книги, которые годами, как бы не столетиями, лежали в подвале, и случайно наткнулась на этот древний фолиант. Он написан на старом языке, и я не совсем понимаю, о чём здесь идёт речь. Но вот эту надпись, – она указала на подпись под изображённой шкатулкой, – Мне удалось расшифровать. Здесь так и написано: «Дары богини Зииты». Но что это значит, и кто эта богиня – я не знаю.

Я пыталась переварить услышанное, когда Риша запоздало поинтересовалась:

– А тебе это зачем?

Мне? Мне такое добро совершенно без надобности, а вот Елена зачем-то хранила у себя фотокарточку этой самой шкатулки. Ту, от которой у меня и холодок по спине прокатился и страх ужалил в самое сердце.

И что-то мне подсказывает, что-то похожее на проснувшийся дар провидения – ничего хорошего ни от фотокарточки, ни от изображённой на ней шкатулки ждать не стоит.

– Да-а-а, – протянула, сама не зная, почему начала придумывать какие-то глупые оправдания. – Так, просто узоры на ней очень красивые.

Махнула рукой, и тут же перевела тему:

– Что сегодня изучать будем?

Кажется, девушка даже не заметила моих внутренних метаний. А я в растерянности пыталась понять, почему, как на духу, не рассказала ничего Рише. Ведь это не моя тайна и вообще, я точно не собираюсь выяснять, что это за шкатулка и какие именно дары в ней находятся. Так отчего в голове будто стоп-сигнал сработал? Предупреждающий, что говорить об этом не стоит?

– Сегодня? – вновь улыбнулась девушка. – Сегодня будем заниматься тем же, чем и вчера, я сейчас только книгу себе выберу, чтобы со скуки не умереть, пока ты будешь измываться над магией.

И Риша, довольная своей шуткой, звонко рассмеялась, я же скривила губы и приличия ради проворчала:

– Между прочим, у меня вчера получилось применить одно бытовое плетение!

Не хотелось, чтобы это звучало, как хвастовство, но... Что получилось, то получилось.

Риша смеяться перестала и за мгновение очутилась прямо перед моим лицом, от чего я шарахнулась в сторону и только чудом не сшибла книжную башню.

– Получилось? – глаза засветились нездоровым энтузиазмом, так что я вмиг пожалела о брошенных словах.

– Совсем немного, – пошла на попятную, но не тут-то было – девушка уже закусила удила.

– Что это было за плетение? Помнишь ощущение, которое родилось внутри во время всплеска силы? С какого раза оно у тебя получилось? Надеюсь, ты не в комнате проводила эксперимент?

От последнего лицо полыхнуло жаром: да что ж такое! Она мне всё время теперь будет напоминать о моём неудачном использовании магии?

– Плетение заморозки. Ощущений не помню, не до них как-то было. Получилось сразу. Экспериментировала в комнате, потому что тащить корзину с пирожными в учебные аудитории посчитала глупым.

Лаконично ответила на все вопросы поочерёдно, и добавила несколько обиженно:

– И я ничего в этот раз не спалила. Я была осторожна.

Риша обиду мою тоже не заметила, вновь счастливо расхохоталась, и выдала:

– Вот и замечательно, а то я уж было подумала, что всё бесполезно.

И эту колкость я тоже проглотила. Пусть потешается, а я докажу, всем докажу на что способна обычная землянка.

* * *

Занимались мы долго, так что пообедала я ближе к пяти часам. К слову, о времени – оно здесь мало чем отличалось от привычного мне, земного. Те же двадцать четыре часа в сутки, те же минуты и те же секунды. Всё одно, только часы работали не от батареек и солнца, а от магических накопителей. Несущественное отличие, я считаю.

Вернулась в комнату вымотанная донельзя, обрадовалась, что мусор забрали с собой рабочие. Хотя, на всякий случай, узнала у Риши, куда у них здесь девать разного рода отходы. Оказалось, у северных ворот академии имеются огромные бочки. А на бочки эти наложено особое заклинание – всепоглощающее пламя. Чтобы туда не бросили, всё в миг превращается в ничто.

Удобно. И никакого тебе загрязнения окружающей среды.

Мои же магические способности вновь не блистали. Риша решила, раз у меня сладилось с бытовым заклинанием, то значит нужно пробовать что-то из той же серии, ведь основа у бытовых плетений одна, меняются лишь незначительные звенья.

Но оказалось, что и это мне не под силу. Даже получившееся вчера заклинание заморозки вышло лишь с пятнадцатого раза. Я злилась и мрачнела всё больше и больше, а придя в квартиру после обеда, заела своё горе оставшимся пирожным и двумя сдобными булочками. Не очень-то правильный подход по отношению к телу Элены, но мне требовалось заесть горе, иначе бы я принялась крушить всё вокруг.

После долго лежала на кровати, раскинувшись на манер морской звезды, и пыталась выкинуть из головы неутешительные мысли.

А что, если у меня так ничего и не получится? И меня раскусят? И что делать? Книжки с минимальным набором правил для попаданки, которые я спрятала под кроватью, дабы избежать неосторожных взглядов и разного рода недоразумений, не давали ответы ни на один

заданный вопрос, а Гриша... Да-да, вчера я обещала его не ждать и вообще... Но вдруг кто-то, помимо Риши, узнает мою тайну и решит сдать меня местным властям в обход «службе помощи неудачливым иномирцам»? Что будет тогда?

Нервозность не отпускала, а напротив, лишь усиливалась. От этого хотелось немедленно вскочить с места и бежать куда-нибудь, чтобы сделать что-нибудь. Я и встала, и побежала... Предварительно ознакомившись с расположением тренировочных аудиторий.

Их оказалось аж пять штук. И все в одном изолированном крыле на нижнем этаже. Тут же имелся и запасной выход, что весьма обрадовало – техника безопасности на высоте.

Прежде, чем заглядывать за дверь, я постояла несколько минут, напряжённо прислушиваясь – нет ли кого по ту сторону. Но нет, в аудитории было тихо.

Вошла, осмотрелась и плотно прикрыла за собой дверь. Помещение было не очень большим, больше похожим на маленький камерный театр. Импровизированная сцена и два ряда кресел полукругом.

Вступив в центр, сразу почувствовала, как сцена затягивается вязким, но тем не менее прозрачным куполом. Интересно, интересно...

Думаю, теперь можно пускать в ход собственную непослушную магию.

Села, поджав под себя ноги. Благо, в гардеробе Элены нашлись весьма удобные брюки и обычная хлопковая водолазка. Не знаю, насколько я в таком виде оскорблю местный честной люд, но сейчас это и не важно – не длинной же юбкой пол подметать.

Обложила книгами и стала вспоминать всё, что делала вчера, прежде чем сплела удачное заклинание заморозки.

Вдох... Выдох... Отпустить все эмоции, не думать ни о чём, просто перебирать пальцами невесомые струны арфы и выталкивать несущийся по венам поток силы...

Р-р-р-раз...

И... ничего не вышло. Совсем. Выбранное для эксперимента печенье так и осталось без охлаждения.

Ар-р-р-р! Ну почему? Я всё делала правильно! Точно так же, как и вчера! Чего же не хватает?

«Так, Лена, успокойся, давай попробуем ещё раз», – успокаивать саму себя то ещё удовольствие, и после ста пятидесяти таких бессмысленных увещаний энтузиазм и оптимизм давно скатились к нулевой отметке.

Но я же упрямая. Я не сдавалась...

Попробовала ещё раз. Медленнее. Но вновь ничего не получилось. Тогда я вскочила и самым неприличным образом принялась топтать ногами и едва ли ни выть на луну.

– Чего тебе не хватает? А? Что ж ты измываешься надо мной? – кричала в пустоту, почти плача от обиды и отчаяния. – В прошлый раз же получилось без особого труда, так чего ж сейчас не выходит?

Вопросы, конечно же, должны были остаться без ответа, но...

– Вы просто слишком напряжены, мисс Елена, – спокойный, чуточку насмешливый голос, заставил вздрогнуть всем телом. Хорошо хоть не закричала. – Позвольте, я покажу вам?

Господин ректор... Вот уж кого я точно не ожидала здесь увидеть, так это его. Хотя, я вообще никого не хотела здесь видеть. Тем более начальство вот с такой вот мягкой улыбкой и с медленной походкой хищника, будто он не помогать мне идёт, а загоняет добычу в угол...

И почему же мне на ум такое сравнение пришло?

Я подобралась, гордо вскинула подбородок, не желая показывать внутренней дрожи.

– Добрый вечер! – поприветствовала вполне бодро, мечтая, чтобы слова мои меньше всего походили на оправдания. – Да вот, решила немного... потренироваться.

Судя по скользнувшей по губам улыбке, мои слова восприняли всё же, как оправдание.

Я начинала нервничать, в самом деле, потому что его взгляд становился слишком... понимающим что ли? Будто он видел за моими слабыми попытками, куда больше, чем мне того хотелось бы.

– Готовитесь к зачёту? – поинтересовался как бы между прочим, ступая на импровизированную сцену рядом со мной.

– Можно сказать и так, – ответила уклончиво, тут же стыдясь собственной лжи. Не умею я врать, да и не люблю, если честно. Но тут ложь во спасение, а потому стоит сделать лицо попроще.

– Разрешите? – спросил спокойно. Усмешка с губ пропала, и во взгляде больше не было хитрющих искр. Сама серьёзность.

Кивнула с опасением, и господин начальник тут же поднял мою руку на уровень моего лица и принялся объяснять:

– Видите? Вот этот палец, – загнул большой, – Он основа. Фундамент. Толчок, если хотите. Нужно именно ему отдавать ведущую роль, отдавать в первое движение, как можно больше силы. Остальные пальцы не должны отвлекать внимание. И движения ими должны быть плавными, почти невесомыми.

Закари отпустил мою руку и показал какое-то плетение. И так легко оно у него вышло, р-р-раз и в воздухе витает морозное облако. Р-р-раз и от него не осталось и следа.

Я смотрела заворожённо, стараясь не обращать внимание на то, что запястье покалывает от его прикосновения. Эка невидаль, будто меня до этого никогда мужчина за руку не держал. Держал, конечно, но... Почему-то именно сейчас сердце забилося с удвоенной силой и неуместное смущение закралось в душу.

– Повторите! – скомандовал, отвлекая меня от ненужных мыслей. И я, спохватившись, повторила. Точно так же, как он говорил мне, но что-то вновь пошло не так.

– Нет, – мужчина досадливо нахмурился, обошёл меня и встал за спиной, беря мою ладонь в свою, – Расслабьте руку, и позвольте мне всё сделать за вас.

Простая, вроде бы просьба, только отчего-то расслабиться у меня выходит лишь вдохнув и выдохнув пару раз. Наконец, рука ослабла, и ректор поочерёдно стал загибать пальцы, медленно, и почти невесомо надавливая на мои. Конечность моя повинуется ему так, будто является продолжением его собственной.

– Вот так, чувствуете? – шепчет мне, щекоча дыханием волосы на макушке. – Ничего сложного.

В тот момент, как он отпустил свою руку, я повторила то, что он только что показал. И перед нами появилось морозное облако. Аккуратное, и невероятно холодное.

– Получилось, – почему-то прошептала и обернулась, чтобы отблагодарить Закари. Правда произнести ничего не смогла, пойманная его удивительным синим взглядом, в котором помимо ответной улыбки затаилось ещё что-то... Что-то, что заставило сердце кульбитом ухнуть куда-то в пятки, а потом подскочить к самому горлу.

– Это, – хрипло прошептал он, приближаясь ещё на миллиметр, будто... Нет-нет, не станет он меня целовать, ни в коем случае. Наверное... Глаза закрылись сами собой, и неведомая сила толкнула меня вперёд, совсем чуть-чуть.

И в этот самый момент ректор закашлялся и проговорил:

– Это замечательно. Я так и знал, что у вас получится.

Я распахнула глаза и увидела, что он отшатнулся от меня, будто от проклятой какой. В его глазах застыло неверие и удивление. Уж не знаю, чему он удивился и во что отказывался верить, а вот мне... Мне стало обидно, прямо-таки до слёз.

Но я, конечно же, не заплакала. Вот ещё! Гордо вздёрнула подбородок и улыбнулась так, что даже скулы свело:

– Благодарю за помощь!

Постояла, унимая вспыхнувшее раздражение, что заменила закономерную обиду, и принялась собирать разбросанные на полу книги. Ректор молча наблюдал за этим действием, а я старалась не замечать его.

Это же надо? Шарахается он! Тоже мне чистоплюй недоделанный! Да он... он... елот бешеный, вот кто он!

– Пожалуй, мне пора, – взяла книги и, не глядя на так и молчавшего мужчину, направилась к двери.

Но что меня удивило, так это то, что Закари догнал, молча взял из рук увесистые и не очень томики и зашагал рядом. Спустя пару минут вспыхнувшая было злость стала затихать. И я уже не знала, за что так разозлилась. За то, что мужчина не поцеловал меня? Так и зачем это мне? Собственно, целовать он будет и не меня, а Элену, поэтому... нет, мне это не нужно.

А на смену злости пришло смущение. Он мне помог, чисто по-человечески. Может и заподозрил что-то, но не стал задавать коварных вопросов, что, несомненно, радовало. А я... Обиделась на то, сама не знаю на что?

– Спасибо вам, – произнесла тихо, остановив взгляд на книгах, которые он вернул мне у двери моей комнаты. – Спасибо, что помогли.

Закари рвано выдохнул и произнёс уже без доли растерянности и удивления:

– Обращайтесь, всегда рад помочь!

Ха... Рад, как же...

– Хорошо, – ответила, тем не менее.

А когда уже развернулась, чтобы скрыться за дверью, то услышала:

– Только... я думал, что ваши познания плетений не настолько скудны.

Вскинула испуганный взгляд и столкнулась с пронзительным, испытующим.

Чего ж ты, Лена, ждала? Что он не заметит эдакой малости – незнания элементарных заклинаний? Да ну! Глупая надежда, как и желание пойти позаниматься в аудиторию. Лучше бы просто читала в комнате, а практиковалась у Риши, под присмотром. Так нет же, понесла тебя нелёгкая.

Мысли лихорадочно металась в голове, выдавая одну нежизнеспособную версию за другой, пока мозг не озарило яркой вспышкой. Я сразу же успокоилась, выдохнула и доверительно прошептала, оглянувшись по сторонам, как бы опасаясь, что нас подслушают:

– Знаете, никогда мне бытовые заклинания не удавались! Все эти заморозки и подогревы, мгновенная уборка и готовка... Не моё это, хоть плачь. То ли дело боевые, да защитные плетения. С ними управляюсь на раз.

Мама дорогая, что я несусь? Но судя по удивлению, что тенью легло на вытянувшуюся физиономию ректора, такого он услышать не ожидал, а потому... поверил. Или только сделал вид, не берусь утверждать.

– Понимаю, – выговорил медленно, и вздохнул, – Что ж... Доброй ночи!

– Доброй, – кивнула с улыбкой, скрываясь-таки за дверью квартиры. А услышав удаляющиеся шаги, сползла на пол, потому что ноги отказались держать меня.

Пронесло? Или нет?

Сидела я так долго, пока не решила встать. Только сюрпризы этого дня не закончились. На столе, прямо посередине, лежал сложенный вдвое листок. Развернув его, я едва вновь не уселась на пол, благо под боком очень удачно оказался стул, на который я и приземлилась.

В записке значилось:

«Я всё знаю. Нет смысла бегать от меня. Жду сегодня в полночь у северных ворот. Л.»

Глава 11

О том, что не стоит идти на поводу у авантюризма

Поначалу сердце колотилось так неистово, что я всерьёз озаботилась вопросом – бывает ли у магов сердечный приступ. А если бывает, то сможет ли пухленькая тётка из лечебницы оживить меня, в случае чего.

Но мысль эту отмела, и попыталась взять себя в руки. Подумаешь, записка какая-то. Может быть, она вообще не мне?

«Ну да, а в твоей квартире оказалась по нелепому стечению обстоятельств» – ехидно добавил внутренний голос, и я вновь погрузилась.

Адресом тут вряд ли могли ошибиться, но... Получателем в самом деле могу быть не я, а Елена. От этой догадки стало чуточку легче дышать.

Правда, лёгкость эта тут же испарилась. А если всё же мне прислали? И кто этот таинственный «Л»? неужели нельзя было нормально записку подписать? Тоже мне, шпионские игры.

И что делать? Идти? Или не идти? А если пойду и окажется, что записка предназначалась Элене, что мне тогда делать?

Только я немного осваиваться начала, успокаиваться, как на тебе... Очередное приключение на мою голову. В такие моменты особенно остро хотелось увидеть Гришеньку. И, желательно, настучать ему по одному мягкому месту.

Часы на академической башне взялись отбивать время. Одиннадцать... Уже одиннадцать? Так быстро...

Покрутила в руках записку, закрыла глаза, вновь их открыла. Пойду, но только для того, чтобы со стороны посмотреть на этого загадочного «Л», который всё обо мне знает, или не совсем обо мне, не суть.

Сложила книги аккуратной стопкой, активировала подогрев чайника, благо, с заменённым накопителем, который передали мне рабочие, это оказалось проще простого. Нервно опустошила чашку с

чаем, даже почти не почувствовав ни вкуса его, ни горячей температуры. Все мои мысли были заняты предстоящей вылазкой.

Малодушное желание остаться в комнате и никуда не ходить, хоть и не сразу, но всё же отмела. А если записка предназначалась мне? Тогда хоть стоит узнать, кому так неймётся и кого стоит опасаться.

Переодеваться не стала, разве что накинула поверх свитера серое пальто, чтобы не особо выделяться на фоне потемневшей при свете звёзд растительности.

Академия дышала сонной тишиной и спокойствием. Нет, в выходные дни она и так редко заполнялась звонкими студенческими голосами, но сейчас вовсе будто уснула крепким сном. Жутковато, если честно.

Я упрямо шла вперёд, сжимая до боли кулаки и выдыхая сквозь стиснутые зубы почему-то вдруг ставший каким-то вязким воздух. Зачем я пошла? Узнать... И что изменится от того, если я узнаю, кто этот загадочный «Л»? Ничего... Или может быть изменится всё...

Проснувшийся авантюризм упрямо толкал вперёд, а присущая осторожность – нашёптывала вернуться. И вот кого слушать?

Замерла перед выходом во внутренний двор, не решаясь ни на хрустящий гравий ступить, ни обратно вернуться. Наконец, махнула рукой и спешно направилась к северным воротам.

Дорожка, что вела к ним, вся утопала в зелёных ограждениях, что, несомненно, радовало. Я пригибалась, прячась за раскидистыми ветвями и осторожно выглядывала из-за живой изгороди – нет ли там кого.

Но территория, так же, как и само здание, находилась в полусонном состоянии. Только стрекошущие вдалеке кузнечики нарушали безмолвную тишину. Вскоре показались мусорные баки, в которых поблёскивали языки пламени. А за ними высокие кованые ворота, что в ночи казались эдакими зубастыми великанами.

Поблизости никого не было. Я затаилась за одним из кустов и принялась ждать. Кто-то же должен прийти. Ждать пришлось недолго. Как только башенные часы пробили двенадцать раз, за воротами показался высокий широкоплечий мужчина. Не один. За ним, постоянно оглядываясь, шла миниатюрная женщина, укутанная в чёрный плащ с головы до пят. Почему я поняла, что это особа женского пола? Всё очень просто:

– Думаешь, она придёт? – Высокий мелодичный голос разрезал ночную тишину. Я никогда его прежде не слышала, но несмотря на мелодичность и напускное спокойствие, голос этот отозвался неприятной дрожью во всём теле.

– Не уверен, – пробасил в ответ мужчина, вскинул и отвёл назад плечи, как обычно у нас делают боксёры перед боем.

«Уж не меня ли он собрался бить?» – пронеслась шальная мысль в голове, но я заставила себя остаться на месте. Не полезут же они через ворота! Наверное...

– А если не придёт? – В мелодичность вкрались злобные нотки.

– Если не придёт, то не твоя забота. Я всё сделаю сам.

«Всё сделаю сам» – звучало куда серьёзнее любой угрозы. А потому я ниже припала к земле и вовсе задержала дыхание, чтобы ни единым звуком не выдать себя.

– Зря мы ей доверили это дело, – не смогла стоять молча женщина.

– Разве у нас был выбор? – зло усмехнулся мужчина.

– Не было, – буркнуло недовольно его собеседница.

Стало тихо. А жаль. Было бы здорово, если бы они расщедрились на более полную информацию. Я бы тогда смогла понять, во что такое гадкое вляпалась Елена. Сдаётся мне, сбежала она из этого мира всё же не в поисках новых ощущений, здесь всё куда сложнее...

Прошло довольно много времени, двое так и стояли у ворот, а я молилась всем и сразу о том, чтобы они скорее ушли. Потому что ноги бессовестно затекли, и сидеть в этом дурацком положении было уже просто невыносимо. Но они стояли и внимательно всматривались в темноту, желая увидеть Элену.

А она, точнее я, не собиралась выходить к ним навстречу. Нет уж... Не готова я на такой отчаянный шаг. Зато теперь я стала подумывать о том, что если Гриша не явится в ближайшие пару дней, то я наплюю на наш договор и пойду искать контору, которая занимается проблемами переселенцев. И пусть это будет свинством по отношению к престарелому клерку, но... Я просто не знаю, что ещё делать.

Часы на башне пробили ровно один раз и женщина раздражённо бросила:

– Она не придёт, это же очевидно!

Конечно! Надо было сразу об этом догадаться.

– Пойдём, – поддержал её недовольство плечистый мужлан и они, наконец-то, развернулись, чтобы уйти. Только прежде, чем скрыться за высокими стенами академии, он обернулся и посмотрел именно на те кусты, за которыми я притаилась. И мне показалось, что на его губах блеснула усмешка. Или это моё воображение и темнота сыграли злую шутку?

В комнату я возвращалась погружённая в свои невесёлые мысли.

Итак, что я имею? Понятное дело, попаданство. Его я уже не воспринимала, как что-то фантастическое и нереально. Не зря же говорят, что человек приспосабливается ко всему. Второе – загадочное прошлое Элены. В свете всего происходящего ни за что не поверю, что указанное в договоре у Гриши желание «попутешествовать и узнать что-то новое» являлось основополагающим в данной ситуации. Девушка сбежала от проблем и проблемы эти отнюдь не сводились к «я не знаю, какого цвета платье надеть».

Шкатулка... Не знаю уж, какие там дары богини и что они из себя представляют, но история с ними мутная.

Теперь вот ещё «охотники за головами». Что им нужно от Элены, и что такого известно про неё – совсем непонятно. И у кого разузнать всё, ума не приложу. Хотя нет, знаю я, конечно, кто мог бы рассказать обо всех тайнах, но человек этот (и человек ли?), сгинул в поисках неизвестного Грома. Если он вообще хоть кого-то ищет, а не отсиживается в своей конторке, успокоенный моим молчанием.

В сухом остатке у меня море вопросов и ни одного ответа. А в придачу ко всему проснувшееся желание во всём этом разобраться. И начать стоит... с Риши.

В комнату я не пошла несмотря на то, что мне давно уже стоило бы находиться в постели и смотреть сладкие сны. Сразу направилась в библиотеку и застала, конечно же, до крайности удивлённую девушку-призрака за чтением очередной книги. Не той, где была изображена шкатулка, а жаль.

– Лена? – нахмурилась Риша и сразу отложила потрёпанный фолиант.

– Расскажи мне про Элену всё, что ты о ней знаешь, – выдала, не утруждая себя замысловатыми объяснениями. Этот разговор должен был случиться ещё тогда, когда девушка упомянула, что Элена была

хорошей, и неприязнь окружающих к ней вовсе не оправдана, но я так загорелась идеей обучиться магии, что остальное попросту вылетело из головы.

– Всё? – Отчего-то задушено пискнула девушка и побледнела сильнее, хотя, я была уверена, что это в принципе невозможно.

– Всё-всё, – кивнула, отодвигая стул, что стоял у стены и усаживаясь на него. – Желательно со всеми грязными подробностями.

Закинула ногу на ногу и принялась ждать. Риша медлила, что натолкнуло меня на не очень-то приятные мысли.

– Ты знаешь что-то, что я не должна узнать?

– Нет, – поспешно отмахнулась девушка, но продолжила, когда набрала в свои призрачные лёгкие воздух. – Просто... Это же не моя тайна. Не знаю, могу ли я об этом говорить.

Я хмыкнула:

– Видишь ли, так как я волею судьбы нахожусь в теле Элены, то тайна эта касается меня непосредственно. Я, так сказать, не посторонний для неё человек.

Ну в самом деле, как я могу быть посторонней, если не просто временно снимаю её квартиру, а... Живу в её теле? Это же указывает на более чем близкое знакомство между нами. Или я не права?

Риша помолчала, окинула меня сомневающимся взглядом, но, наконец, начала рассказ:

– О тех слухах, что ходили про неё и какого-то чиновника из министерства, я ничего сказать не могу, – со вздохом призналась девушка. – Но стоило ей появиться в академии, её все дружно невзлюбили. Ещё бы, девушка без особых талантов в области теории плетений, и на тебе, получила такое тёпленькое место. Если интересно моё мнение, то вся эта история о коварной соблазнительнице, лишь выдумка, а Елена не пыталась её развеять потому...

Она запнулась, но всё же поделилась своими мыслями:

– Она посчитала, что так будет удобнее. Обычно от пустоголовых девиц, торгующих своим телом, не ждут никаких особых свершений, а она была умна и подмечала мелочи, на которые другие не обращали никакого внимания.

Пока Риша лишь нагоняла тумана, но я терпеливо ждала.

– Елена умело играла на публику. Даже вот интрижку с профессором Элшаром закрутила, лишь бы убедить всех, что они на

счёт неё не ошиблись. Но студентов своих она полюбила, не сразу, конечно, но со временем они нашли общий язык. Правда для окружающих её фривольное общение с учащимися расценивалось как... Неэтичное.

Ха, судя по сальным шуточкам, что ребята отпускали в её адрес, это совсем не удивительно.

– Но на самом деле она была очень умной, начитанной. Ни дня не проходило, чтобы она не наведывалась в библиотеку. Она интересовалась не только разными приёмами плетений, но ещё и зельеварением, артефакторикой, древним руноплетением, которое давно уже кануло в лету.

Зельеваренье, артефакторика, руноплетение... А эта Елена очень интересная личность, если не сказать загадочная.

– Так, а зачем она изображала из себя легкомысленную дурочку? – Спросила, нахмурившись. Этого я в самом деле не понимала. Если ты такая разносторонняя личность, умная и начитанная, то для чего это цирковое представление?

Риша замаялась, нервно взлетела к потолку и опустилась обратно, прежде чем ответить:

– Не знаю точно, но мне кажется, она что-то искала, здесь, в академии.

Искала... в Академии... А потом – фить! – и свалила из этого прекрасного магического мира на Землю. Подставив какую-то Елену Митянкину, а Гриша уже подвёл под монастырь меня. Так может то, что она искала – нашла? И потому сбежала, не желая делиться этим чем-то с... Да хоть с сегодняшними ночными визитёрами? Уж не шкатулочкой ли?

И вся эта игра на публику, пропитанная якобы развратом и полнейшей глупостью, были лишь прикрытием? Похоже на то... Твою ж свинячью харю, в какие ещё шпионские игры я вляпалась?

– И что она искала? Как думаешь? – Оторвавшись от размышлений, посмотрела на Ришу.

Девушка немного успокоилась и перестала дёргаться из стороны в сторону.

– Не знаю, – плечи её печально поникли, – это я и хочу выяснить, поэтому и стащила в свою комнату все те книги.

То есть, тот завал, который я видела днём, это всё прочитала Елена? Жуть какая...

– И за сколько же она всё это прочла? – Мой голос сел не иначе, как от удивления.

– За полгода, – сморщилась девушка и было понятно, что ей обидно – она-то не читала книги в таком количестве за такой короткий срок, хоть и не нуждалась ни в еде, ни в отдыхе.

– А какие отношения их связывали с ректором? – Спросила, сама не знаю для чего. Почему-то вдруг стало жутко интересно – Элену он тоже всегда так донимал и это «счастье» досталось мне уже по наследству?

– В том-то и дело, что никаких, – усмехнулась Риша. – Как человека, он её недолюбливал, особенно за связь с Элшаром, но как преподавателем – был доволен. Поэтому их отношения сводились к незначительным выволочкам и замечаниям.

Что-то слабо верится. Либо Риша ошибается, либо... Господина ректора подменили вместе с исчезновением Элены. Потому что мне он буквально прохода не даёт, и ведь для этого не было никаких особых предпосылок.

Понятно, что совсем ничего не понятно. История с ректором добавляется в копилку странностей, которые мне ещё предстоит разгадать. Или, может, не стоит лезть ни в какие чужие тайны? И оставить всё как есть?

Ну да, а если Гриша вообще про меня забудет, то, что тогда? Нет, раз уж я здесь, вместо Элены, то и проблемы эти меня касаются непосредственно. Почти непосредственно, но это не важно.

– Это всё? – спросила Ришу, которая молчала, пока я обдумывала полученную информацию.

– Всё, – призналась девушка после небольшой заминки, а потом спохватилась, – Разве что я могу дать тебе книги, которые она брала последними.

А вот это уже хоть что-то.

– Давай! – несказанно обрадовалась эдакой малости, но энтузиазм мой угас, стоило Рише появиться с высоченной стопкой, которая по тяжести легко могла сравниться с парочкой мешков цемента.

Но сказанного – не воротишь. Пришлось тащить это всё в комнату. Как я не навернулась на лестнице и не перебудила всю

академию разом – ума не приложу. Но была очень этому рада. Не хватало ещё вновь увидеть ректора. Пришлось бы объяснять какого лешего я по ночам шастаю где ни попадя. А искромётные объяснения у меня уже закончились. Лимит, так сказать, иссяк.

Кое-как добралась до квартиры, кряхтя открыла дверь и ввалилась в собственное жилище. Усталость брала верх, и я уже не мечтала ни о чём, как только принять душ и завалиться на кровать. Но смыв с себя бесчисленные приключения этого дня, не смогла пройти мимо – взяла ту книгу, где видела иллюстрацию шкатулки, благо Риша по моей просьбе оставила в ней закладку.

Улеглась на кровать, пролистав до нужного места и замерла, глядя на неприятный рисунок. Символы мне были не понятны, но чем больше я всматривалась в кривоватые закорючки, тем отчётливее беспочвенный страх разрастался внутри. Что же с этой шкатулкой не так? Неужели и впрямь какой-то божественный подарок, а от богов, как известно, ждать хорошего не стоит. У них всегда только игры на уме, уж я-то знаю, благодаря неуёмной фантазии деятелей современного искусства.

Элена что-то искала, и если я правильно поняла, то это что-то, должна была передать сегодняшним ночным визитёрам. А вот что именно она разыскивала? Шкатулку? Или что-то другое? Загадка...

И ведь надо же, а сначала казалось, что ничего-то особенного не произошло. Ну попутал клерк буковку в добровольном договоре, а тут... Сдаётся мне, что Елена, которая Митянкана, тоже не знала, на что подписывается.

Кажется, с этими мыслями, в обнимку с книгой я и уснула, чтобы проснуться буквально через три часа. Как же здорово, что мне удалось подружиться с Ришой, она хоть объяснила мне, что и здесь, в этом мире, есть будильник, который «заводится» довольно просто, на манер нашей Алисы – голосом. Говоришь, во сколько нужно встать и – оп-па! – истеричный вой старается на все лады и замолкает лишь тогда, когда клиент, то есть я, поднимается на ноги и не пытается вновь зарыться в одеяло.

На самом деле, едва продирая глаза, я была уверена, что никакой это не будильник, а настоящее орудие пыток. Весьма изощрённое, должна заметить.

Впрочем, завела я его не жалоб ради. Мне хотелось прийти в аудиторию раньше студентов. Надо же как-то уже учиться их учить. А то, чего доброго, ректор начнёт цепляться ко мне не только из-за приставучести Элшара, но и из-за работы, сделанной кое-как. А это лишнее внимание, которого для одной меня от него и так слишком много.

Словом, зевая во весь рот, я брела по пустым коридорам и подбадривала себя, как только могла. И что я стараюсь и для себя любимой тоже, только измотанный организм мечтал лишь о кровати и мягкой подушке, а не вот это вот всё...

Но куда девать, партия сказала – надо! И спорить бессмысленно.

В аудитории, ожидаемо, было пусто. Я прошла спокойно к своему столу, села, провела руками по деревянной поверхности. Заглянула в один шкафчик, в другой – везде лежали бумаги. Я вытаскивала стопку за стопкой, и проникалась всё большим уважением к Элене. Несмотря на представление, что она устраивала, ради всеобщей неприязни, к работе она подходила с великим тщанием.

Учебный план был расписан от начала и до самого конца года. И в план этот входили не просто написанные темы, но и то, на что стоит сделать упор, что стоит закрепить несколькими занятиями. У неё даже было помечено, когда она должна у какого курса присутствовать на практике, хотя, отчего-то уверена, что это её личная инициатива.

Но и это оказалось малостью... Ещё Елена вела подробный дневник, где выписывала все оценки ребят с вверенного ею четвёртого курса. Она знала где и в чём кто-то из них отстаёт, и еженедельно опрашивала педагогов об успехах или неудачах. Странной она всё же была девушкой, удивительной, но странной.

Что ж, теперь мне не так уж и страшно приступать к занятиям. Хотя нет, вру, конечно, страшно, но хотя бы не так, как была до этого.

Осталось самой разобраться во всех этих плетениях, чтобы учить других. На самом деле, я считала, что это невозможно, научиться так, чтобы дать что-то молодым да горячим головам, но... Да-да, выбора мне не оставили.

Поэтому намотала сопли на кулак и пошла работать!

Раз я не могу научить их правильным плетениям и не могу проверить, насколько хорошо они справляются с ними сами, отправилась в небольшую каморку. На манер той, где меня пытался

домогаться Элшар. Помнится, в похожей комнате было много полезного материала.

И не ошиблась. Помимо старых, дряхлых карт, там обнаружили и иллюстрации плетений, построенные на нумерации и очередности задействованных пальцев. Тут же нашлась и стопка листов с необходимой тематикой – защитные плетения купольной формы. Именно эта тема значилась следующей по списку в записях Элены. Что ж... Сегодня у нас будет практика. И я буду учиться наравне со всеми. Придётся держать лицо не хуже, чем в знаменитых театрах мира.

Первые студенты пришли как раз к тому моменту, когда я повесила тяжеленную кипу рисунков. Лесси в компании неизменных друзей, поприветствовали меня шутливым поклоном, на что я ответила вполне искренней улыбкой.

У меня всё получится. Обязательно. Не зря же я не сплю ночами, изучая чуждую для нашего мира магию.

Лекция оказалась не такой страшной, как я себе её представляла.

– Доброго дня, уважаемые студенты! – Стараясь, чтобы голос не дрожал, поприветствовала их.

Вышеупомянутые ученики ответили нестройным сонным хором. И я их понимала – сама бы с радостью вернулась под тёплое одеяло. Но жизнь вообще крайне редко поступает справедливо.

– Сегодня мы с вами приступим к изучению защитных плетений купольной формы. – Чудноватое название, но, бесспорно, точно описывающее суть заклинания.

Плетение это требовало не только правильной последовательности движений, но и особой сосредоточенности. Я вздохнула глубоко и нацепила на лицо самое невозмутимое выражение, на которое вообще была способна. Взяла в руки учебник, найденный здесь же, в столе Элены, и принялась читать необходимую главу. Вряд ли это педагогично, но иначе пока я не смогу.

– Итак, купольные плетения – это такие плетения, которые требуют *большую* отдачу энергии, чем щитовые. Купольные плетения отличаются по своей структуре. Связующие точки расположены таким образом, чтобы выстроенный купол подпитывался самостоятельно. Без усилий мага. Но в этом и заключается огромная опасность. Энергозатраты способны осушить до дна ваш резерв за считанные

минуты, поэтому, прежде чем использовать это плетение, нужно озаботиться следующим...

«Что ты творишь?» – от недовольного шипения... в собственной голове, запнулась и замолчала.

«Думаешь, так ты их чему-нибудь научишь?» – продолжил голос, и я шумно сглотнула, обводя испуганным взглядом внимательно смотрящих на меня студентов. Судя по скучающим лицам, неизвестны голос они не слышали, а потому выглядела я сейчас донельзя глупо.

– Нужно озаботиться следующим, – попыталась продолжить, потому что они ждали этого самого продолжения.

«Замолчи!» – Нервно взвизгнул женский голос и деловито бросил: «Ну-ка, посторонись, я сама с этим разберусь»

И... дальше тело, и до этого бывшее не очень-то моим, вовсе перестало слушаться.

– Главное, что вы должны знать, – говорила я и не я одновременно. – Опорные точки, здесь и здесь, – моя рука взяла кусочек мела и быстро начертила купольную схему, – Легко перекрывают утечку силы. Если вы быстро научитесь отделять их от остальных, то с лёгкостью сможете контролировать плетение. Смотрите!

Руки поднимаются – быстрое движение пальцами и передо мной вспыхивает сияющий прозрачный купол. Следующий взмах и купол загорается пульсирующими точками. Их так много, что они напоминают мне небосвод, усыпанный звёздами. Две из точек вспыхивают ярче остальных, и Элена, а это была именно она, сосредоточенно сжимает ладони, от чего они обе становятся чуть бледнее, а когда разжимает пальцы, они вновь вспыхивают ярко.

– Вас не должен заботить весь купол целиком, его существование обязано стать для вас чем-то естественным. Вы же не задумываетесь, прежде чем сделать вдох? Так и здесь – купол появляется и исчезает, вы же контролируете лишь две основные точки. Понятно?

– Да, мисс Элена! – Куда бодрее ответили студенты и глаза их загорелись энтузиазмом.

Наваждение исчезло, будто его и не было, и я, пошатываясь, облокотилась на стол, а потом и вовсе без сил села на стул.

Это что сейчас такое вообще было?!

Глава 12

О том, что голоса в голове – признак шизофрении

На этом блестящая лекция подошла к концу. Подняться со стула, да даже произнести что-то внятное у меня не получилось.

Подсуетился Лесси. Парень первым подорвался со своего места и склонился надо мной.

– Мисс Элена, вам плохо?

Абсурд... Но где-то я это уже слышала и даже видела. Первый день моего попаданства начался именно с этих слов и с этих самых встревоженных глаз.

– Плохо, – не стала изменять теперь уже традиции, правда в обморок всё же решила не падать. Ни к чему оно, надо держать себя в руках.

– Я позову мисс Ганель! – Выпалил парень и бросился было к двери, но я остановила его, с трудом поднимаясь на ноги.

– Не нужно, Лесси. Я дойду сама.

Упрямство... И отчего оно пробудилось в столь неподходящий момент?

– Вы... – произнёс с запинкой, – Уверены?

Нет, конечно, но к упрямству прибавилась гордость, мать её за ногу!

– Да, всё хорошо, – выдавила слабую улыбку и сделала шаг к двери, потом ещё один, безмерно радуясь, что меня не штормит из стороны в сторону. – Только, – остановилась уже у двери, схватившись рукой за стену, – будьте добры, посидите тихо.

Все студенты, наблюдавшие за мной кто с сочувствием, кто с некоторой опаской, слаженно, словно по команде, кивнули. И я хотя бы от этого выдохнула с облегчением. Но когда за спиной закрылась дверь, и мне пришлось остаться один на один с нахлынувшим головокружением, от облегчения этого не осталось и следа.

Спиной прислонилась к стене, закрыла лицо руками и собралась уже сесть прямо тут, на пол, как откуда-то сбоку послышалось:

– Мисс Елена?

Стремительно вскинула голову, от чего коридор расплылся неясным пятном, а я почувствовала, что всё же падаю. Жаль, ещё минутой назад я не собиралась этого делать, а поди ж ты, не удержалась. Правда встретиться с полом, распахнувшим свои гостеприимные объятия, мне не дали. Подхватили на руки и осторожно прижали к груди.

– Мисс Елена? – Голос ректоры был испуганным, и я почему-то почувствовала от этого непонятное мне удовлетворение. Испуг – это же почти, как забота? Ведь обо мне уже очень давно никто-никто не заботился. Всё сама – и отругаю, и пожалею...

Так и не дождавшись от меня ответа, ректор двинулся с места. Шагал он быстро, размашисто, и дышал при этом ровно, будто и не тащил на руках, пусть и худосочную, но всё же ношу.

Я прижалась щекой к его груди, отсчитывая громкие удары сильного сердца. И прикрыла глаза всего на секундочку, и точно в полудрёме прошептала:

– Вы пахните очень вкусно, – язык заплетался и к горлу подкатывала дурнота, но я упрямо растянула губы в улыбке и добила остановившегося начальника, – И вообще... Красивый.

Кажется, этого сознание не выдержало – помахало ручкой и отключилось, во избежание, так сказать, остальных глупостей, которые я могла бы совершить.

Очнулась от резкого режущего запаха и тут же распахнула глаза. Склонившись, надо мной стояла мисс Ганель, а за её спиной маячил обеспокоенный ректор.

– Вы пришли в себя, дорогая! – Обрадовалась мне медсестра, как родной. Я даже смутилась, настолько искренне звучали её слова.

– Да, – хриплым голосом подтвердила и без того очевидный факт. Смотреть на Закари было стыдно, потому что я вдруг осознала, что прежде, чем потерять сознание, умудрилась наговорить лишнего. На целую гору с хвостиком.

– Что с вами случилось? – Обозначил своё присутствие начальник и посмотрел на меня строго-строго. Так что бессвязные глупости, что я лепетала перед отключкой, сразу отошли на второй план.

– Ничего особенного, – постаралась врать более красноречиво. – Просто посреди лекции закружилась голова и я вышла из аудитории

подышать свежим воздухом.

По сути, я почти и не солгала.

– Ясно, – кивнул ректор и окинул меня сосредоточенным взглядом. Потом посмотрел на посторонившуюся женщину и приказал: – Выпишите всё же мисс Элене несколько дней для отдыха. Думаю, в прошлый раз мы слишком поторопились...

В последних словах мимолётом проскользнуло раскаяние, и мне вновь стало приятно. Но демонстрировать своё отношение к сказанному не стала. Ни к чему напоминать ему, что именно в прошлый раз меня обозвали лгуньей и пинками выставила на работу.

– Хорошо, – безропотно кивнула мисс Ганель и отступила к двери, чтобы следом за ней раствориться. И оставить меня наедине с ректором. Благо, в этот раз он не был зол.

– Элена, – спустя несколько минут тишины, он заговорил осторожно, будто боясь спугнуть меня. Даже вон пресловутое «мисс» опустил. – Ты ничего не хочешь мне сказать?

От пронизательного взгляда и сочувствия, что таилось в нём, стало не по себе. Признаться? Ему? Вот так сразу? Нет, ну Рише-то я призналась... Почему бы не признаться ему?

«Да потому, что ты пообещала Грише!» – Ехидно напомнил внутренний голос, слава всем богам, мой собственный, а не посторонний.

Грише-то я пообещала, но только и он мне кое-что обещал, а обещания своего не сдержал. Может и мне не стоит строить из себя кладезь тайн и загадок, и рассказать всё как есть?

– Понимаю, – прервал воцарившееся молчание Закари и опустился на край кровати рядом со мной. По моему телу прокатилась дрожь, и она, нахалка такая, не имела ничего общего с дрожью, что появляется от страха. – Я не тот, перед кем ты могла бы раскрыть душу, но... Я твой начальник, я придумаю, как тебе помочь!

Ха... Начальник. И почему меня так покорило это слово?

Не успела я и рта раскрыть, как он продолжил:

– Разрушение силовых потоков – страшная болезнь, конечно, но сейчас вполне возможно вылечить этот недуг, – он протянул руку, с явным намерением взять мою ладонь, но отчего-то передумал.

Так вот в чём дело... Он списывает моё недомогание на проявление какой-то страшной болезни? С чего такие выводы?

Неужели обморок симптом именно этого заболевания?

– Я же вижу, что магия даётся тебе всё сложнее и сложнее, хотя присутствовал на некоторых твоих лекциях и видел, как легко ты управлялась с силовыми потоками. Теперь же простейшего бытового заклинания сделать не можешь, или, напротив, устраиваешь пожар! Елена, скажите мне правду!

От волнения он вновь перешёл на «вы», а я... Я застыла, не зная, что на это можно сказать. С одной стороны, он сам придумал вполне себе правдоподобное объяснение, так стоит ли разуверять его? С другой... Сознаю я в наличие болезни, а он возьмёт и отправит меня к каким-нибудь светилам науки и те обнаружат обман...

Что лучше – придумать оправдание самой, или согласиться на жизнеспособную чужую выдумку?

Молчала я слишком долго. Не потому, что мне нечего было сказать. Отнюдь! Сказать мне хотелось многое и, самое главное, честное, но... Сомнения, чтоб им пусто было, чтоб их тьма накрыла, чтоб собака сожрала! Они не давали мне посмотреть прямо в глаза Закари и произнести так необходимое сейчас признание. А как только я набрала полную грудь воздуха и вознамерилась сознаться во всех мыслимых и немыслимых грехах, как дверь палаты распахнулась и на пороге появилась миловидная дева того неопределённого возраста, когда её и девушкой не назовёшь, но и до звания женщины она тоже как-то не дотягивала:

– Господин ректор, простите, – торопливо выпалила она немного писклявым голосом. – Вас вызывают.

А так как начальник лишь мазнул по ней взглядом, то дева дополнила:

– Из министерства, – а уж чтобы совсем не оставить ему возможности для сомнений, добила: – Срочно!

Мужчина отчётливо скрежетнул зубами, бросил через плечо:

– Сейчас подойду, Ханна! – а потом уже мне, чуть тише: – Разговор на этом не закончен, мисс Елена, даже не думайте!

Ректор резко развернулся, и, чеканя шаг, выскочил из палаты, а за ним, окинув меня весьма красноречивым взглядом, упорхнула и Ханна.

Твою ж... свинячью харю! И какого я раздумывала, курица нерешительная? Глядишь, в этом состоянии всеобъемлющего

сострадания, Закари удостоил бы меня своей помощи. И мне бы не пришлось выдумывать глупые оправдания, не пришлось бы играть чужую роль и лезть в образовательный процесс, в котором я совсем ничего не понимаю. Но шанс был упущен.

Ар-р-р-р!

Я в самом деле зарычала и, перевернувшись, уткнулась в подушку, чтобы как следует покричать. За этим весьма занимательным занятием меня и застала мисс Ганель.

– Дорогая, – сочувствующе произнесла она, тронув меня за плечо, – Может быть, я могу чем-то помочь?

Кричать я перестала, повернула голову и посмотрела на женщину снизу вверх. Потом прикрыла глаза, вздохнула тяжело-тяжко и попросила:

– Выпишите мне больничный, – и уточнила, так, на всякий случай, – На неделю.

* * *

После клятвенных заверений, что чувствую я себя раскрепасно, и что вполне могу самостоятельно добраться до комнаты, мисс Ганель, всё ещё хмурясь и поджимая губы, отпустила меня восвояси.

На счёт самочувствия я всё же немного лукавила, но незначительная дурнота и лёгкая головная боль не были такой уж веской причиной, из-за которой я хотела бы остаться в лечебнице ещё хотя бы на час.

В итоге я оказалась у себя в комнате уже через двадцать минут после того, как ректор спешно меня покинул. Закрыла за собой дверь, прислушалась, чтобы никого за ней не оказалось, и, усевшись за стол, строго спросила:

– Эй, ты ещё тут?

Наверное, со стороны я выглядела странно, да, собственно, и не только со стороны – даже самой себе казалась не просто странной, а прямо-таки сумасшедшей. Но не попытать счастье я не могла, а потому, после тишины в ответ, прошипела со злостью:

– Не притворяйся, что тебя здесь нет и что твои выкрутасы на лекции мне всего лишь привиделись!

В ответ вновь тишина. Ждала я долго, а когда от злости не осталось и следа, я жалобно попросила, уже без бывшего гонора:

– Ну, пожалуйста, отзовись!

Снова молчание. Я уронила голову на стол, сделав короткое «бум». И что теперь делать? Я была уверена, что моя «шизофрения» отзовётся, но чуда не случилось.

Просидела я так долго. В глубине души всё ещё на что-то надеясь и попутно размышляя о том, что это за «явление» могло быть. Нет, за всё время моего квартирования в этом теле ничего подобного не происходило, даже чувств посторонних не возникало (ну, разве самую малость, а это легко можно списать на стресс), а тут... целый голос в голове! И движения, и манера разговаривать... Даже не так, словно кто-то отодвинул меня, заставив скромненько отсиживаться в уголке сознания, сам же творил всё, что ему заблагорассудится.

Я ещё в аудитории об этом подумала, но... Сейчас поняла ясно, как никогда – то, что я приняла за шизофрению, на самом деле было возвращение блудной дочери, то бишь законной хозяйки этого тела! Точно! А как иначе? Ведь это её предмет, её студенты, те, за кого она радела! А тут я со своим кривым видением лекции и попыткой воплотить в жизнь что-то похожее на обучение.

Подскакивать на месте не стала, и удивляться сильно – тоже. Пора бы уже привыкнуть, что со времени моего «попадания» ничего не происходит просто так, без умысла. Что-нибудь особенное да найдётся...

Единственное, что с этой догадкой пришло на ум, так это... Предложение ректора, ну то, где он просит рассказать ему правду, как нельзя кстати. Риша, конечно, хороший помощник, но в силу того, что пробыла она призраком не один десяток лет, и всё человеческое в ней давно вытеснили сотни прочитанных томов и свитков, и безмерная любовь к оным. Так что... Господин начальник единственно верный вариант.

На столь оптимистичной ноте я даже немного успокоилась и решила дожждаться вечера, чтобы навеститься в гости к Закари. Рассказать всё вот так, наскоком не получится, а потому лучше дожждаться времени, когда уже никто никуда не торопиться.

Сказано – сделано.

Несколько часов я провела с пользой. Сходила за обедом и ужином, благо никого из студентов не встретила. Не хотелось оправдываться и придумывать очередную байку. Я никогда в своей жизни так много не лгала, поэтому все эти извороты давались мне безумно тяжело. Даже если врал я ради собственной безопасности, всё равно осадочек оставался.

Прилегла почитать книгу, а потом вовсе уснула, чтобы проснуться уже в кромешной темноте. Вот же, растяпа, проспала.

Вскакивая с кровати и надевая платье, приготовленное заранее, я молилась богам всех миров разом – лишь бы ректор ещё не спал.

Последний раз пригладила то и дело выбивавшийся из причёски локон, окинула себя придирчивым взглядом – ничего вульгарного, сама скромность. Именно так, по моему мнению, и стоит ходить на важные встречи глубоким вечером. Да, да, точно говорю!

Вышла в коридор, осмотрелась – никого. Уже хорошо. Дошла до двери начальства – тоже никто не встретился. Вообще прекрасно. Занесла руку, чтобы постучать, но так и замерла, потому что решимость вдруг погасла. Вновь.

Да что же это такое? Когда я успела стать такой трусихой?!

Не оставив себе времени на сомнения, постучала по двери костяшками пальцев. И тут же спрятала трясущуюся ладонь за спину, будто это могло уже что-то изменить.

Я постучала? Постучала?! Постучала!

Сердце замерло, а потом принялось ухать так остервенело, что я всерьёз испугалась, как бы оно не выпрыгнуло.

А может быть сбежать, пока не поздно? И потом заявить, что это вовсе не я, это студенты хулиганили? Неплохая мысль...

Но я и шага сделать не успела. Дверь распахнулась и на пороге появился господин начальник собственной персоной. С голым торсом и в одних пижамных штанах. Поднять глаза выше мускулистой груди почему-то не получалось. Мне просто было стыдно смотреть на него, да-да, и ничего кроме. Честное пионерское!

А то, что ладони стало потряхивать уже от другого, – от желания провести кончиками пальцев по накаченным мышцам, – это всё враки. Заявляю со всей возможной искренностью!

– Елена? – хриловатый голос подействовал не хуже разряда в двести двадцать вольт. Горячая волна прокатилась по позвоночнику и

осела где-то... там, внизу.

– Я... – прохрипела, понимая, что всё же голову-то нужно поднять, и желательно не пожирать его так глазами. Предприняла ещё одну попытку: – Я хотела поговорить...

Ну вот, я сказала, не так уж это и сложно.

– Проходи! – Мужчина тут же посторонился, пропуская меня вперёд.

Я и прошла, и даже не вздрогнула, когда за спиной захлопнулась дверь. Только почувствовала, что Закари подошёл ко мне слишком близко, так что я, кажется, расслышала шальные удары его сердца. Или это мой орган отбивал такую барабанную дробь? Не важно, главное сказать, для чего я сюда пришла.

Я обернулась, даже открыла рот, пытаясь произнести, может быть, самое важное признание в своей жизни, но вместо этого почувствовала на своих губах чужие губы. И... мысли вдруг разбежались.

Хотя почему это «вдруг»? Разбежались они по вполне понятной причине, можно даже сказать, по очень веской.

Жар чужого дыхания смешивался с моим собственным и жидкой лавой падал вниз, оседая приятным томлением. Всё завертелось, закружилось, словно в диком танце и мне уже стала совершенно безразлична цель моего визита. Ноги ослабели, и я уже приготовилась бессовестно рухнуть к ногам начальства, как поцелуй резко оборвался, возвращая не мысли, нет, а всего лишь способность дышать.

Когда успела закрыть глаза, сама не заметила, только вдруг поняла, что это не в комнате кто-то свет выключил, а мои собственные веки опустились непроницаемой завесой. Распахнула их и потрясённо приложила кончики пальцев к своим губам. Смотрела я при этом на господина ректора, который, почему-то, выглядел не менее ошарашенным, чем я.

Вот тебе и поговорили...

Молчали мы так слишком долго – я пребывала в шоке от того, что вот так запросто ответила на поцелуй такого мужчины (а я мало того, что ответила, до сих пор желала продолжения), Закари же... О чём думал он, мне было неизвестно, а судя по стремительно мрачающему взгляду, лучше бы я этого никогда и не узнала. Но, увы, меня насильно решили посвятить в сию тайну.

– Елена, – наконец, просипел мой «собеседник», шагнул в сторону, будто намеренно пытаюсь увеличить расстояние между нами. Затем поправился и я поняла – фиаско! Я потерпела фиаско... А нечего глупостями страдать, хватать надо было мужика, и целовать дальше, тогда бы удалось отсрочить столь неловкие оправдания. – Мисс Елена, я не должен был...

Чего он там не должен был делать, я так и не узнала, потому что Закари замолчал.

А меня буквально чёрт за язык дёрнул:

– Ничего, – бросила преувеличенно бодро и для верности махнула рукой. – С кем не бывает! Не сдержались, понимаю. Собственно, я сама виновата, пришла в ночи разговоры разговаривать. А может у вас на эту ночь совсем другие планы имелись, и я тут...

Мамочки, что я несу? Замолчала резко, даже язык себе прикусила, чтобы ещё большей чепухи не нагородить. И воззрилась огромными, как плоски, глазами, на начальника, который почему-то начал краснеть. И краснота эта слишком быстро приобрела эдакий свекольный оттенок.

Пытаясь спасти и так провальное положение, я прижала руки к груди, будто это могло поспособствовать моему уменьшению, и сделала крохотный шагок в сторону двери.

Ну не настроен человек сейчас на серьёзный разговор, так чего настаивать почём зря?

Попытку мою заметили и ка-а-ак рявкнут:

– Стоять! – Показалось, что весь преподавательский корпус сейчас поднимется, как по команде. Но нет, спустя минуту после столь грозного заявления в коридоре по-прежнему стояла сонная тишина. – Ты пришла поговорить, значит, мы поговорим.

Глава 13

О мужчинах и их странных желаниях

Закари Дарвенталь

Я удивлялся сам себе. Хотя, не так – я был в бешенстве от того, что только что себе позволил. И как я только мог такое сотворить?! Уму непостижимо! Тоже мне блюститель порядка, который сам же его безбожно нарушает.

Это надо такому случиться? Поцеловал? Эту пигалицу? Да я же до недавних пор ничего подобного даже в мыслях не допускал, а тут... И что со мной произошло? Всему виной приближающееся полнолуние? Хотя Елена преподаёт у меня в академии не первый месяц, и если бы дело было в дремавшем внутри звере, то инстинкты взяли бы своё гораздо раньше. А не так...

Успокоиться, просто нужно успокоиться.

И она ещё ничем не помогает, стоит, смотрит не то затравленно, не то жадно.

Да что же это такое происходит, во имя Луны?!

Отошёл на безопасное расстояние, пытаюсь уgomонить бешено колотящееся сердце, и не только его, но о той части организма я старался вообще не думать. Опасно.

Нужно собраться, сосредоточиться.

Она пришла поговорить. Логично. Сегодня днём я заподозрил неладное. Впрочем, неладное я заподозрил гораздо раньше, но списывал все странности на обычное женское недомогание. Раз в месяц случается это с ними и ничего из ряда вон выходящего искать тут не стоит. Но когда увидел, как она пытается сплести простейшее бытовое заклинание, и это у неё не выходит... Тут обострившиеся инстинкты буквально завопили – здесь что-то нечисто. Настолько нечисто, что стоит поинтересоваться у девушки, не нужна ли ей помощь. Правда, случая, чтобы задать столь неудобный вопрос, так и не представилось, сколь я не пытался себя убедить, что ничего-то предосудительного в моём вопросе нет. И вообще, на правах начальника я имею право знать...

Кого я обманываю? Беспокойство моё не имело ничего общего с заботой ректора о своей подчинённой. И самое в этом паршивое, что я боялся, как бы о более глубоких причинах не догадалась сама Елена.

За всё время нашего сотрудничества, девушка не вызвала особых вопросов. Блестящий диплом об окончании академии, умение находить общий язык с ершистыми студентами, грамотно построенный годовой план занятий. А то, что и у неё имелись некие слабости, на это можно было бы закрыть глаза, если бы я не привык всегда и во всём следовать правилам. Моим собственным правилам. Потому и не поощрял отношения между преподавателями, время от времени журил и Элену, и Элшара, пока...

Да, пока на меня не напало какое-то сумасшествие. Меня стало буквально разрывать на части от мыслей, что этот недалёкой, трусоватый профессориска прикасается к ней своими грязными ручищами. Это стало похоже на наваждение, на приворот, в конце концов, но наличие последнего не подтвердил даже Шон. А лучшему другу я привык доверять.

– Господин ректор, – я задумался и не сразу обратил внимание на трясущийся испуганный голос ночной гостьи. А когда посмотрел в её глаза, увидел там первобытный ужас. И спустя мгновение, мне весьма доходчиво объяснили его причину: – Кажется, ваша рука покрылась шерстью...

Проследил за тонким пальцем, что весьма недвусмысленно указывал на мою... опростоволосившуюся конечность. В самом деле, вниз от предплечья протянулась серая полоска весьма густого леса.

Луна! Дай мне сил! Я не терял над собой контроль с самого подросткового возраста...

Успокоить разбушевавшегося зверя оказалось не так-то просто, но я справился. И разозлился сильнее прежнего. Нет, с этим нужно что-то делать! Но не сейчас. Сейчас стоит выслушать Элену, помнится, у неё был ко мне разговор.

– Так о чём вы, – намеренно перешёл на официальное обращения, глупо надеясь, что мне это как-то поможет не дуреть от её запаха. – Хотели поговорить?

Элена не ответила. Вновь посмотрел на неё и увидел, что девушка прижалась к стене так, будто мечтала раствориться в ней. Или, на худой конец, слиться с ней, думая, что я её не замечу.

И что её так напугало? Частичная трансформация? Неужели она из тех, кто считает оборотней психами, способными во время обращения разорвать находящего рядом на кусочки? Пф! Уж не думал, что образованная девушка может придерживаться столь глупых убеждений.

– Мисс Елена, – скривился, словно от зубной боли, – Не переживайте, я не причиню вам вреда.

Кажется, не поверила. Потому что закивала часто-часто, сама же при этом не перестала вжиматься в стену. Выдохнул шумно, и сделал шаг к ней, на что Елена с силой зажмурилась и принялась причитать:

– Господин ректор, простите, что побеспокоила, такого больше не повторится, обещаю. Хотите, я даже поклясться могу?

На последнем слове она приоткрыла один глаз и посмотрела на меня.

– Клясться не нужно, – разрешил милостиво. – Я вам верю. Но и вас прошу поверить в ответ – я полностью контролирую вторую ипостась. Вам нечего бояться.

О том, что мой зверь, даже обрети надо мной полную силу, вряд ли сможет причинить ей вред, решил промолчать. Не стоит её пугать ещё больше.

– Честно? – девушка осторожно приоткрыла второй глаз.

– Честно! – приложил руку к груди и слегка поклонился.

– Хорошо, – после некоторой заминки всё же сдалась она.

– Так о чём вы хотели поговорить?

Решил не торопить её и дать собраться с мыслями. Не очень-то приятно признаваться в своих слабостях, мне ли не знать. Но я хотя бы могу помочь ей, у меня есть хорошие знакомые целители.

Пауза затянулась. В конце концов, девушка поспешно произнесла:

– Знаете, господин ректор, я тут подумала, ни к чему беспокоить вас всякими пустяками. У меня всё хорошо, правда-правда.

И эта чертовка вознамерилась сбежать, даже шаг к двери сделала. Выдержка вновь треснула по швам, и я одним слитным движением оказался рядом с ней, схватив за плечи:

– Что значит «пустяками»? Ты хоть понимаешь, что с этим не шутят? Если запустить лечение, то ты можешь навсегда лишиться силы! Рассказывай, немедленно!

Я ожидал, что она сейчас же огласит страшный диагноз, но вместо этого Елена зажмурилась, вжала голову в плечи и протараторила:

– Никакой силы я не лишусь, и никаких проблем со здоровьем у меня нет! Больше вам скажу, я не Елена вовсе!

Как это – проблем нет? Как?

И она не..? Что?!

Елена Митинкина

Ну вот, я это сказала...

Лучше бы молчала, честное слово! Вон как глаза у него округлились, того и гляди из орбит выскочат, а мне потом отвечай за нанесённое увечье.

В мыслях, да и не только в них я вновь городила ерунду. Да и как не городить, когда тут такое твориться? Сначала ни с того, ни с сего целуют меня, потом рычат и шерстью покрываются. Нет, я догадывалась, что у каждого имеются свои недостатки, тем более у такого видного мужчины, как Закари, но, чтобы они были такими... явными? Это в моего голове никак не желало укладываться.

Теперь вот вновь трясут за плечи, пытаюсь вырвать правду. А я взяла и сказала её, и судя по реакции – ждали от меня совсем другого.

Простите, за что купила, за то и продаю. Вот так вот.

Руки на моих плечах ослабили всего на мгновение, потом с силой сдавили нежную кожу так, что наверняка останутся следы.

– Что значит – ты не Елена? – Вдруг просипело начальство вместо крика.

А я лишь поморщилась, не рискнув вырваться из слишком сильных объятий, и покорно повторила:

– Я не Елена. Точнее тело-то её, а вот душа – моя.

– Моя – это чья? – Обманчиво спокойно поинтересовался нависавший надо мной мужчина. Но я нутром почувяла, что спокойствие это не отольётся мне ничем хорошим. А потому торопливо попросила:

– Вы только больше не зверейте, пожалуйста, а я вам сейчас всё-всё расскажу.

Не стоило мне ему сдаваться, ой не стоило. Подумаешь, нетерпеливая какая! Могла бы и подождать Гришу, ничего бы со мной

особенного не случилось. И странные явления в виде голоса в голове тоже как-нибудь пережила бы. Оно всё не так страшно, как смотреть в глаза напротив, в глубине которых проглядывается животный взгляд – пробирающий до дрожи.

Ректор рвано выдохнул, потом так же через силу вздохнул, и с трудом отцепил свои клешни от моих рук. Дышать стало свободнее, хотя бы отчасти.

– Я вас слушаю! – Сухо бросил мужчина и отошёл от меня.

Что ж... Меня не сожрали незамедлительно. Это хороший знак. Наверное...

Несмотря на то, что Закари сделал добрых четыре шага в сторону, всё равно совсем не маленькая комната показалась ещё более тесной. И душной, и неудобной, и вообще... Дело, конечно, не в гостиной, и даже не в повисшей неловкой тишине, беда была в мужчине, который не сводил с меня слишком внимательного, можно даже сказать, хищного взгляда.

Он предоставил мне свободу, но кому, как ни мне знать, что свобода эта относительна? И стоит мне попытаться сбежать, меня тут же поймают, и... Вот после этого «и» вообще не хотелось ничего додумывать, ибо чревато для психики. А психику я свою ценю, люблю и временами даже лелею.

– Вы не подумайте ничего такого, – начала издалека, сразу пытаюсь обозначить, что моя роль в сложившейся ситуации совершенно невинна. – Желаний я никаких не загадывала и душу никому не продавала, да что там, я за всю жизнь ни о какой магии и не мечтала. Даже в детстве. Просто однажды я уснула в своей квартире, а проснулась в аудитории полной студентов.

Замолчала. Давая и себе передышку, и молчаливому собеседнику время на переваривание услышанного. А судя по скривившейся физиономии в голове у него кипела нешуточная работа.

– Когда это случилось? – Словно на допросе уточнил господин ректор.

И я вздохнула. Вложив в этот вдох, как можно больше покаяния.

– Помните, профессор Элшар в окно лечебницы залез? – Взгляд начальства потемнел, всего на мгновение, но я заметила, от чего неосознанно обхватила себя руками. – Так вот, в тот день я и очнулась здесь. В этом теле.

– Почему сразу не признались?

Вот ведь... Интересный он человек. Или не совсем человек. Не жил он в нашем продвинутом двадцать первом веке – там ведь столько книг с прямо-таки подробными инструкциями про тех, кто попал в другой мир. Там чёрным по белому написано, что признаваться в своём попаданстве вот так с ходу нельзя – хорошо, если просто убьют, а если пытаться надумают, приняв за вражескую шпионку или за посланницу бездны? Что тогда? А если вспомнить фильмы – с красочными спецэффектами... У-у-у-у... Тут даже закалённый мозг не выдержит, а я так и вовсе от страха разрыв сердца заработаю.

Утрирую, конечно, но лучше так, чем верить в розовых единорогов и всеобщую любовь к переселенцам.

– Почему, почему, – проворчала, пряча взгляд. – А откуда я знала, как вы ко мне отнесётесь? Может взяли бы и выбросили из того самого окна, во избежание, так сказать, всяких неприятностей.

Поджала губы и смело посмотрела на хмурящегося мужчину.

Помолчали. Продуктивно так. Потом меня огорошили вопросом:

– А сейчас почему решились сказать правду? Неужели думаете, что теперь мне что-то помешает выбросить вас из окна? Во избежание, так сказать, нежелательных последствий?

Последним предложением он явно пытался меня задеть. Даже тон голоса спародировал и губы точно так же поджал, ожидая моего ответа.

Я же... Просто-напросто растерялась. Нет, гарантий у меня никаких не появилось, я просто знала, прямо-таки была убеждена, что этот человек со звериной натурой, не обидит меня. Чёрт его знает, откуда эта уверенность взяла, но засела крепко.

– Сейчас, – произнесла и запнулась. – Сейчас решилась, потому что устала, потому что домой хочу, – на этих словах глаза Закари вновь опасно блеснули, и я куда тише добавила: – Потому что здесь всего лишь первый этаж и, падая, я не покалечусь.

Последнее явно не стоило говорить, но уж очень нервы у меня расшатались, так и подбивали на какую-нибудь глупость.

С минуту точно длилась тишина, а потом господин начальник совершенно беспардонно рассмеялся. И не как-нибудь там тихонечно, а по-настоящему, оглашаю всю комнату и наверняка пытаюсь разбудить соседей. Он запрокинул голову к потолку и хохотал без остановки, так

что я даже залюбовалась им – таким искренним и настоящим. Без всякой строгости и игры в великого начальника.

– Действительно, – когда перестал смеяться и отдышался, произнёс миролюбиво, – Первый этаж – весомый аргумент.

И вновь улыбнулся, только улыбка эта быстро погасла, потому что он как-то зловеще, во всяком случае, мне так показалось, пробормотал:

– И что мне теперь с тобой делать?

«Если б я ещё знала...» – Подумалось горестно, но вслух озвучивать собственные мысли не стала. Лишь нервно сцепила руки в замок и принялась ждать вынесение приговора.

– Хорошо, – он резко хлопнул в ладоши, так что я вздрогнула всем телом и непроизвольно бросила быстрый взгляд на дверь – нет, не добегу, на полпути перехватит.

– Не бойся, – поспешил успокоить, и сам же от своих слов поморщился, будто его покоробил тот факт, что приходится не только разгребать то, что узнал, но и утешать пугливую иномерянку. – Будь уверена, я не причиню тебе вреда.

И столь веско прозвучали его слова, что я впилась в него пытливым взглядом. Что-то тут не так... Не должен он реагировать на моё признание так спокойно и тем более не должен уверять хоть в чём-то. А он, мало того, что не выслушал меня, так ещё и пытается придумать решение проблеме.

– Вы что-то знаете о переселенцах? – Вольность в обращении, в отличии от Закари, я не могла себе позволить. Спросила и прищурилась, ожидая ответ.

Мужчина легко пожал плечами и кривовато усмехнулся:

– Сам не сталкивался с подобным, но кое-что слышал.

И это «кое-что» переводилось как: «слышал, слышал, но тебе не расскажу».

– А... – открыла было рот, чтобы попытать счастье, только меня перебили самым наглým образом:

– Елена, – запнулся и исправился, – прошу прощения, Лена! Уже довольно поздно и я хотел бы отдохнуть. Давай вернёмся к этому разговору завтра утром?

Я, мягко говоря, опешила от такого заявления, но... Спорить не стала. Потому что вдруг посмотрела на напряжённые мышцы рук, на выдающуюся мускулатура, на волевой подбородок и на губы. На

последних задержалась, и почувствовала, как горячая волна прокатилась по всему телу, так что мне пришлось с силой впиться ногтями в собственные ладони, лишь бы немного прояснить ум, залитый вязкой карамелью.

– Да, да, – согласилась поспешно и закивала быстро-быстро, будто сама боялась передумать. – Утром будет удобнее, – голос предательски сел и звучал сейчас с вполне различимыми хрипловатыми нотками.

– Да, – не менее севшим голосом подтвердил Закари и, уверена, мне только показалось, тихонечко рыкнул. Прямо как зверь – довольно нетерпеливый.

Из комнаты начальства я вылетела пулей и так же с ускорением добежала до своей комнаты, ни разу не оглянувшись, хотя внутренний чертёнок так и напевал:

«Я оглянулся посмотреть не оглянулась ли она, чтоб посмотреть, не оглянулся ли я...»

Правда у двери я всё же затормозила, и вполоборота посмотрела в сторону квартиры начальства. Дверь, ожидаемо, была закрыта, а вот та, где проживал профессор Элшар показалась слегка приоткрытой. Проверять сей факт не стала и дожидаться очередной порции яда от несостоявшегося любовника – тоже.

Глава 14

О том, что звери тоже люди

Закари Дарвенталь

Дверь за ней давно захлопнулась, а я всё стоял и отсчитывал рваные вдохи и выдохи. Духи Первородные! Этот её взгляд, этот запах, поменявшийся вдруг и заполнивший собой небольшую гостиную... Всё это в одно мгновение едва не лишило меня рассудка.

– Вот же... – выругался сквозь стиснутые зубы и стремительным шагом направился к окнам, чтобы в то же мгновение распахнул две створки настежь. Ночной прохладный воздух, пусть и не сразу, но отрезвил и я безрадостно усмехнулся:

– Что ж, можешь себя поздравить – ты не сошёл с ума. Всё куда проще – эта переселенка действительно твоя пара.

Подоконник как-то сам собой раскрошился щепками под моими ладонями, а потом я сплёл вестника и пробормотал:

– Шон, нужно поговорить. Срочно.

Боюсь, собственными силами со всем произошедшим мне не справиться.

Я так и стоял на одном месте, боясь пошевелиться, потому что зверь бесновался и требовал лишь одного – вернуть сюда Элену. Точнее Лену, ту, что по ошибке заняла место бывшей преподавательницы. Он искренне не понимал, почему я её отпустил и не приблизился, когда она сама того желала.

Разве объяснишь зверю, что взять всё, вот так, нахрапом, чревато последствиями.

Слабый хлопок и неприятный запах гари оказались, как нельзя кстати.

– Зак, что у тебя стряслось? – Заспанный голос друга немного успокоил. Уж если кому и под силу охладить мой пыл, так это ему.

Обернулся. Шон выглядел слегка помятым. Хотя, почему слегка – он выглядел так, будто его тщательно и со вкусом жевали.

– А с тобой-то что? – Удивился не менее искренне.

Друг отмахнулся от вопроса, как от назойливой мухи и, протерев лицо пятернёй, зачистил:

– Нет, ну это на тебя совсем не похоже. Последний раз, когда ты вызывал меня вот так, среди ночи, это едва не стоило мне жизни. Надеюсь, в этот раз обойдёмся без кровопролития?

Шон, тараторя без умолку, медленно приходил в себя – обретал ясность мысли и уже не выглядел таким уставшим и растерянным. Я ему не мешал. Хотя бы у кого-то из нас голова должна работать в правильном направлении. На себя рассчитывать не приходилось, так что...

– Кажется, я нашёл свою пару, – бросил устало и, отлипнув, наконец-то, от окна, упал в кресло.

После произнесённой фразы воцарилась тишина, которую нарушил басовитый смех и шутовское:

– Неужели? Друг, поздравляю от всей души! – И приблизившись на пару шагов, произнёс, – А меня зачем позвал? Сам не справляешься? А я тебе говорил – ты со своей работой скоро забудешь, как по назначению использовать некоторые части тела.

Зря... Ох зря он принялся шутить в своей обычной манере. Зверю, едва успокоившемуся, это не понравилось. Очень.

Не в силах сдержать бурлившую по венам силу, бросился на Шона и с грохотом прижал его к стене. Кажется, с неё слетела картина и увесистый слой штукатурки, но всё это я отмечал лишь краем сознания. Все остальные чувства были сосредоточены лишь на том, кто посмел похабным намёком задеть ЕЁ...

– Спокойнее! – Просипел Шон, цепляясь руками за мои полувзвериные лапы. – Я понял. Всё понял.

Несмотря на жажду крови пришлось его отпустить. И только Луна знает, чего мне это стоило.

– Надо же, – весьма удивлённо с хрипом выдавил друг. – И вправду, пара... Рассказывай.

Рассказать... И с чего бы начать?

Елена Митинкина

Несмотря на убеждённость, что после столь богатого на события дня, уснуть у меня не получится, я провалилась в небытие стоило только коснуться подушки. И снилось мне будто кто-то настойчиво пытается докричаться до меня, но то ли усталость взяла верх, то ли «кричали» слишком тихо.

Правда я всё равно проснулась будто от толчка. И сердце зашлось в испуганном беге. А ещё появилось гадливая, ужасающая уверенность – в комнате я не одна. И ночной посетитель буквально источает аромат опасности.

Я уже собралась закричать, когда на рот мне легла сильная ладонь в противно пахнущих жёстких перчатках:

– Не кричи, Эль, свидетели нам ни к чему.

Этот голос... Пусть я слышала его лишь раз и, возможно, не так хорошо запомнила, но сомнений не было – в комнате находился тот, кто не так давно ждал меня со своей спутницей у северных ворот.

Сердце всего на миг замерло и застучало с утроенной силой, грозясь вовсе проломить грудную клетку.

Что может противопоставить высоченному бугаю хрупкая девчонка? Ничего!

Дёрнулась. Только потому, что не могла просто лежать, прижатая к кровати страшным человеком. Меня придавили сильнее и где-то в области груди запекло от боли.

– Не стоит, милая моя, – в этом «милая моя» было столько надменности и превосходства, что меня замутило. В самом настоящем смысле. – Не думала же ты, что тебе удастся переиграть меня? У нас был уговор...

Мне? Переиграть? Вот уж нет... И уговора у нас никакого не было, во всяком случае, со мной не было. О чём он там договаривался с Эленой я понятия не имею.

Не зажимай он мне рот так сильно, я бы может и донесла до него эти здравые мысли, но возможности мне такой не предоставили.

Спустя мгновение в комнате появился крохотный огонёк, и темнота разбежалась по углам. Лицо, что склонилось надо мной было до отвращения довольным. По губам змеилась тонкая ухмылка, а в глазах плескалось предвкушение.

Если до этого мне было страшно, то сейчас внутренности буквально скрутило от всеобъемлющего ужаса. Я забилась, словно выброшенная на берег рыба, и хватка стала сильнее, так что перед глазами заплясали чёрные мушки от нехватки воздуха.

– Хватит ломаться, Эль. Говори, где шкатулка. Я знаю – ты что-то нарыла!

Из глаз покатались слёзы. Ещё никогда в своей жизни я не чувствовала себя настолько беспомощной. Чужая, едва ли не безграничная власть, лишала связных мыслей. И сил, что без остатка растворялись под натиском паники.

Я замотала головой, прикрыла веки, лишь бы не видеть довольную физиономию. И даже сквозь закрытые глаза увидела яркую вспышку и почему-то приготовилась к боли. Но её не последовало. Потому что откуда-то сбоку раздался грохот, а затем жуткое рычание, которое, по всем законам логики, должно было напугать меня сильнее, но, напротив, успокоило.

Тяжесть чужого тела исчезла. Всего мгновение меня придавливали к кровати и вот теперь я уже свободна. Дышать стало легче.

Открывать глаза было страшно. И пошевелиться – тоже. Вот только после нескольких мгновений душераздирающих ударов и какой-то возни вдруг стало тихо. Абсолютно. Но не успела я проявить любопытство, как кровать прогнулась под чьим-то весом и влажный шершавый язык прошёлся по щеке.

Глаза я тут же открыла. И уставилась на... здорового белого тигра... Самого, что ни на есть, настоящего.

Сердце ухнуло в пятки, и я собралась уже закричать, как этот зверь подался вперёд и вновь облизал моё лицо шершавым языком. Ощущение было... странным. Страх, будто испарился, а ему на смену пришла безграничная уверенность в собственной безопасности.

Не логично, глупо, но с ощущением этим я сделать ничего не могла. Да и с реакцией собственного тела – тоже. Протянула руку и осторожно коснулась мягкой шерсти над самым носом, что вызвало собственную шальную улыбку.

Я должна бояться, совершенно точно должна, только вот ни грамма страха не испытывала. Напротив, какой-то детский восторг накрыл меня с головой. Я пододвинулась ближе к тигру, запустила ладони в длинную шерсть и с наслаждением принялась почёсывать его за ушами и по спине. Кошак замурчал и урчание это было сравнимо разве что с гулом тракторного мотора. Он прикрыл глаза, а через мгновение вовсе упал на бок, млея от моей нехитрой ласки.

За таким занятием меня и застал насмешливый, незнакомый голос:

– Кому сказать – не поверят! – Обернулась, впиваясь взглядом в высоко светловолосого мужчину. На вид ему можно было дать чуть больше тридцати лет, длинные космы лежали на плечах в эдаком творческом беспорядке, да и костюм, хоть и был дорогим, не лишённым вкуса, выглядел несколько неопрятно. Словно собирался мужчина второпях, совсем не заботясь о своём внешнем виде.

Моё пристальное разглядывание совсем не понравилось тигру, и он злобно рыкнул и поднялся, а затем хмуро посмотрел на вошедшего.

– Нет-нет, – незваный гость поднял руки в шутливом жесте, – Я не претендую на чужое.

И столько подтекста прозвучало в последних словах, что я невольно напряглась. А ещё вспомнила, что сижу перед чужим человеком в весьма фривольной ночной сорочке, коих у Элены было не счесть.

Спешно схватилась за одеяло и подтянула его к самому носу. Зверь сразу же понял, что внимание светловолосого мне сейчас вообще ни к чему и рыкнул злее и громче.

Белобрысый отвесил опять же шутовской поклон и попятился назад:

– Ухожу, ухожу. Подожду вас... там.

Под «там» он имел в виду мою гостиную. А когда мы в комнате остались с тигром одни и я подумала уже, что опасаться посягательств на своё брэнное тело не стоит, то зверь спрыгнул с кровати, выгнув спину и за какие-то доли секунды превратился... в Закари.

Вот тебе и бешеный енот, который и не енот вовсе.

Одеяло взлетело к самому носу и меня бросила сначала в жар, потом в холод – это получается, я сейчас собственное начальство столь наглым образом гладила? И он ещё и мурчал? Бр-р-р! Быть этого не может...

Но и это не самое главное, куда важнее было то, что мужчина был голым. Совсем. Вообще. И не смотреть на его наготу было о-о-о-очень сложно! Прямо-таки невозможно. Взгляд то и дело норовил сползти вниз, туда, куда смотреть совсем не стоило.

Заметив мой нешуточный интерес, Закари сорвал с кресла покрывало и прикрыл все самые стратегически важные места, а потом подошёл ко мне и взволнованно заглянул в глаза:

– Ты как? Сильно испугалась?

Такой простой, бесхитростный вопрос отозвался теплом в самом сердце и я, искренне улыбнувшись, призналась:

– Сильно, – взгляд мужчины потемнел, и я поспешила добавить: – Но уже всё хорошо.

Видно, он не очень-то мне поверил, потому что подошёл ближе, и осторожно поднял за подбородок, поворачивая лицо к так и висевшему у окна магическому огоньку. Смотрел он внимательно и при этом я буквально физически ощущала волны злости, что исходили от него.

– Убью, – припечатал и я вздрогнула, а затем позорно пропищала:

– Меня?

Закари непонимающе моргнул пару раз, а потом неожиданно тепло улыбнулся и склонился, чтобы оставить на губах почти невесомое прикосновение. Не поцелуй даже.

– Нет, конечно, а того, кто посмел прикоснуться к тебе.

Нет, мне, конечно, приятна такая забота, но... Не слишком ли это? Не так давно он рычал и злился на меня по поводу и без, а тут кого-то убивать собрался. Неужели всему виной наш вчерашний разговор? Странно... Правда, свои мысли предпочла оставить при себе.

– Пойдём, здесь я тебя не оставлю! – Не успела отойти от первого удивления, меня шокировали во второй раз.

– Эм... в смысле здесь не оставите?

– В смысле, – доходчиво принялись мне объяснять, – Что в моих покоях тебе будет безопаснее. А мне спокойнее...

Последнее он добавил куда тише, но я всё равно расслышала.

Хотелось поспорить, определённо хотелось, но... Как представила ручищи ночного негодяя на своей шее, его искажённое злостью лицо, вопросы, ответы на которые он требовал от меня, и, вздохнув, согласилась:

– Хорошо.

По всей видимости, Закари не ожидал, что я сдамся так быстро, потому что приготовился к долгим объяснениям и откровенным уловкам (это я по лицу его видела), а когда я покорно согласилась он выдохнул медленно и почесал затылок. Растерянно так, будто прежде у него так легко и просто разговоры с девицами не складывались.

– Хорошо, – повторил за мной опять же растерянно и взъерошил волосы от чего мышцы напряглись и... Нет, нет, я не буду смотреть на него, не буду думать о нём. Только не в таком ключе.

Спешно опустила глаза и принялась рассматривать пол рядом с кроватью. Красивый он очень, пол этот, просто глаз не отвести.

– Пойдём тогда? – спросил неуверенно и я, прижав сильнее одеяло к груди, пискнула:

– Может быть, вы дадите мне сначала одеться? – Обычная, в общем-то, просьба в моём положении. Не в вульгарном же пеньюаре мне идти, в самом-то деле.

– Дам, – уголки губ неожиданно дрогнули, как если бы он собирался улыбнуться, – Только сначала перестань обращаться ко мне на «вы».

– А... – хотела возразить, сказать, что мы не настолько близки и вообще, несмотря на вскрывшуюся подмену, я всё ещё его подчинённая, но потом вспомнила и поцелуй в его квартире, и, что смутило куда больше, тисканье здоровенной кошки, коей был господин ректор в иной своей ипостаси. Куда уж ближе-то? В итоге во второй раз согласилась покорно: – Хорошо.

Закари растянул губы в довольной улыбке, только что не заурчал от удовольствия, и вышел из комнаты, оставив меня один на один с... Со всем случившимся. А случилось за эту ночь достаточно. Так что мысли бурлили, перескакивала с одной на другую, металась из стороны в сторону.

Пока выбирала подходящую для ночёвки в чужой квартире одежду, всё пыталась понять – правильно я делаю, согласившись на эдакую защиту, или поступила опрометчиво? Хотя... Как же ещё мне стоило поступить? Упереться рогом, холя собственное упрямство и ожидая очередного нападения? Ну уж нет, лучше большой мохнатый кот, чем ненормальный мужлан, ждущий ответа и зажимающий рот одновременно.

Нужной одежды, так чтобы и удобно, и прилично, особо не нашлось. Примерила юбку и блузу, скривилась, осматривая себя в зеркало, но ничего умнее не придумала.

Из комнаты я вышла, предварительно выглянув за дверь. Из гостиной доносились голоса – один принадлежал смешливому белокрысому незнакомцу, второй, более злой и отрывистый, Закари.

Выдохнув, вышла-таки из спальни и направилась к ним. Чему быть, того не миновать.

Первым меня заметил щёголь. Улыбнулся широко и вполне себе искренне, даже руку протянул и поклонился:

– Грейшон Лингер, – видимо, он решил исправиться и представиться по форме.

Руку я подала в ответ, да только расслышав недовольное рычание от господина ректора, тут же спрятала её за спину.

– Елена Митинкина, – представилась, почему-то, настоящим именем.

Эх, не быть мне авантюристкой. Не могу притворяться с непроницаемым лицом и с лёгкостью примерять чужие роли.

– Да не рычи уж, – отмахнулся от злости Закари мужчина. – Я же сказал, что не претендую.

– Кхм, – откашлялась, так, для порядка. – А на что вы не претендуете?

Не нравится мне, когда говорят вроде про меня, а делают вид, что и не про меня вовсе.

– Я? – Неискренне удивился Грейшон. Замялся, бросил быстрый взгляд на Закари и когда тот отрицательно покачал головой, принялся выкручиваться: – Так не на что не претендую.

Угу... Ни на что. Вот это интересно.

Но тему развить мне не дали.

– Лена, пойдём, – за какие-то пару шагов ректор пересёк комнату и подхватил меня под руку. – Нам ещё нужно поговорить.

Так мы и вышли довольно необычной процессией – я в тисках Закари, и, замыкая шествие, белобрысый с хитрой улыбкой, которую он не особо-то и скрывал.

А вот в квартире начальства меня усадили в глубокое кресло и заставили рассказать всё, что я знала. Я и рассказала. Мне что, сложно что ли? К тому же, что не говори, а приятно, когда твои беды и проблемы взваливает на себя кто-то другой.

– Елена что-то для них искала, – подвёл итог Закари. – Не знаешь, что именно?

Я замешкалась всего на мгновение, но потом со вздохом всё же произнесла.

– Точно не знаю, но подозреваю, что... – посмотрела с сомнением на Шона, как его называл ректор, потом на самого Закари и с трудом выдавила, потому что в груди жгло от ощущения, что я что-то делаю

не так. – Мне кажется, они ищут шкатулку. Я видела её в книге у Риши, она её назвала «дары богини Зииты». Как-то так вроде.

Замолчала и от напряжения даже губу прикусила.

Мужчины тоже молча переваривали. Ну как, переваривали. Они пребывали в шоке. Сначала переглянулись между собой, многозначительно так, потом замолчали, думая каждый о чём-то своём. Меня же посвящать в свои мысли никто не спешил, а я не очень-то и просила.

Правда спустя минут пять гробовой тишины, Шон всё же изрёк:

– Вот так засада.

И Закари согласился с ним:

– И не говори.

И опять молчок. Я не выдержала:

– А меня никто не хочет посвятить в эту тайну? – Буркнула, немного обиженно и... самым позорным образом зевнула во весь рот. Естественно, вопрос не произвёл должного эффекта. Закари лишь хмуро посмотрел на друга и произнёс:

– Её нужно уложить спать, остальное обсудим потом.

Ну вот, опять говорят так, будто меня здесь вовсе нет. Я уже хотела возмутиться, как господин ректор подошёл совсем близко, посмотрел прямо в глаза и коротко приказал:

– Спи.

И... Я самым бессовестным образом уснула. Вот прямо так – сидела с открытыми глазами, а через секунду уже видела сладкие сны.

Глава 15

О том, что излишняя опека может раздражать

Просыпалась я тяжело. Будто пробиралась через непроходимые дебри, или пыталась выплыть из глубины, но что-то с неминуемой силой тянуло вниз. И я ненадолго сдавалась, чтобы потом начать вновь сопротивляться.

Кажется, длилась эта борьба бесконечно, но всё равно и этому мучению пришёл конец.

Сначала я услышала неясное «бу-бу-бу», потом это «бу» приобрело вполне себе чёткое произношение:

– Господин ректор! Это возмутительно! Никакой ответственности, она вновь пропустила лекцию! Вам не кажется, что пора бы с этим что-то сделать? – Голос мисс Глэйзы сложно было не узнать, а ещё сложнее не догадаться, кого она столь красочно распекает.

Я подскочила на кровати, путаясь в одеяле и мужской рубашке, которая красовалась на мне вместо блузы и юбки. Чудом не свалилась на пол и с трудом устояла на ногах, когда-таки смогла на них встать. Ощущение, что я полночи барахталась в мутной болотной жиже отнюдь не покинуло, а лёгкое головокружение и дурнота так и вовсе убедили в том, что я ничуть не ошибаюсь. И виной тому пресловутое «спи» от господина ректора. И после этого он будет просить меня обращаться к нему на «ты», да ещё и называть Закари? Ну да, ну да. Бегу и падаю.

Из спальни я вышла чуть покачиваясь, но злая, до невозможности. И побрела прямо на звуки голоса – злого, но столь спокойного, что злость пугала куда больше, как если бы он кричал на манер вредной надзирательницы.

– Мисс Глэйза, сдаётся мне, что не вам учить меня управлять академией и всеми её преподавателями. Или вы так не думаете?

Тётка поняла, что несколько перегнула палку, но отступить, несмотря на робость, появившуюся в голосе, не спешила:

– Простите, господин ректор. Я несколько неправильно выразилась. Я только хотела сказать, что мисс Елена вновь не явилась на лекцию, а первокурсники вели себя настолько вызывающе, что сорвали лекцию профессора Армала, который принимал зачёт в соседней аудитории!

На последних словах голос её вновь взвился высоко от злости. Она замолчала, а тоненькое эхо всё ещё звучало.

– Мисс Елена заболела, – хлётко бросил начальник. – В ближайшие пару недель её не будет.

– Но почему она не поставила меня в известность? – Продолжила упорствовать дама.

– Достаточно того, что она поставила в известность меня, – сказал, как отрезал и Глэйза буквально захлебнулась собственным возмущением – было слышно, что она глубоко вздохнула и весьма шумно выдохнула, так больше ничего и не сказав.

– Идите, – припечатал Закари и... захлопнул дверь. Подозреваю, что перед самым носом растерянной преподавательницы. Будь у меня возможность, я бы с удовольствием посмотрела на её физиономию в этот момент, но компрометировать себя, появляясь из спальни ректора, я посчитала лишним. Потому пришлось лишь представлять себе, как оно было на самом деле.

Прикрытая дверь, что вела из гостиной в небольшой коридор, соединяющий его со спальней, резко распахнулась, являя мне господина ректора во всей красе – одетого с иголки и возмутительно бодрого, в отличие от меня. Посмотрев в глаза, он несколько дёргано улыбнулся, с трудом пытаясь удержать этот самый взгляд на месте, а не рассматривать мои прелести, весьма ненадёжно прикрытые его же рубашкой.

– Лена, ты уже проснулась? – Удивился не очень-то убедительно и пока не успел сказать ещё что-то, я сурово нахмурилась и ткнула пальцем ему в грудь, обозначив степень своей серьёзности:

– Больше! Никогда! Не смейте меня усыплять!

Я специально подчеркнула своё обращение, благополучно забыв о собственном обещании. А вторую руку согнула, уперев в бок. Вот так, я зла, возмущена, и вообще не очень-то хорошо себя чувствую, так что ещё больше злить меня опасно.

Брови ректора поползли вверх, потом он посмотрел на палец, приставленный к своей груди и только после этого многозначительно хмыкнул.

– Хорошо, – согласился легко, сверкнув белозубой улыбкой.

«Хорошо»? Вот так просто? А я уже приготовилась выговорить ему много всего «ласкового» и вообще подробно объяснить, что так поступать не очень-то вежливо, тем более со мной – я же в магии ничего не понимаю и защитить себя никак не могу.

Собственно, в этот момент я поняла, что чувствовал он, когда я вот так же быстро соглашалась с его претензиями. А ему, как и мне, видимо, хотелось в те моменты, как следует поругаться. Вот и я остановиться никак не могла, потому что злость, скопившаяся комком в груди, немедленно требовала выхода:

– Да, это неприлично и очень обидно, – получилось как-то жалко, но я ко всему прочему ещё и добавила: – И вообще, меня теперь мутит от вашей магии, и голова кружится.

Последнее вовсе было откровенным нытьём. Но, как ни странно, именно это стало толчком для всё ещё улыбающегося ректора. Улыбаться он резко перестал, обхватил ладонями моё лицо и, внимательно всматриваясь в глаза, спросил:

– Плохо? Голова кружится? – Дальше последовало вообще непонятное – меня тут же подхватили на руки, и размашистым шагом направились в спальню, при этом бережно прижимая к груди.

Мне же стало неловко. По-настоящему. Почувствовала, как по лицу расплзается обжигающий румянец, а в груди растёт неловкость. Что-то подозрительно похожее на ожившую мечту... Нет-нет, не хватало ещё из-за этого беспокойства записать Закари в объект собственной симпатии и воздыхания. Ничем-то хорошим это для меня не закончится. Никогда не заканчивалось, и сейчас исключением не станет.

Меня бережно опустили на кровать, заботливо укрыли одеялом, и коротко пояснили:

– Я сейчас.

Потом начальник щёлкнул пальцами и испарился в воздухе, чтобы буквально через секунду появиться вновь. Правда теперь уже с какой-то флягой в руках.

Эту самую флягу подали мне и заставили сделать несколько глотков. Обжигающая жидкость прокалилась в желудок и едва не заставила задохнуться, а уже мгновение спустя жжение прекратилось и ему на смену пришло приятное тепло. И дурнота, вместе с незначительным головокружением испарились, словно их и не было.

– Легче? – Спросил с такой заботой, что что с меня вся злость слетела.

Довольно кивнула, а потом встрепенулась и попросила:

– Но усыплять всё равно больше не надо.

Закари улыбнулся краешком губ и с облегчением выдохнул. Чтобы тут же пообещать:

– Не буду.

Вот и замечательно. Вот и хорошо.

Лежала я так минут пять, потом вспомнила о не менее важном:

– А кто, собственно, меня переодел?

Господин ректор быстро отвернулся, потом повернулся и я впервые за всю свою жизнь узрела, как взрослый мужчина смущён и... возбуждён одновременно. На щеках появился лёгкий румянец, а в глазах полыхнул обжигающий огонь. Да такой силы, что меня тут же бросила в жар...

– Я... – бросил и замолчал, многозначительно так. Я даже не нашлась, что сказать. Он. Ясен пень, что не друг его. Судя по тому, как он рычал на Шона, вряд ли бы он «доверил» ему столь ответственное задание.

Но должна признать, что лежать в блузе и юбке было бы не слишком удобно, а если к этому прибавить мутную муть от твёрдого «спи», то... Я должна быть благодарна. Только поэтому я и сказала:

– Спасибо.

Ректор удивлённо икнул, но тему развивать не стал, что меня порадовало.

– Нам нужно позавтракать и кое-куда съездить. Ты не против?

Я? Ни сколько. О чём сразу и оповестила его. Раз уж Закари взялся решать мои проблемы, то я препятствовать не стану.

Завтрак прошёл без особых событий, если не считать слишком красноречивых взглядов ректора, от которых кусок в горло лез с большим трудом.

В конечном счёте я кое-как впихнула в себя кашу, обожгла небо чаем, и плюнув на всё, ушла одеваться, пока Закари делал вид, что не имеет к моему смятению никакого отношения.

А смятение имелось и немалое. И вообще, я не могла понять чувств, что накатывали на меня, словно волны морские, задевали какие-то первобытные инстинкты. Не сказала бы, что любовный опыт у меня был такой уж богатый, но я вполне способна отличить кишечное расстройство от пресловутых бабочек в животе и банального вожделения. Но с чего бы бабочки вдруг проснулись после вековой спячки? Нет, конечно, Закари мужчина видный и вообще, красивый, надёжный, заботливый... А смотрит на меня как... На руках носит... А...

«Так, Лена, соберись! Ты чего это растеклась лужицей?» – внутренний голос мириться с моими розовыми мечтами не желал, и правильно делал.

В итоге я собралась. И в прямом, и в переносном смысле. Вышла к ожидавшему меня начальнику во всеоружии – одетая прилично, с собранными в строгую причёску волосами, с невозмутимым выражением лица. Впрочем, последнее не берусь утверждать. Лицо оно такое, может и возмутиться, когда я того не желаю.

Словом, я была готова к новым потрясениям, которые, очень надеюсь, не надумают случиться.

Закари окинул меня придирчивым взглядом, заметно скрипнул зубами, будто я не в юбке до пят и закрытой блузе была, а в платье, едва прикрывающем тылы. Но сказать ничего не сказал, и я свои ядовитые замечания тоже решила оставить при себе. Чувствую, они мне ещё пригодятся.

Я ожидала, что мы выйдем из комнаты, как нормальные люди, но вместо этого недовольное начальство шагнуло ко мне и коротко приказало:

– Обхвати меня руками за шею, – и такой командный тон у него был, что послушаться я даже не решилась. Обхватила шею, и замерла, боясь сделать лишний вдох. А Закари решил добить меня, не иначе: – Закрой глаза и ничего не бойся.

Это он сказал уже тихо, с характерной хрипотцой в голосе, так что невозмутимость мою, как ветром сдуло. И бабочки вновь активизировались. У-у-у, окаянные, и чего им дальше не спалось?

Впрочем, несмотря на творившуюся внутри вакханалию, глаза я послушно закрыла и дыхание затаила, так, на всякий случай. А вот по поводу «не бойся» исполнить у меня не очень-то получилось. Сердце застучало часто-часто, ладони вспотели и богатое воображение начало вырисовывать... Да всякую ерунду начало, ей-богу.

Секунда, другая, судорожный вздох в исполнении Закари и мой, вторящий ему, а потом произошло... это. Мир покачнулся, и мы полетели куда-то вниз, вопреки тому, что я всё ещё чувствовала под ногами твёрдую почву. Хотела закричать, да что там, завизжать, но мне не дали:

– Всё хорошо, – прошептал успокаивающе крепко державший меня мужчина. А потом нежно коснулся губ в поцелуе.

Это было... Как в сказке. Честное слово. Ярко, волнующе, и... необходимо? Да, именно так. Я почувствовала, что этот поцелуй мне необходим, едва ли не жизненно важен. И я потянулась за ним, позволила эмоциям взять верх.

Но падение прекратилось так же резко, как и началось. Р-р-раз и всё! И поцелуй, вместе с острой необходимостью прекратились тоже.

Закари дышал часто, будто за время падения успел пробежать стометровку, а я... Я пребывала в растерянности, даже глаза не сразу открыла, потому совершенно не понимала всего, что со мной твориться. Может дело и не во мне вовсе, а в том, что тело чужое? Но если тогда, на лекции, я чувствовала чужое присутствие, то сейчас всё было иначе – желание всецело принадлежало мне, как и эмоции.

– Друг мой, я, конечно, всё понимаю, но... – насмешливый голос Шона вывел меня из оцепенения. Резво отпрянула от господина ректора, при этом открывая глаза, и покачнулась, потому что мир, отчего-то, вращался на манер карусели.

Упасть мне не дали, подхватили под локоток и настойчиво прижали к себе, недвусмысленно давая понять, что вырваться даже не стоит.

Хорошо, мне и так не плохо.

Когда головокружение закончилось, я смогла рассмотреть, где мы оказались – небольшой кабинет, обставленный дорогой мебелью, и

увешанный-застеленный дорогими коврами. Такое ощущение, что я в дворцовый музей попала, какой-то вычурной эпохи, где все эти фильдеперсы были весьма популярны.

Позолота... Нет! Много позолоты. Потолок, напоминающий звёздное небо, и, если присмотреться, то звёзды эти будто бы двигались и легонько мерцали. Шкафы с выгнутыми боками и стеклом, словно сотканным из морозного инея – с такой же вязью рисунков, тонкой работы. Стол, где у каждого предмета имелось своё место – не чета Гришиным апартаментам, где стол больше напоминал склад забытых вещей, нежели рабочее место клерка небесной канцелярии.

Пока я глазела по сторонам, меня никто не трогал, давали время привыкнуть к эдакому богатству, не иначе. А когда я, наконец-то, посмотрела на всё ещё усмехающегося Шона, то услышала весьма заманчивое:

– Мне удалось кое-что узнать. И про Григория Небосводова, вашего пропавшего клерка, и про шкатулку.

Упомянув о последнем, он нарвался на откровенное рычание Закари. На что тут же ответил:

– Не рычи, друг мой, рано или поздно, ей всё равно придётся рассказать.

Только за эти слова мне захотелось расцеловать Шона, но порыв я сдержала, помня о злом, рычащем начальнике.

– Может быть, вам предложить чаю? – Проявил галантность мужчина, откровенно не замечая собственнических жестов Закари. А меня эта гиперопека стала очень уж напрягать. Я понимаю, ректор пытается мне помочь, но зачем же так рьяно?

Настойчиво отодвинулась от прижимающего меня мужчины и опустила на кресло, что стояло немного поодаль.

– Я не голодна, спасибо, – отмахнулась от предложения. – Лучше расскажите, что узнали.

Шон усмехнулся, Закари шумно выдохнул. На последнего не стала обращать внимания. Не хочется мне сейчас выяснять отношения, да и... Нет у меня прав устраивать скандал, не в том положении я нахожусь.

– Ваш Гриша, – начал он, а я тут же проворчала.

– Он вовсе не мой.

– Хорошо, хорошо, – поднял руки в примирительном жесте. – Словом, Григорий Небосводов действительно трудиться в небесной канцелярии. Занимается распределением иномирцев и тому подобным. Не так давно он внезапно исчез с рабочего места и о его нахождении сейчас ничего не известно.

О, как... Сбежал? Странно, я об этом дедушке была совсем другого мнения. Хотя... чего это я ждала?

– Правда не всё так просто с его исчезновением. Последний раз его видели в архиве, он искал информацию о некоем Громхельме. Большого, к сожалению, мне узнать не удалось.

Хм... а это уже интересно. Значит он, всё-таки, не сбежал? А действительно отправился искать этого Грома, чтобы всё исправить?

– Со шкатулкой оказалось куда сложнее, – Шон замер на месте и устремил взгляд в распахнутое окно. К слову, оттуда не было слышно ни звука, да что там звук, ветерка и того не было. Необычно, однако. – Информацией о небесной канцелярии они делились куда охотнее, чем о ней.

– Кто – они? – Не смогла удержаться от вопроса. Хотя, когда задала его, уже знала – ответа я не получу.

– Э-э-э... – мужчина не сразу придумал, что ответить. – Это уже не важно, – выкрутился. – Важнее то, что шкатулка эта давно утеряна. Ну, как давно... Лет сто о ней точно ничего не известно.

Если для них сто лет не такой уж и большой срок, то мне даже страшно спросить, сколько они в среднем живут.

– И что же тут интересного, если она просто утеряна? – Недовольно уточнил Закари. И я, в общем-то, была с ним согласна. Как эта информация может помочь узнать, почему Елена искала именно её?

Шон же расплылся в лукавой улыбке:

– Как что? То, что они мне солгали.

В этот момент он выглядел едва ли не победителем олимпийских игр – сиял как медаль, начищенная до блеска.

– Шон, ты порой невыносим, – со вздохом признался господин ректор и всё же не выдержал, подошёл к моему креслу и встал рядом, как верный страж. Меня и раздражало его желание постоянно заботиться обо мне и... странным образом успокаивало. Противоречивые чувства, однако.

– Да ладно, – панибратски отмахнулся его друг, и хвастливо добавил: – Ведь именно за это ты меня и любишь.

Закари фыркнул в ответ, но разубеждать хвастуна не стал.

И только я ничего не поняла из этой почти «любовной» перепалки:

– Подождите, а можно чуть подробнее для тех, кто совсем не в курсе?

Шон белозубо усмехнулся и подошёл к столу, взял с него какой-то каменный шар и повертел его в руках:

– Видите ли, лгать ищейке, это всё равно что выйти нагишом на свирепого... тигра.

На последнем слове он хитро посмотрел на Закари и подмигнул.

Определённо, эти двое выглядели, как супруги, давно живущие в браке.

– Так зачем же они тогда соврали? – Произносить таинственное «они» получалось лишь с ехидством. Ничего не могла с собой поделать. Уж больно глупо говорить о ком-то абстрактном с великим почтением.

– Чтобы не нарушить приказ и тем не менее дать мне зацепку, – с бахвальством, достойным пятилетнего ребёнка, произнёс Шон.

Хм... Ясно. Что ничего не ясно.

Ладно, чую, более вразумительного объяснения мне никто не даст.

– И что в итоге мы имеем? – Взял инициативу в свои руки, молчавший до этого господин ректор. – Ты сказал, что узнал много, но...

Он многозначительно замолчал, и я осторожно кивнула, соглашаясь с ним. Шкатулка там, непонятно где, как и Гриша. Загадочные «они» солгали для того, чтобы ложь эту раскусили. У них всё так устроено, чтобы ничего невозможно было понять?

– Ну извини, всё, что смог, – насупился мужчина, разве что губы не надул.

– Ладно, – со вздохом сдался Закари. – Разберёмся.

И так убеждённо это прозвучало, что я подняла голову, чтобы встретиться с его взглядом. Только тут же вздрогнула от того какой голод сиял в его глазах. Обжигающий, неутомимый, настоящий...

Быстро отвернулась, сделав вид, что пузатый шкаф меня интересуется куда больше всех этих великих тайн.

– У тебя всё? – Со странной хрипотцой в голосе произнёс Закари, и я помимо воли вздрогнула, что, больше, чем уверена, не ускользнуло от его взгляда.

– Всё, – немного насмешливо ответил Шон, и издевательски добавил: – Смотри, не переусердствуй.

Ох уж этот намёк... У меня лицо вмиг обдало волной жара, которая сбила дыхание и заставила сильнее сжать руки в кулаки, пытаюсь побороть ни к месту проснувшуюся чувствительность.

– Не твоё дело, – прорычал господин начальник, вконец растеряв былое благодушие.

Потом мне подали руки, и я не посмела возмутиться, да и не очень-то хотелось оставаться под насмешливым взглядом великолепной «ищейки», чтобы это звание ни значило.

Обратный путь уже не был таким пугающим. Но я всё же зажмурилась, вцепившись в шею ректора и стараясь не думать, что, прижимаясь вот так тесно к его телу, мне хочется... продолжения.

Пф! Лена, очнись, этого тебе сейчас только и не хватает!

«Не хватает!» – многозначительно произнёс внутренний голос, и я едва не задохнулась от жарких картиной, что в одно мгновение пронеслись перед глазами.

– Уже можешь открыть глаза, – хриплый голос Закари вернул меня на грешную землю. Но возвращаться, отчего-то, не очень-то хотелось. Хотелось ещё мгновение постоять вот так, рядом, впитывая терпкий мужской запах и чувствуя горячие ладони на спине, что обжигали даже сквозь ткань.

– А если я не хочу? – Прошептала сущую глупость, но почему-то вместо смущения почувствовала шкодливую радость от того, что хожу по грани. Никогда не замечала за собой тягу к экстремальным приключениям. Собственно, этот мир показал, что я слишком многого о себе не знала.

– Тогда не нужно... – едва слышно произнёс Закари и прикоснулся губами к моим губам.

Приятно... Настолько приятно, что мне захотелось замурлыкать, на манер его второй, как это правильно сказать – ипостаси? Словом, я почувствовала себя большой кошкой.

Нежность сменилась обжигающей страстью. Одно дыхание на двоих и желание прильнуть ещё ближе, стать одним целом. Мои

собственные ощущения испугали настолько, что я с трудом оторвалась от столь манящих губ, распахнула глаза, затуманенные белесой пеленой, и едва не задыхаясь, спросила:

– Почему меня так тянет к... тебе? – Всё ещё непривычно было обращаться к нему на «ты», но после всего, что было между нами, «выкаты» явно не имело смысла.

Закари рыкнул, недовольно. Он явно не был настроен сейчас разговаривать. Да что там, прояви он сейчас настойчивость, и я бы о разговорах и думать забыла, но, стоит отдать ему должное – он взял под контроль свои чувства и даже отступил на шаг.

– Потому что я хорош собой? – Спустя слишком большую паузу, он попытался пошутить, на что получил лишь мой скептический взгляд и не менее скептическое:

– Это – бесспорно, но я же чувствую, что дело не только в этом.

Мужчина скривился, словно от зубной боли, и тряхнул головой, всё ещё пытаюсь разогнать морок вожделения. Вдохнул глубоко, будто готовясь к прыжку в воду и... ничего не успел сказать, потому что в дверь квартиры затарабанили с такой силой, что ещё немного и выломали бы хлипкую преграду. А вслед за стуком послышался истеричный голос профессора Элшара:

– Господин ректор! Господин ректор, беда! Старшекурсники... опять... – он задыхался и волнение его было неподдельным.

Глава 16

О чудовищах и студентах

Не знаю, как я оказалась у двери быстрее проворного Закари, но факт остаётся фактом – нос к носу с Элшаром столкнулась я, а не тот, кого он так упорно звал.

Мужчина на секунду, кажется, вообще забыл зачем явился к начальству – выпучил глаза, и замер, даже дыхание задержал. И смотрел на меня так, будто увидел ожившего мертвеца (если эдакая невидаль для них является чем-то удивительным). Потом взгляд его потемнел, окрасился алой злостью.

– Что стряслось? – В реальность его вернул голос Закари – слишком требовательный, чтобы подчинённый удумал закатывать ревнивый скандал, вместо отчёта о случившейся беде.

– Старшекурсники опять купол не поставили, и границу прорвало, они не удержат, – Элшар говорил без прежней истерики, сухо, отрывисто, будто судьба студентов вдруг стала ему совершенно безразличной.

Закари же, напротив, ругнулся витиевато, и рванул на выход. А я... Я за ним.

– Я с тобой! – Посчитала нужным поставить его в известность.

На меня посмотрели... Выразительно так, что даже решимость моя дрогнула, правда всего на секунду. Потому что в следующую я выпалила, не дав мужчине вставить своё веское слово:

– И даже не проси меня остаться!

Это уже был ультиматум. Насколько он возможен в случае противостояния Моськи и Слона. Но, как ни странно, меня восприняли всерьёз.

– Хорошо, – процедил Закари сквозь зубы и строго велел: – Только не отходи от меня ни на шаг!

И столь выразительно посмотрел на меня, что я не нашла ничего лучше, чем согласно закивать в ответ.

Кажется, его это не очень-то удовлетворило, потому что господин начальник бесцеремонно схватил меня за руку и потащил за собой. И всё это под ошалевший взгляд профессора Элшара.

«Всё, прощай репутация!» – в киношном стиле стала бы убиваться я, если бы не вспомнила когда-то сказанное Гришей: «А чего переживать? Тело-то не твоё, как и репутация».

Вот вернётся Елена и будет ей счастье – море сплетен, ревность одного не в меру любвеобильного профессора и собственные угрызения совести. В наличии последних я сильно сомневалась, но... Сомнения эти ушли на задний план, стоило нам выйти из здания.

Из-за деревьев было видно алое зарево. Такое бывает во время пожаров – кровавое, опасное, при виде которого сердце сжимается от страха.

Закари тоже его видел, а потому прибавил шагу, так что мне пришлось буквально бежать за ним. Вприпрыжку.

Мы миновали довольно просторный двор и оказались у длинного, как два футбольных поля, полигона. Того самого, где ребята проводили практические занятия.

Сейчас же то, что там творилось меньше всего походило на занятия. Скорее уж на бойню с множеством спецэффектов и душераздирающими криками.

Месиво из мельтешащих студентов в чёрной форме, каких-то грязно-зелёных сгустков и пыли, что поднималась сизым облаком от самой земли. Понять, где есть кто и кого нужно спасать было сложно, но Закари сориентировался довольно быстро.

Отпустил мою руку, строго произнёс:

– Стой здесь! – И бросился в самую гущу событий.

Я честно даже не думала о том, чтобы броситься за ним. Только от напряжения впила ногти в ладони, пытаюсь рассмотреть хоть что-то за столбом пыли. Правда решимости моей хватило совсем ненадолго – где-то слева кто-то закричал, пронзительно так, и незнакомая мне девушка свалилась к моим ногам, словно мешок с картошкой. Упала, раскинула руки и уставилась обезумившим взглядом куда-то в вышину.

Разве могла я остаться в стороне? Нет, конечно! И совсем не важно, что ничего-то о магии я не знаю, и ничем-то особенным в этом мире похвалиться не могу. Разве это так уж необходимо, когда ты хочешь помочь человеку?

Я бросилась к девушке, упала перед ней на колени, и зачастила:

– Где болит? Чем тебе помочь?

Затуманенный взгляд студентки с трудом сфокусировался на мне, потом она вновь посмотрела куда-то в небо и слабо, на грани слышимости прошептала:

– Уходите!

Ещё никто не отказывался от моей помощи вот так бесцеремонно, но вспыхнувшая было обида прошла быстро – я-таки догадалась проследить за её взглядом. Вовремя. В вышине, за столбом пыли и мечущихся сгустков, был виден силуэт. Едва различимый, но оттого не менее опасный. Огромное туловище и расползшиеся в разные стороны щупальцы. Будто заметив мой взгляд, чудище, а иначе это нечто я назвать не могу, замерло, и стало спешно приближаться. Очертания с каждой секундой становилось всё чётче и чётче, на что девушка хрипло выкрикнула:

– Уходите!

Я же смотрела на происходящее, словно под гипнозом. Не могла двинуться с места, не могла открыть рот, чтобы закричать. А в конце и вовсе не придумала ничего лучше, чем выставить вперёд одну руку, зажмуриться, а тело развернуть так, чтобы прикрыть собой беспомощную студентку.

И звуки до того оглушающие, вдруг стихли. Будто замерли. Словно весь происходящий ужас мне только привиделся.

По телу же заструилось тепло – не обжигающее, а совершенно иное, приятное, родное, будто бы давно утерянное, и вновь обретённое. И так хорошо мне стало, что вопреки всему я вдохнула глубже и с наслаждением улыбнулась.

А потом вернулись звуки. Сначала голову едва не разорвало от визга, и я была уверена, что визжало это чудовище, потом от крика, который я узнаю среди тысячи тысяч – кричал Закари, и хоть слов было не разобрать, я знала, что ругает он меня. Весьма витиевато, со вкусом, так сказать.

Но страха не было, и боли тоже. Хотя она-то должна была присутствовать точно, потому что это нечто неслось на меня явно не с желанием просто поздороваться. Что было странным. Слишком странным, чтобы быть правдой.

Зажмуренные глаза всё же открыла. Правда осторожно, по одному.

Сначала я увидела золотой купол, только потом поняла, что сияние его идёт прямо от моей ладони. Оно растекается, мягко

струиться и закрывает собой не только меня, но и девушку, которая смотрела на происходящее широко раскрытыми глазами.

Посмотрела вверх. Чудовище не прекращало визжать, при этом оно группировалось. Щупальца стягивались к телу, оплетали его, превращая в огромный шар.

Потом с нескольких сторон к нему устремились сиреневые сгустки и... Чудовище сгнуло, а вокруг вновь наступила тишина. Теперь уже настоящая.

Руку я опустила и купол сразу же пропал, а вот девушка, ошарашенная происходящим не меньше меня, сдавленно прошептала:
– Спасибо!

Я бы ответила ей, обязательно ответила, вот только на меня налетел ураган по имени – разъярённый господин начальник.

Меня вздёрнули с земли, встряхнули так, что я едва не откусила себе язык, и прошипели прямо в лицо:

– Ты с ума сошла?! Я что тебе сказал? Что? – После каждого вопроса меня встряхивали, как тряпичную куклу. И, мне кажется, дай ему волю, он бы и дальше продолжал так делать, если бы я совершенно спокойно, несмотря на бушующий внутри ураган, не попросила:

– Успокойтесь, господин ректор и поставьте меня на место! – Никогда и ни с кем я не разговаривала так... уверенно? Пожалуй, но и это слово не в полной мере передавало то, что я ощущала.

Правда, куда удивительнее реакция Закари на мой выпад. Он перестал меня трясти, что уже хорошо, а потом и вовсе поставил на место, даже юбку поправил, разгладив на подоле образовавшиеся складки. Со стороны это наверняка, выглядело из рук вон вызывающе, но... Мне было приятно, что мою просьбу, или вовсе приказ, выполнили так быстро. Даже голос повышать не пришлось.

Затянувшуюся паузу прервал знакомый голос:

– Ну вы даёте, мисс Элена! – Лесси стоял в толпе студентов. Его светлые волосы с трудом можно было назвать светлыми. Да и на одежде не осталось живого места. Всё лицо перепачкано грязью, а из разбитой губы сочилась кровь.

Здесь господин начальник, наконец-то, вспомнил о своих прямых обязанностях. Резко развернулся и как закричал:

– Кто это устроил? Кто? Я вас спрашиваю! – Четверо уже знакомых ребят и столько же мне неизвестных понурили головы, а слово взял... Конечно же Лесси. Видимо потому, что из всей компании язык у него был самый подвешенный.

– Мы, это, господин ректор, мы не специально, мы хотели...

Договорить ему не дали – разъярённое начальство не желало слушать оправданий:

– Не специально? Да вы понимаете, что натворили? – Голос Закари набирал обороты. – Ещё бы мгновение, одно, мать вашу, мгновение, и я бы смог вернуть вас родителям только по частям. И то не факт.

Он бы продолжил их отчитывать, честное слово, продолжил, но тут так и лежавшая на земле девушка глухо застонала и выгнулась дугой. Её миниатюрное тело в порванной в лохмотья форме дёргалось так, будто ею управлял кукловод. Из широко распахнутых глаз заструились кровавые слёзы, а в уголках рта появилась белесая пена.

Первым перед ней на колени упал профессор Элшар. От напыщенности и неуверенности не осталось и следа. Он ловко перехватил студентку, не позволяя той выгнуться ещё сильнее, а свободной рукой принялся плести какое-то заклинание. При том на перемазанном лице не дрогнул ни один мускул, и в глазах помимо сосредоточенности не было ни капли страха.

Девушка всё билась в припадке, на помощь профессору пришёл Закари. Опустился тут же, придержал голову, не позволяя той запрокинуться. Через минуту, что длилась слишком долго, будто целую вечность, откуда-то из области груди появился чёрный туман, в центре которого билось пульсирующее... сердце.

Закари не стал медлить – взмахнул свободной рукой и туман рассеялся, растаял, оставив после себя лишь неприятный гниловатый запах.

Вся группа студентов с облегчением выдохнула, а ректор напомнил:

– Через четверть часа всех жду в моём кабинете.

И ведь не отвертись. Никак. Сами виноваты, экспериментаторы фиговы.

Меня лишь удостоили взглядом, в котором читался и немой упрёк, и прямой приказ следовать за ним прямо сейчас. Без промедления.

Профессор Элшар взял на себя миссию отнести девушку к целителю. Правда на меня он демонстративно не обращал внимания. Будто меня вовсе не существовало. И если он думал, что тем самым расстроит меня, то... Прогодал. Нет, будь на моём месте настоящая Елена, может быть она бы и расстроилась, а так... Меня эти любовные разборки совсем, совсем не интересуют.

В кабинете ректора мы оказались слишком быстро. Дороги я совсем не заметила. А всё потому, что пребывала в собственных мыслях. Ведь мне было о чём подумать.

Что за купол? Откуда он появился? И почему для его исполнения мне не пришлось плести заклинание? И почему такое чувство... Будто я обрела что-то очень важное, давно потерянное?

Дверь за моей спиной закрылась и меня буквально припечатали к стене, прижав к ней мощным телом:

– Лена, о чём ты вообще думала? – Теперь Закари не кричал, но торопился донести до меня свои мысли, будто боялся, что я его вновь перебью. – Ты же ничего не понимаешь в магии, ты не знаешь, как защищать себя, а уж тем более, как защищать других. Ты...

– Но у меня ведь получилось, – я всё же его перебила, не испытывая при этом ни малейших угрызений совести.

– Получилось, – выдохнул сквозь зубы и зажмурился, пытаюсь спрятать от меня свой взгляд, в котором я успела заметить животный страх. И страх этот был... за меня. – Но ты не была в этом уверена. А если бы не получилось?

– И что я, по-твоему, должна была позволить убить эту девушку? – Интересный он, в самом деле. Не знаю я ничего, ничего не умею. Какая разница? Я должна была сделать хоть что-то. Это же очевидно!

– Не должна, – повинулся он, но тут же добавил, – Ведь ты могла позвать меня!

Да-да...

– И ты бы услышал? – Сарказм в моём голосе можно было хлебать ложками. – В таком-то шуме? Не смешно.

– Услышал, – бросил слишком веско, чтобы это было простой бравадой.

Набрала в грудь воздуха, чтобы сказать что-нибудь эдакое, но промолчала. Почему? Сама не знаю. Просто поняла, что он не лжёт, и

что он в самом деле услышал бы, и что пришёл, помог, спас...

Это осознание выбило почву из-под ног, всего на мгновение, но и этого было достаточно. Потому что наше уединение прервали.

В дверь постучали. А вслед за хмурым:

– Войдите!

В кабинет ввалилась вся честная компания, во главе с Лесси.

Удивительно, но Закари к тому моменту, когда ребята вошли, уже имел вид суровый и надменный, будто и не он мгновение назад источал сплошные переживания. Я же так быстро с нахлынувшими в который раз чувствами справиться не смогла, потому отвернулась к стене, сделав вид, что с великим интересом изучаю ровные ряды папок.

– Ну, – гроыхнул господин ректор. – Я жду.

Пришлось обернуться, потому что мне тоже хотелось узнать, что же двигало этими героями, когда они сотворили такое.

Все разом вжали головы в плечи, безмолвно при этом переглядываясь между собой, будто решая, что именно стоит говорить, а о чём умолчать. Но и тут их настигло разочарование.

– Не делайте вид, будто вы не договорились о версии, которую озвучите передо мной и мисс Эленой. Только поспешу вас разочаровать – не услышу от вас правду, буду вынужден воспользоваться услугами ищейки.

Моё присутствие он решил подчеркнуть особо. Уж не знаю, какая цель за этим скрывалась, ведь кому как не Закари знать, что я не их преподавательница вовсе. Но тем не менее.

При упоминании ищейки ребята резко побледнели. Будто все краски с их лиц стёрли разом, от чего тёмная форма, которую они наспех привели в порядок, уж слишком контрастировала с цветом кожи.

– Мы... – начала ещё одна затесавшаяся в их компанию девушка. Высокая, жилистая, с грубоватыми чертами лица. Но её тут же перебил Лесси, что не удивило никого, в том числе Закари.

– Не надо, Элди, я сам, – и выступил вперёд, вдохнул отрывисто, поправил воротник, как если бы он давил и мешал нормально дышать. – Мы хотели попробовать свои силы в полевых условиях! – Выпалил и тут же замолк. Наверняка, когда вся эта гадость затевалась, то фраза «полевые условия» звучала куда солиднее. Гордо, можно

сказать. Сейчас это было настолько жалким оправданием, что это понимал не только ректор, но даже я, ничего не сведушая в этих самых полевых условиях и как они выглядят за стенами академии.

Тишина воцарилась поистине зловещая. Студенты вовсе перестали дышать.

– Полевые условия, говорите, – спустя, кажется, целую вечность, нехорошо так протянул Закари. Что там ребята, даже мне стало страшно от неприкрытой угрозы, что таилась в его голосе.

Очередная пауза завершилась сакраментальным:

– На отчисление. Все.

Сказал, будто гвоздь в крышку гроба заколотил.

Шёпот прокатился между собравшимися, тот же Лесси сделал ещё один шаг вперёд, явно намереваясь грудью отстоять вынесенный вердикт, но его перебила... я. Порыв был спонтанным, только всей душой я чувствовала, что поступаю правильно.

– Господин ректор, – начала спокойно, суровым взглядом заставляя Лесси замолчать. – Я думаю, вы слишком погорячились.

Закари явно не ожидал от меня такой подлянки, а потому не сразу нашёлся, что сказать, чем я в очередной раз воспользовалась.

– Проступок студентов, конечно же, требует сурового взыскания, но я думаю, отчисление – это слишком, – продолжила гнуть свою линию, невзирая на то, что лицо Закари начало медленно багроветь. От злости, не иначе. – Сдаётся мне, что они поняли, насколько не правы и готовы понести любое наказание.

Посмотрела на молчавших «герое» и выразительно приподняла брови. Студенты тут же зачастили:

– Поняли! Мы всё поняли! – При этом ещё и головами закивали, пытаясь всеми силами убедить ректора в своём раскаянии.

Закари продолжил багроветь, но нашёл в себе силы просипеть:

– Вы уверена, мисс Елена? – Очередной акцент на имени не предвещал ничего хорошего. Совсем. Но я осталась при своём мнении.

– Конечно, – отмахнулась легко. Помирать так с песней. – Более чем, – забила последний гвоздь теперь уже в крышку своего гроба.

Борьба взглядами. Обещание наказания. Я должна была бы испугаться эдакой суровости, но отчего-то знала, что ничего страшного он мне не сделает. Откуда эта уверенность взялась в очередной раз... Да кто её знает. Но я была уверена и точка.

Так если меня ждёт нестрашное наказание, то разве можно позволить отчислить ребят? Нет уж. Пусть я и не Елена, но только из-за этого портить им жизнь не собираюсь.

Во мне проснулась какая-то болезненная тяга к справедливости. Сомневаюсь, что можно её найти везде и во всём, но попытаться стоит.

– Раз вы уверены, – процедил Закари, мечтая лишь об одном – высказать всё, что он обо мне думает. И ведь выскажет, сомневаться не приходится. – Тогда давайте обсудим с вами сложившуюся ситуацию. Наедине, – последнее протянул преувеличенно ласково.

– Свободны! – Это он уже рявкнул студентам. Но они удивили его не меньше, чем я пару минут назад.

– Мы не оставим мисс Элену с... – запальчиво начал Лесси, да только сдулся под суровым взглядом ректора. И закончил уже не так воинственно, – С вами.

Вот! А я о чём говорила? Разве можно такие шикарные экземпляры, да на отчисление? Да они же горой стоят за своих! И не важно, что «противник» заведомо сильнее их.

– Да-а-а? – Вполне себе искренне удивился господин начальник. И мне стало страшно. Действительно страшно, только не за себя, а за своего защитника.

– Не нужно, Лесси, – обернулась к нему и мягко улыбнулась. – Идите. Мы с господином ректором всего лишь обсудим ваше наказание.

Конечно, он не поверил мне. Пришлось с нажимом повторить:

– Идите. Поговорим с вами после.

Парень ещё несколько минут колебался, как и его соратники, но самая разумная из них, Элди, кажется, тихо шикнула:

– Пошли!

Жаль, что разумность её не проснулась в тот момент, когда они затевали всю эту заварушку с чудовищами.

Студенты пусть и нехотя, а всё же покинули кабинет, и мы остались с Закари один на один. Моя похвальная смелость куда-то разом испарилась. И уверенность, что ничего-то он мне не сделает – тоже.

– Ле-е-е-на, – протянул он с неким рычанием. Как у него так вышло – ума не приложу. «Рычащих» букв в моём имени вовсе не было.

– Что? – Проблеяла, отступая к двери, готовясь дать дёру. Но меня настигли слишком быстро, я только и успела что руку перед собой выставить.

– Ты хоть знаешь, что они натворили? – Закари хоть и говорил со мной ласково, тягуче, но я чувствовала, что злость в нём ещё не утихла.

– Не совсем, – ушла от прямого ответа, но тут же добавила: – Но нельзя же их вот так сразу... Отчислять.

Мужчина усмехнулся и всё недовольство, скопившееся в нём, как-то разом рассеялось. Словно его и не было.

– Если бы «сразу», – передразнил меня, сам же подошёл близко, близко и нежно обнял, прижимая к своей груди. Мне бы начать вырываться, или хотя бы сделать вид, что вырываюсь, а я... Я, напротив, прижалась крепче. И так хорошо мне стало. Все тревоги, надуманные или настоящие, отошли на задний план. Здесь и сейчас мне было уютно, тепло и ничего-то больше не нужно.

– А что, это не первая их такая провинность? – Нашла в себе силы выговорить, хотя единственное, чего хотелось, это вот так просто стоять рядом и молчать.

– И подозреваю, что даже не последняя, – хмыкнул над моего головой ректор. – Почему ты вступилась за них? Они же для тебя... никто.

Окончание фразы он выговорил с некоторой задержкой, будто боялся меня оскорбить эдакой вольностью.

Я же улыбнулась. Отодвинулась, чтобы заглянуть ему в глаза:

– Никто. Ты прав. Но ведь и я когда-то была студенткой. Пусть не такой шепутной и проблемной, но кровь всё же бурлила в поисках приключений.

Закари улыбнулся в ответ. Широко и открыто. И застыл. Рассматривая меня так, будто пытался заглянуть в самую душу. Потом потряхнул головой, сбрасывая наваждение, и предложил:

– Хочешь, прогуляемся, я покажу тебе... всё?

Мне, конечно же хотелось увидеть «всё», потому я лишь кивнула. И уже знакомый вихрь закружил нас. На этот раз я перенесла перемещение куда легче, что не могло не радовать.

Поморгала и застыла от удивления. Мы стояли на высоком холме, у подножия которого лежал город. Сверкающий под лучами солнца,

переливающийся всеми цветами.

Моя первая прогулка и всё, что я видела, не шло ни в какое сравнение с открывшимся видом.

– Невероятно, – прошептала, едва найдя в себе силы произнести хоть что-то.

Не скажу, что мне не доводилось видеть красивые пейзажи, но этот будто... Будто был в тысячи раз красочнее, живее, невероятнее.

– Невероятно, – согласился Закари и уселся прямо на пушистый травяной ковёр, предложив и мне: – Садись.

И я села. Не боясь испачкать юбку.

– Расскажи о себе, – спустя несколько минут тишины попросил мужчина. А я... Я впервые не растерялась. Начала говорить и не смогла остановиться.

Поведала ему всё о своей обычной, скучной жизни. О школьных годах, о мелких проделках, о желании сотворить что-то выдающееся, прославиться на весь мир, найти своё место, где буду приносить пользу, стану незаменимой. И как потом это желание испарилось под гнётом ежедневной рутины, мелких и больших проблем, бытовой возни и ещё много чего. Всего так сразу и не упомнишь.

Про институт рассказала. Про факультет, выбранный не по велению души, а потому что не дорого учиться и потом всяко можно найти работу. Про преподавателей, которых мы с энтузиазмом доводили до белого коленья, не я, конечно, была зачинщицей, но тем не менее, друзей я никогда не сдавала.

И про взрослую жизнь поведала. Про ту самую, которую так ждёшь в детстве, и которую так же сильно ненавидишь, когда оказываешься непосредственным участником реальности-шоу, под названием «самостоятельность». Вот тут-то сразу понимаешь, что сказке не место бок о бок со скучной работой, со счетами за свет и газ, которые непременно нужно погасить, потому что иначе тебя лишат всех этих благ цивилизации. Да и какое волшебство может случиться, когда ты работаешь на складе и только и делаешь, что перекладываешь бумажки и отпускаешь товар оптовикам?

Закари слушал внимательно, не перебивал, давал выговориться, и когда я замолчала, то поняла, как давно мне не хватало рядом человека, который просто готов вот так подставить «свободные» уши.

На душе стало легко, легко, будто груз, давивший на меня все эти годы, растворился.

– А кем ты хотела стать, когда ещё училась в школе? – Когда я замолчала и пауза затянулась, спросил мужчина.

Я задумалась. Действительно, кем? В то время мне казалось, что я способна покорить какую угодно вершину. Свернуть горы. Стать кем захочу.

– В школе, – протянула задумчиво. – Мне неплохо давалась геометрия, физика, химия... Словом всё, что было связано с точными науками. Я часто представляла, что однажды совершу открытие, в какой именно области, значения не имело, сам факт признания...

Я улыбнулась, а потом и вовсе рассмеялась.

– Оказывается, я была очень честолюбива, – выговорила, когда перестала смеяться, а потом грустно добавила: – Как же давно это было...

Стало обидно, до слёз. За то, что я превратилась в никчёмную клушу, которая перестала стремиться к чему бы то ни было. Опустила руки и влилась в общий «поток» жизни, что не приносил ни удовлетворения, ни радости.

– А ты? – Спешно перевела тему, чтобы совсем не расклеиться. – Расскажи о себе.

Вне стен академии, почему-то, называть его на «ты» было так легко, словно мы закадычные друзья и были ими уже лет сто.

– О себе? – Удивился так, будто я его попросила раздеться догола, честное слово.

– Конечно! – Толкнула его локтем в бок. – Я же рассказала тебе обо всём, теперь твоя очередь.

Было здорово вот так сидеть здесь, любоваться видом и выворачивать друг перед другом душу.

Закари задумался совсем ненадолго, потом заговорил, смотря куда-то вдаль, кажется, на небо, по которому проплывали безмятежные облака.

Глава 17

Жизнь замечательных людей

– Мою жизнь сложно назвать скучной, – усмехнулся он как-то совсем безрадостно. – Честно говоря, слушая тебя, Лена, я бы мечтал оказаться на твоём месте.

Я от удивления едва не поперхнулась собственной слюной.

– Быть такого не может! – Вырвалось у меня совершенно искренне.

На что мужчина лишь коротко рассмеялся и уже более серьёзно продолжил:

– Ничего удивительного, дед желал вырастить из меня идеального наследника, что не всегда вписывалось в моё мировоззрение. Да и детства, как такового, у меня не случилось.

Он говорил об этом с лёгкой грустью, и я бы ни за что не спросила, но... Мы же как бы решили рассказать друг другу о себе.

– А родители? Они погибли? – Спросила тихо и тут же устыдилась собственного любопытства.

– Погибли? – Приподнял брови Закари. – Нет, они до сих пор живы и вполне здоровы.

– Так почему тогда твоим воспитанием занимался дед? – Вновь не смогла удержать язык за зубами.

– Ну-у-у, – нехотя протянул мужчина. – Матушку всегда привлекала сцена, куда больше, чем воспитание единственного отпрыска, а отец находит утешение в разного рода азартных играх.

Язык я себе всё же прикусила, чтобы неповадно было задавать лишние вопросы.

– Так вот, – Закари быстро ушёл от опасной темы. – Дед был слишком строг, требователен и непреклонен. Он пытался вырастить из меня нормального человека, как он любил повторять.

И отчего-то мне понятна такая бдительность со стороны старика – ещё, чего доброго, без его контроля и Закари встал бы на скользкую дорожку.

– Если бы ни Шон, боюсь, мою жизнь вовсе можно было бы считать той ещё гадостью.

– Шон?

– Мы росли вместе, он мой кузен, – кивком подтвердил Закари, – В отличие от моих, его родители желали и растить сына, и дарить ему все возможные блага жизни, вот только достаточно средств для этого не имели. Поэтому так и вышло, что мы с ним оказались под одной крышей.

Мужчина замолчал ненадолго, при этом практически в полный рост растянулся на траве. Отчего его фигура показалась мне ещё более... внушительной.

– Так вот, дед старался вместить в меня все возможные знания, нанимал лучших учителей, мастеров своего дела. Словом, у меня не было ни единой свободной минуты. Жизнь кипела и бурлила, так что скучать совсем не приходилось.

То, каким тоном он всё это рассказывал, наводила на совершенно безрадостные мысли. Мне отчего-то живо представился маленький вихрастый мальчишка, которого муштруют, как солдата. А он при этом с тоской смотрит на простых ребят, что носятся за окном, не зная никаких проблем.

Я легла рядом на траву, хоть это и было каким-то верхом неприличия, даже по моим собственным ощущениям. Но мне хотелось оказаться ближе к Закари, хотелось прикоснуться к нему, но на последнее я, слава здравому смыслу, всё же не решилась.

– А потом что было?

– Потом? – Будто очнувшись от своих мыслей, невпопад переспросил мужчина. – Потом я вырос. И оказался благодарен деду. Потому что благодаря его излишнему беспокойству, из меня в самом деле вышел не такой уж и плохой ректор.

По тону было ясно, что он пытается всё свести к шутке, с хорошей такой долей самоиронии. Но меня так просто не проведёшь.

– А если серьёзно?

– Ты сомневаешься в моих прекрасных ректорских способностях? – Удивился он совершенно неискренне.

– Я? Ничуть! – Положила руку на сердце. Если бы сидела, ещё и поклонилась бы ему со всем подобающим тщанием. – Просто мне интересно, как из маленького мальчика вышел такой...эм-м-м, выдающийся ректор.

Мне было легко рядом с ним, хотя, по всем возможным правилам, я не должна была чувствовать никакой лёгкости. А вот поди ж ты.

– Раз тебе интересно, – протянул, явно довольный, – Так и быть, тогда я расскажу.

И он заговорил, а я восхищалась им всё больше и больше после каждого произнесённого слова.

– После положенного обучения, дед хотел отправить меня на военную службу. Видишь ли, он считал, что только она способна воспитать из мальчишка мужчину. Я же был другого мнения. Нет, против службы я ничего не имел, но академическое образование меня привлекало всегда куда больше. А может дело было вовсе не в образовании, а в том, чтобы вырваться из-под контроля деда. Теперь уже мне сложно ответить на этот вопрос. Но я всё же сбежал из дома и поступил в академию. Скандал, как сейчас помню, вышел знатный, только переубедить меня не смогли. Я каждый день доказывал деду, да и себе тоже, что вполне способен существовать и без его ежесекундного контроля. И не просто существовать, а быть лучшим. Во всём. Потом было блестящий выпуск, королевская служба и назначение на пост ректора.

Он замолчал, и я не торопилась озвучивать свои мысли. Просто потому, что меня съедала обида. На саму себя. У меня когда-то не хватило смелости воспротивиться маминому решению, я пошла учиться на менеджмент, который меня ни капли не привлекал. И работать устроилась на склад, от которого порой просто тошнило. Вряд ли в этом виновата мама, она исходила из своих возможностей, а вот я... Почему за столько лет не решилась изменить в своей жизни хоть что-то? Почему для того, чтобы это понять, нужно было оказаться, в чужом мире, чужом теле, на чужом месте?

Мне ведь понравилось преподавать. Хоть и преподаватель я липовый, но всё же. Так отчего же я в своём мире никогда не задумывалась над этим?

– О чём думаешь? – От безрадостных мыслей отвлёк голос Закари.

– О том, что из меня вышла бы неплохая преподавательница, – призналась честно, и улыбнулась.

– Так в чём дело? – Необъяснимо оживился мужчина. – Я мог бы помочь тебе с магией, мог бы...

Но я его перебила, улыбнувшись:

– Нет уж, я не хочу быть Эленой, у неё жизнь уж больно... Интересная. А вот попасть бы сюда с моим собственным телом в придачу. Это было бы здорово.

– Да... – не понятно то ли согласился со мной, то ли удивился озвученному.

– Знаешь, – неожиданно решила поделиться, – А ведь тот золотистый купол. Я не плела никакого заклинания, он появился сам по себе. Просто р-р-раз и всё.

Мужчина резко поднялся и навис надо мной. В его глазах загорелся непонятный мне огонь.

– Хочешь сказать, что ничего особенного для этого не делала?

Поспешно кивнула, уже опасаясь такого резвого интереса с его стороны.

– Хм... – только и сказал, а потом вовсе замолчал, о чём-то крепко задумавшись.

– И-и-и? – когда молчание это превратилось в совсем уж неприличное, решила напомнить о себе.

– Что? – Словно ото сна очнулся Закари и посмотрел на меня совсем уж странно.

– Не хочешь озвучить свои мысли? – Сделала прямо-таки шикарное предложение. Нет, ну в самом деле, что за гадкая привычка, догадки его касаются непосредственно меня, а вот рассказать о них – будто я у него государственную тайну выпытываю, честное слово.

– Эм... Хочу? – А я о чём говорю? Ещё и спрашивает так, словно попросила его родину продать.

– Ты может быть и не очень, – озвучила очевидное, – А я прямо-таки жажду подробностей.

Села, подобралась вся, всем своим видом изображая колоссальный интерес.

– М-м-м, – промычал нечленораздельно. Потом вздохнул глубоко и всё же озвучил свои мысли: – Видишь ли, стандартные плетения, те, что мы привыкли использовать, даются тебе с огромным трудом. Даже несмотря на то, что тело тебе досталось, как бы это сказать... – он задумался, подбирая слово, а потом радостно щёлкнул пальцами, – Натренированное. А вот спонтанный выброс дался легко. Стоило тебе испугаться, как магия без труда нашла выход.

Он замолчал, а я успела испугаться:

– Только не говори, что меня можно научить пользоваться магией, создавая всяких чудищ!

– Нет, – поспешно опроверг моё предположение. – Нет, я не об этом. Я веду к тому, что может быть тебе стоит пользоваться чистой магией? Не преобразуя её в плетения? Это довольно редкое умение, но... – Закари вновь запнулся, теперь уже сморщившись, словно от зубной боли. – Я знаю одного такого... человека. Он сможет тебе помочь.

Так легко прояснившаяся ситуация казалась подозрительной, почему-то вспомнилось обещание Гриши уложиться в три дня. Вдруг и тут так же?

– А этот... человек, случаем не пропал лет сто назад, и чтобы попросить о помощи, его нужно сначала хорошенько поискать?

Закари ничуть не обиделся на моё недоверие, покачал головой и выдал:

– Вовсе нет. Этот человек – мой дед.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день...

* * *

В академию мы вернулись спустя ещё два часа. Сначала я долго спорила с начальством, потому что его вспыхнувшее, словно спичка, желание, прямо сейчас переместить меня к родственнику, буквально вывернуло мне душу наизнанку.

Сам, понимаешь ли, только что описал мне деда, как эдакого монстра, а теперь без сомнений вознамерился меня спихнуть в его объятия. Ну уж нет. Мне себя жалко, даже в этом теле.

В итоге мне уступили, но обратно всё равно не вернули. Решили сначала накормить. А вот против этого я ничего возражать не стала. Потому что кушать хотелось зверски. То ли от бесконечных потрясений, то ли от прогулки на свежем воздухе, то ли от того, что времени после последней трапезы прошло слишком много. А может и от всего разом, тут уж не поймёшь.

В общем, когда мы-таки вернулись в академию, и мне ещё в весьма миленькой ресторации позволено было сначала в свою комнату

наведаться, дабы сменить изрядно испачканную одежду и даже принять душ, а уж потом вернуться в лапы, то есть, под покровительства ректора, то в самом коридоре нас поджидало довольно удивительное зрелище.

Мисс Глэйза, едва ли ни грудью пыталась сдерживать волнуемую толпу студентов, во главе с Лесси.

– Мы не уйдём, пока не удостоверимся, что с мисс Эленой всё хорошо! – Настаивал парень на своём, а стоящие за ним ребята, нестройным хором поддерживали его.

– Я вам ещё раз повторяю, – надзирательница уже буквально кипела от злости. – Мисс Элены здесь нет, она заболела.

– Чем заболела? Не верим! – Воинственно бросил Лесси, и ещё повысил голос, буквально закричал: – Мы не дадим её выгнать! Так ректору и передайте!

– Кхм-кхм, – тем временем прокашлял вышеупомянутый и совершенно спокойно поинтересовался: – Разрешите спросить, что здесь происходит?

Ребята разом стихли, да что там, и мисс Глэйза замерла, во все глаза рассматривая меня и начальника.

– Они... – начала было женщина, но Закари взмахом руки перебил её.

– Я хотел бы услышать о происходящем из уст бушующей толпы.

Лесси переводил удивлённый взгляд с меня, на ректора и обратно. Потом отступил, спрятал руки в карман и совсем неуверенно пробормотал:

– С вами всё в порядке, мисс Елена?

– Как видишь, – позволила себе улыбку и развела руки в сторону.

На самом деле хотелось смеяться, в голос, по-настоящему. Но... ситуация не позволяла. Потому я изо всех сил пыталась сохранить серьёзное выражение.

– Я ещё жду ответа, – напомнил о себе Закари.

Я украдкой посмотрела на него, было видно, что и ему серьёзность даётся с трудом.

– Мы... Мы... – вдруг растерял всё своё красноречие Лесси и ему на помощь пришёл вихрастый парень, чья отросшая чёлка закрывала почти половину лица.

– Мы хотели удостовериться, что из-за нас не выгонят мисс Элену.

Мисс Глэйза после столь честного признания, едва не захлебнулась ядом. По её всегда бледному лицу поползли красные пятна, а в глазах полыхнул огонь. Но отдать должное – она сдержалась от какой-либо реплики.

– Удостоверились? – Как ни в чём не бывало уточнил Закари.

– Да! – Отрапортовал вихрастый.

– Можете быть свободны, – величественным взмахом руки отпустил их, но это не помогло.

Ещё один мускулистый парень, постоянно шмыгающий носом, и пытавшийся оттереть с лица несуществующую грязь, громыхнул внушительным таким басом:

– А с наказанием... это... Вы уже определились?

Дети... Такие дети. Что в нашем мире, что в магическом. Сначала наворотят дел, а потом трясутся, в ожидании взбучки.

– Нет ещё, – с явным наслаждением отмахнулся господин ректор. И повторил: – Свободны!

На этот раз честная компания не стала больше испытывать судьбу и благодущие начальства.

Мисс Глэйза, стоило угрозе, под названием «взбунтовавшиеся студенты» испариться с горизонта, чопорно кивнула Закари, по мне мазнула надменным взглядом, и скрылась за дверь своей квартиры.

Я же улыбнулась, поклонилась начальству и быстро скрылась в своём жилище.

Фух... Никогда не думала, что так обрадуюсь возможности остаться наедине с самой собой.

В самом деле, одиночество всегда тяготило меня, сейчас же отчаянно захотелось побыть одной, чтобы немного разобраться в собственных чувствах, которые, то ли на счастье, то ли на беду, устраивали мне непонятные испытания.

Тяга к господину ректору – это же ненормально? Или нормально? И почему меня прежде ни к кому так не тянуло, а тут... Нет, нельзя это назвать вспыхнувшей любовью, просто... Вопреки всему мне хочется быть рядом с ним, слушать его голос, а ещё лучше ощущать его объятья.

Личная жизнь у меня прежде особо не складывалась. И не сказать, что причиной тому какие-то трагические события. Только не было

рядом молодых людей, с которыми мне бы хотелось делить... да хотя бы одеяло. Всерьёз, а не временно.

Мама всегда говорила, что я слишком люблю свободу, бабушка, когда она ещё могла здраво рассуждать, напротив, спорила с ней и утверждала, что просто я не нашла своего человека. А однажды, когда я спросила, что же значит «свой человек», она загадочно улыбнулась и не менее загадочно произнесла: «Когда придёт время, ты всё поймёшь».

Может быть, это самое время пришло? И человек, к которому тянется моя душа вдруг нашёлся?

Мысль показалась мне такой заманчивой, что я довольно закружилась по гостиной, и отправилась-таки в ванну. Нужно привести себя в порядок, переодеться, и вернуться к Закари. Да-да, именно так.

Ванну я принимала долго. То и дело откидывала голову на широкий бортик и щурилась от удовольствия. Всё происходящее уже не казалось таким уж ужасно-пугающим. Скорее будоражащим.

Одежду у шкафа выбирала ещё дольше. Простое длинное платье, довольно свободное и удобное, посчитала идеальным нарядом. В нём хотя бы можно было без особого дискомфорта сесть и даже лечь. А вот с ночными сорочками вопрос так и остался нерешённым.

Обнаглеть в конец и потребовать рубашку у Закари? Нет... Всё же мы не настолько близки. Да и что он обо мне подумает, явись я к нему с подобным заявлением? Достаточно того, что настоящую хозяйку считают распутницей, приобретать эдакую репутацию ещё и для собственной души не очень-то хотелось.

Ладно, с сорочкой что-нибудь придумаю. Чуть позже.

Я вышла из спальни, прошла в гостиную и опустилась на стул, чтобы ещё немного побыть в тишине.

Если Закари прав и магия, моя собственная, а не та, что досталась от Элены, имеет немного другие свойства, то... Это же здорово! Значит, я тоже умею магичить, или как это у них тут правильно называется? Пусть и не так, как это делают остальные, но всё же.

Поднялась со стула, успела сделать всего один шаг в сторону двери, как перед самым моим носом вспыхнул портал и оттуда появилась здоровенная рука, облачённая в длинные чёрные перчатки. Открыла рот, чтобы закричать, но сделать мне этого не дали. Затащили в портал и самым бессовестным образом усыпили.

Закари Дарвенталь

Лорд Хэдвил был последним человеком, к которому я когда-либо обращался за помощью. Но единственным, кто владел чистой магией. А потому, нравилось мне это или нет, пришлось активировать кристалл вызова и ждать, пока старый, вечно недовольный лорд Хэдвил соизволит ответить.

Что удивительно, ждать пришлось совсем недолго. Кристалл засветился алым, расплылся розоватым облаком, в котором показалось испещрённое морщинами лицо человека, которого я не выносил с самого своего детства.

Лорд Хэдвил ничуть не изменился с нашей последней встречи. Всё тот же волевой подбородок, острые скулы, обтянутые дряблой старческой кожей, слишком широкий нос для столь узкого лица, и глаза, где притаилась всеобъемлющая ненависть и недовольство этим бренным миром.

– Закари? – Слегка приподнял густые седые брови, но тут же опустил их и со скучающим, совершенно равнодушным видом поинтересовался: – Чем обязан, господин ректор?

Стиснул зубы с такой силой, что они подозрительно захрустели (надо бы к целителю наведаться, а то мало ли), но произнёс совершенно спокойно. Будто только и делаю, что каждый день прошу помощи у самого заносчивого старика во всём мире.

– Мне нужна твоя помощь.

Вот, я это сказал, и даже не провалился под землю, как предполагал ранее.

Теперь удивление лорду Хэдвилу скрыть так быстро не удалось. Он дёрнулся, будто попытался вскочить со своего места, потом нахмурился, а после слегка дрожащим голосом спросил:

– Что у тебя случилось? – Надо же, а этот чёрствый чурбан ещё и волноваться умеет. Жаль только, что теперь он подумал самое, что ни на есть, худшее. Наверняка решил, что я проиграл состояние, отправившись по стопам отца и теперь возьмусь требовать с него выплатить все мои долги.

– У меня – ничего, – отмахнулся лениво, хотя в груди так и клокотала злость. – Я хочу, чтобы ты взялся помочь одному... человеку.

То, что этот человек девушка, к тому же иномерянка в чужом теле, а как вишенка на торте – моя пара, решил умолчать. Будет лучше, если дед об этом пока ничего не узнает.

Кажется, лимит удивления оказался превышен, потому что лорд Хэдвил лишь открыл рот, но не проронив ни звука, вновь закрыл его.

Пришлось пояснять:

– Этот человек, как я подозреваю, может использовать чистую магию. Точнее не совсем может, и в этом ей нужна помощь.

– Ей? – Тут же уцепился за случайно брошенное слово. Вот ведь!

– Да, ей, – отмахнулся раздражённо, хотя клялся самому себе, что не позволю себе этого.

Дед заметно расслабился, откинулся на спинку стула, сложил перед собой руки и лениво так, даже нехотя, переспросил:

– То есть, ты просишь у меня помощи ради какой-то девушки?

О, боги... Почему я не смог удержать язык за зубами?

– Да, прошу, – процедил, едва не рыча.

– Хм, – дед сделал вид, что задумался, хотя у самого по глазам можно было понять, что и моё обращение, и принадлежность моего друга к женскому полу его весьма и весьма забавляют. И он точно знал, что ответить на мою просьбу, теперь лишь растягивал удовольствие.

– Если бы я знал кого-то другого, кто мог бы использовать чистую магию наравне с плетениями, поверь, я обратился бы к нему, – посчитал нужным поставить его в известность. И испытал невероятное удовлетворение от мины недовольства, что отпечаталась на его лице.

Точно скопировав его позу, откинулся на спинку стула и сложил перед собой руки. Только вместо удовольствия, что смог уделать невыносимого тирана, почувствовал неясное беспокойство.

Зверь недовольно ворочался под кожей, скулил и всё подбивал пойти к Лене. Я понимал его нетерпение, и всецело разделял его желания, но также я видел, что девушке необходимо побыть одной. Мне не хотелось на неё давить. Хотелось оставить, хотя бы призрачное, но всё же право выбора.

К тому же я поставил на её квартиру мощное охранное заклинание. Никто посторонний не сможет пробраться к ней.

– Хорошо, – неожиданно легко согласился лорд Хэдвил, чем заставил меня усомниться в правильности своих действий. Может, не

стоило связываться с дедом? – Приводи её. Я посмотрю, чем ей можно помочь.

И оборвал связь, отключив кристалл.

Я же остался один на один со всё нарастающим волнением. Так прошло не больше пяти минут, в итоге я не выдержал, вскочил со стула и вышел из квартиры. На несколько мгновений замер у нужной двери, потом тихо постучал. А когда она не ответила, постучал уже сильнее, но ответом мне вновь послужила тишина.

Дверь я выбил. И увидел, что Лены нет ни в одной из комнат.

Глава 18

О том, что чужих проблем не бывает

Место, куда я попала, выглядело... так себе. Хотя «так себе» – это ещё мягко сказано. Обвалившаяся крыша, сквозь которую в помещение с затхлым, сырым воздухом проникало немного света. Каменные стены с выбитыми и раскрошенными камнями. Прогнивший пол и много, очень много пыли.

Пока я рассматривала «миленький» интерьер, похититель крепко держал меня, скрутив мне руки за спиной. Посмотреть на мужчину не представлялось возможным, впрочем, личность его недолго была тайной.

– А вот теперь мы поговорим, – бросил амбал, и я сразу же узнала голос мужлана, который не так давно оставлял записку с угрозами, а потом с ними же явился в мою комнату. Не мою, конечно же, но сейчас это не имело никакого значения.

Хорошо, что в этот раз он не стал зажимать мне рот и я могла выразить всё, что о нём думаю вполне себе человеческим способом.

– Послушайте, мне кажется, что для разговора можно было бы выбрать место более приличное.

Мать моя женщина, лучше бы я молчала. Это нервное, честное слово. Ну не настолько же я отчаянная, чтобы дёргать тигра за усы, находясь в его власти.

Несмотря на мою пренебрежительную реплику, мужчина вовсе не разозлился, а лишь усмехнулся:

– Ты неподражаема, Элена. Твоя излишняя безрассудность всегда восхищала меня.

Это хорошо? Или плохо? Что-то мне подсказывает, что его восхищения стоит бояться.

Дёрнулась, пытаюсь вырваться из медвежьих объятий, но, увы, не преуспела в этом. Поэтому решила всё же начать с нормального разговора:

– Что вам от меня нужно?

Тут меня, к удивлению, легко отпустили и развернули так резко, что картинка перед глазами слилась в одно тёмное пятно.

– Елена, не играй с огнём, – прорычал мужчина мне прямо в лицо, и я чётко увидела всполохи пламени в чёрных, будто бы бездонных глазах.

– Я не... – начала говорить, но меня перебили.

– Нет, играешь! И моё терпение на исходе. Отдай шкатулку, я знаю, что она у тебя.

Вот что за нетерпеливый. И слова вставить не даёт. Я ж хотела сказать ему вовсе не то, что он подумал.

– Вы не поняли, – отступила на шаг, пытаюсь выровнять вдруг сбившееся дыхание. – Я лишь хочу сказать, что я не Елена.

Пожалуй, этим своим признанием я впечатлила мужлана куда сильнее, чем Закари. Тот к признанию отнёсся так, будто рад был его услышать, а вот этого индивида оно явно не осчастливило. Ни на грамм.

– Что?! – Только и успел он проорать, как за его спиной закружилась синеватая воронка и из неё вывалилась женщина, что приходила к академии в тот самый вечер. Хоть тогда я не видела её лица, но сейчас почему-то точно была уверена, что это она.

Смахнув с глаз непослушные золотые локоны, женщина неожиданно зло бросила:

– Лекс, ты решил обмануть меня?!

Судя по тому, как мужчина вздрогнул и резко обернулся к посетительнице, она попала точно в цель.

– С чего ты взяла, Аманда? – Отмахнулся будто бы беззаботно, а сам непроизвольно стиснул руки в кулаки.

– Хотя бы с того, – не без ехидства бросила женщина. – Что ты так тщательно пытался скрыть остаточный след. Я еле смогла найти тебя.

Пока она говорила, не скрываясь сплетала какое-то заклинание. Тем же самым занимался Лекс.

Прелестно, просто прелестно. Может я пойду, пока эти двое выясняют отношения? А что, хорошая мысль.

Я сделала крошечный шаг назад, потом ещё один, Лекс и Аманда ничего не заметили, они были увлечены друг другом. Но только стоило мне повернуться спиной и ускорить шаг, пытаюсь скрыться за разломом в стене, как мне в спину что-то врезалось и я застыла, словно истукан. Даже голову повернуть не могла, чтобы посмотреть, кто из этих двоих наградил меня столь замечательным подарочком.

– Я лишь хотел сделать всю грязную работу, – тем временем, как ни в чём ни бывало, продолжил оправдываться Лекс.

На что женщина звонко, издевательски рассмеялась:

– Я не настолько глупа и наивна, чтобы поверить в этот бред, – последнее слово она выплюнула, явно пытаясь этим плевком достать до мужчины.

– Я не собирался обманывать тебя, но обстоятельства сложились так... – Лекс всё ещё не оставлял попыток.

– Прощу тебя, избавь меня от глупых оправданий, – я не видела её, но была уверена, что при этих словах она повелительно взмахнула изящной рукой. – Запомни, Лекс, со мной не стоит шутить.

Она замолчала, а я почувствовала, как моё тело сотрясает крупная дрожь. Чужая сила вырвалась на волю, заставила затрепетать от страха каждую клеточку тела.

– Я... понял, – прохрипел Лекс, и сила исчезла. Пропала. Будто ничего и не было.

– Так-то лучше, – удовлетворённо заметила Аманда. – Так что, ты узнал, куда она спрятала шкатулку?

Ну вот, пришёл и мой черёд, эти двое вспомнили зачем, собственно, явились сюда.

Меня, словно куклу повернули к ним лицом, Лекс щёлкнул пальцами и моё оцепенение пропало. Мышцы кольнуло болью, которая тут же прошла, и я принялась растирать онемевшие руки.

– Не узнал, – хмуро бросил Лекс.

– Почему? – Вроде бы невинно поинтересовалась Аманда, но в её вопросе было столько предвкушения, что во мне вспыхнул настоящий ужас.

Я, наконец, осознала, что нахожусь во власти двух сумасшедших и защитить меня некому. Закари не знает где я. Пользоваться магией я не умею. И... Они могут делать со мной, всё, что им заблагорассудится...

– Потому что я не Елена, – выпалила быстро, боясь, что меня перебьют. – Я иномерянка. Я случайно попала в её тело, по ошибке. И я не знаю, где шкатулка.

Лекс нахмурился сильнее и развёл руками, как бы показывая, почему именно не выяснил у меня столь интересующую их

информацию. А вот Аманда... Её глаза блеснули предвкушением, а по губам зазмеилась невыносимо гаденькая улыбка.

– Даже так, – не понятно, чему обрадовалась она. А потом мой мир взорвался болью. Невыносимой, раздирающей плоть на миллион ошмётков, бесконечной.

Я закричала. Срывая голос, так, что заложило уши. Крик резко перешёл в визг, совсем не похожий на человеческий. И я отмечала это лишь частью сознания, пытаюсь уцепиться хоть за что-то, лишь бы не утонуть в этой боли безвозвратно.

Всё прекратилось резко – раз и оборвалось. Я рухнула на колени, и упёрлась руками в грудь пыли, что покрывала почти весь прогнивший пол.

– Ну, а теперь что ты скажешь? Где шкатулка? – Аманда склонилась надо мной. Я видела подол её изумрудного плаща, он касался моих посиневших кончиков пальцев.

Я понимала, что она хочет услышать от меня, но... Я не знала ответа на её вопросы.

– Я не знаю, – прошептала непослушными губами, чувствуя во рту привкус крови. – Я... не... Элена...

Последнее прошептала, сжимая руки в кулаки и готовясь к очередной порции боли. Они не поверят мне. Никогда.

Закрыла глаза, мечтая только об одном – оказаться дома. В своём родном мире, где моя жизнь пусть хоть и была пресной и обычной, но она... Была?

Прошла минута или две, а может и все пять, но боли не было. Я с трудом подняла глаза и увидела, что Аманда смотрит на меня слишком внимательно. Будто пыталась проникнуть в мою голову, чтобы убедиться в том, говорю я правду или лгу.

– Хороша, – вновь жутко улыбнулась она. – А Элена умнее, чем мы думали, – обернулась к Лексу, а потом вновь ко мне. – И кто же ты? Из какого мира?

Вот так просто? Меня больше не будут пытаться? Мне поверили?

– Я с Земли, – неотрывно следя за женщиной, прошептала пересохшими губами. – Меня зовут Лена, я...

Хотела повторить, что на место их подельницы попала совершенно случайно, но меня перебили.

– Ах, Елена, – неожиданно развеселилась Аманда. – Не думала я, что она решит нас обмануть таким изящным способом.

Было видно, что ко мне они потеряли всякий интерес.

– Сможешь сделать вызов души? – Морщась, спросил Лекс, на что женщина довольно протянула:

– Обижа-а-аешь! Конечно, смогу.

Я с трудом села, потому что руки стали дрожать от напряжения. Подтянула ноги к груди, и стала наблюдать за происходящим. Показалось, уйди я сейчас, в этот момент, меня бы никто не стал останавливать, но уйти я не могла. Не только потому, что сил не осталось и полыхавшая пару минут назад боль выжгла во мне всё дотла. Нет. Моя душа кричала, захлёбываясь, что мне уходить нельзя. Ни в коем случае.

Тем временем Лекс и Аманда принялись расчищать пол. Сначала, по одному лишь взмаху женщины громадный булыжник, некогда бывший массивной колонной у двери, отлетел в сторону. Потом гряда пыли взвилась вверх и испарилась.

Прогнивший пол, освободившийся от гнёта, будто вздохнул спокойнее. Но рано он обрадовался. Щепки вырвали вслед за камнем и пылью, а на их месте появился огромный круглый камень, подозрительно похожий на... жертвенник. Я точно не могла этого знать, только откуда-то знала.

Вслед за жертвенником в разрушенный особняк ворвался резкий порыв ветра, что стих столь быстро, что я и испугаться не успела.

Аманда сбросила плащ, не заботясь о том, что тот запачкается, встала посреди камня и принялась выплетать длинными тонкими пальцами магическую паутину. На каменных краях, на манер цифр на циферблате, стали появляться светящиеся символы. Сначала они сияли тускло, едва заметно, но с каждой секундой наливались силой и уже через несколько минут я не могла смотреть на них, настолько ярко они стали гореть.

Лекс наблюдал за происходящим со стороны. Не пытаясь ни помочь, ни помешать своей подельнице. Он лишь недовольно хмурился, с каждым мгновением всё сильнее мрачней, а когда от символов вверх потянулись яркие столбы, мне показалось, пошатнулся и с видимым усилием остался стоять на ногах.

Правда, всего секунду спустя, мне стало совсем не до Лекса и его состояния. Посреди круга появилась знакомая фигура, слишком знакомая, чтобы я могла ошибиться.

Элена, собственной персоной, вот только в моём, родном и самом любимом теле.

Девушка выгнулась дугой, неестественно запрокидываясь назад. Нелепо взмахнула руками, жадно, со свистом, вдохнула и выдохнула. Потом рухнула на камень, словно поломанная кукла.

Откуда у меня только силы взялись – я рванула вперёд, желая добраться до той, с которой мы по воле случая оказались в столь неприятной передрыге. Да только приблизиться к ней у меня не получилось. Каким уж образом Лекс оказался рядом со мной так быстро, не знаю, но подойти к Элене, настоящей Элене, он мне не позволил. Оттолкнул, одним лёгким движением отбросив меня на добрых десять шагов.

Боли, что удивительно, я не почувствовала. Лишь желание оказаться рядом с поломанной фигуркой возросло десятикратно. Может и глупо, но я хотела её защитить, хотя, если уж доверять простой человеческой логике, защищать мне нужно было саму себя.

– Не дёргайся, – недовольно пробасил Лекс и одарил меня предостерегающим взглядом, а видя моё несогласие с глупым приказом, взмахнул рукой и тело моё вновь превратилось в каменную статую, неспособное пошевелиться.

– Какая неожиданная встреча! – тем временем издевательски пропела Аманда и взмахнула рукой, поднимая с жертвенника не подающую признаки жизни Элену. Девушка повисла в воздухе, словно распятая. – Не переигрывай, душенька, мы обе знаем, что ты в сознании.

Элена слабо шевельнулась, с трудом подняла мутный взгляд на мучавшую её женщину и улыбнулась. Только от того, что в уголках губ сочилась кровь, эта улыбка была довольно жутковатой.

– Не буду лгать – я не очень рада тебя видеть, – слабым, но насмешливым голосом отозвалась Элена, и посмотрела на меня. Показалось, что в глазах её мелькнула жалость, и разочарование ещё, а может что другое... Она отвела взгляд и мне осталось лишь гадать, что такого этим взглядом она хотела сказать.

– Увы, я бы тоже не хотела встречаться вот так, но...
Обстоятельства, – она развела руки в стороны, – Сама понимаешь.

Аманда наслаждалась и своим превосходством, и властью, и возможностью причинять боль безнаказанно. Это было видно по вздёрнутому подбородку, по блеску глаз, по счастливой, слегка сумасшедшей улыбке.

Элена в ответ улыбнулась шире. Мне было странно смотреть, как моё тело подчиняется кому-то постороннему. Словно я попала в зал кривых зеркал, или в комнату страха, что больше подходило под антураж происходящего.

Женщина же, видя отсутствие ужаса и мольбы в глазах своей жертвы, за считанные секунды растеряла напускную вежливость и веселье.

– Где шкатулка, Элена?

Её голос завибрировал, и пугающая сила прокатилась волной по затхлой зале.

А вот девушка в моём теле, казалось, совсем не испугалась. Напротив, ухмыльнулась многозначительно, и буквально выплюнула:

– Там, где вы её никогда не найдёте, – из глаз Элены при этих словах пропало всё веселье. В глубине взгляда заворчалось беспокойство и страх. Только последний не имел никакого отношения к возможным мучениям, она боялась другого, что её тайна будет раскрыта.

Так что же в этой злосчастной шкатулке, из-за которой одни готовы убивать, другие – быть убитыми?

– Лжёшь! – Визгливо вскрикнула Аманда и резко взмахнула руками, на манер ветряной мельницы.

Элена не выдержала – закричала. И крик этот был так похож на тот, который не так давно вырывался и из моей глотки, что я вновь дёрнулась. Но пути чужой силы оказались сильнее.

– Говори! – Надрывалась женщина и поднимала хрупкое тело Элены, облачённое в простую длинную футболку, которых так много имелось в моём гардеробе, всё выше и выше.

Она бы и на камень её швырнула, да только её остановил грозный оклик Лекса:

– Не смей! Ты ведь убьёшь её!

И, как ни странно, Аманду это остановило. Надолго ли?

Женщина нехотя опустила истерзанную Элену на камень, потом сошла с жертвенника и небрежно бросила:

– Заставь её говорить.

Тёмная сила всё ещё вибрировала в пространстве, но уже не навевала неконтролируемый страх.

Правда обрадовалась я рано. Лекс оказался куда большим садистом, чем Аманда.

Он шагнул на жертвенный камень, поморщился недовольно. Потом присел рядом с Эленой, которая смотрела на него с нескрываемой неприязнью.

– Вот мы и встретились вновь, – не понятно то ли обрадовался, то ли расстроился он.

Он поднял руку, пошевелил пальцами, словно перебирая струны, и девушка зашлась теперь уже в безмолвном крике. Она выгнулась дугой, теперь уже лёжа на холодном камне. Пыталась глотнуть хотя бы каплю воздуха, но не могла. Я видела, что руки, начиная с кончиков пальцев, синеют. Что на лице появляется вязь тёмных сосудов, что белок глаз становится кровавым.

Ещё мгновение и всё прекратилось. Потом прозвучал спокойный, даже меланхоличный вопрос:

– Где шкатулка? – А когда ответа на него не прозвучало, ужас повторился вновь.

И так два, три, пять раз... Пока я, захлёбываясь собственными слезами, не выкрикнула:

– Хватит!

А вместе с криком не вырвалось что-то неконтролируемое из самой глубины души. Залу, точнее то, что от неё осталось, осветило сначала мягким светом, а потом он в одно мгновение стал ослепляющим настолько, что я первой не выдержала и закрыла глаза.

Кто-то кричал, кто-то рычал... Кто-то звал меня, мягко, осторожно, будто боясь спугнуть. Собственное сердце стучало набатом, во рту появился противный привкус крови.

– Лена, остановись, – чья-то холодная ладонь коснулась моей руки, и я резко распахнула глаза.

Передо мной сидела, хотя это громко сказано, скорее полулежала, Элена. Выглядела она... Неважно. Да что там! Просто отвратительно она выглядела.

– Ты молодец, – потрескавшимися, пересохшими губами произнесла девушка и улыбнулась.

Я оглянулась. У стены, эдакой пирамидкой, лежали Аманда и Лекс. Лежали себе тихо и мирно и никого больше мучать не собирались.

– Аааа? – Протянула вопросительно, не способная облечь мысли в слова.

– Это ты их так, – Елена подтянулась и попыталась сесть. Получилось не сразу, но со второго раза она достигла желаемого. – Думаю, очнуться не скоро, но лучше убраться отсюда поскорее.

– Я? – Последнюю часть её фразы я даже не расслышала.

– Ты, – вполне себе серьёзно подтвердила Елена. – Здорово ты с чистой магией управляешься.

Быть такого не может... Нет, этот раз уже второй по счёту, но... Всё равно удивительно.

– Офигеть, – только и смогла выдать, прежде чем начать заваливаться на бок, от удивления, не иначе.

– Эй, эй, ты чего? – Растерянно произнесла Елена и придержала меня, не дав упасть. Правда по тому, как она сама пошатнулась, грозило нам оказаться на полу вместе.

Нет, удержалась, и она, и я.

– Надо убраться отсюда, – сквозь зубы прошипела девушка. И я была с ней полностью согласна. Вот только как это сделать?

– Портал откроешь? – Елена с надеждой заглянула мне в глаза, а я...

– Ты издеваешься? – Не выдержала. – Я с магией вообще обращаться не умею, – а на её скептическое хмыканье, тут же добавила, – Это всё случайно. От страха.

И ведь не соврала. Ни капельки.

– Вот ведь, – выругалась с сожалением и scomандовала, – Возьми меня за руку и расслабься. Я попробую позаимствовать твою силу. Не поверишь, в твоём теле у меня нет и крупицы магии.

Поверю, отчего же не поверить? Я своё тело лучше знаю. Так вот я просто уверена, что все эти крупицы ему совершенно ни к чему.

Тем не менее, расслабилась и глаза закрыла для надёжности. Вздохнула и медленно выдохнула.

Сначала ничего не происходило, и я уже собралась сказать Элене, что её затея почему-то не работает, как мир закрутился и меня швырнуло... на траву. Влажную, но мягкую.

Открывать глаза было страшно, правда сидеть вот так в неведении было ещё страшнее. Кто знает эту Элену, куда ещё ей вздумается меня втянуть.

Но ничего страшного не обнаружилось. Мы оказались на лужайке перед академией. Обычной, мирной лужайке, где не было ни сумасшедшей Аманды, ни садиста Лекса.

– Получилось, – совершенно себе не веря, прошептала Элена. И я с ней согласилась, осторожно кивнув головой. Пожалуй, это было лишним, потому что и без того не очень устойчивая картинка покачнулась и меня затащило в чёрный водоворот. Который подозрительно знакомым голосом принялся причитать:

– Я же говорил, что найду Громхельма. Говорил? Дольше искал, чем планировалось, но всё же! Я ж своё обещание выполнил. Я молодец.

Глава 19

Земля – мой дом родной

Круговерть из голосов, какофонии звуков и запахов крутила и вертела меня в разные стороны. Мутило, но это было ничто, по сравнению с жгучим желанием объяснить... Что? Вот этого я сказать не могла. Но желание лишь усиливалось, вместе с круговоротом, который, кажется, вытягивал из меня все силы.

Неожиданно всё закончилось. Р-р-раз! Тишина и спокойствие. Пропали не только голоса, но и желание испарилось, лопнуло, словно шарик. Я нахмурилась, не открывая глаз, и... уснула. Чтобы проснуться в собственной кровати.

Утро началось обычно – с ругани соседей. И их бурного прощания перед долгим рабочим днём, которое сопровождалось очень характерными стонами и смехом, больше смахивающим на гоготание гусыни.

Но всё это было настолько привычным, что я даже улыбнулась. Потом с трудом открыла сроднившиеся за ночь веки и довольно потянулась.

Хорошо... Кажется, я впервые, невесть за сколько времени, выспалась. Эта мысль, почему-то, сразу отрезвила и заставила подскочить на кровати и едва ли ни грохнуться с неё.

Выспалась? Я?

Метнула быстрый взгляд на часы – они показывали половину седьмого. Не проспала. Так отчего же так заполошно забилось сердце и по спине потянуло холодом?

Что-то забыла? Тоже нет.

Вчера после работы ничего особенного не произошло. Всё было, как обычно. Я подбила все накладные, сверилась с бухгалтерией. попрощалась с дядь Митей, который сидел у нас на проходной. Села в автобус. Задремала, облокотившись на окно. Вышла на своей станции.

Да нет же... Ничего не произошло.

Только волнение не отпускало, оно лишь усиливалось с каждой секундой. Что-то было не так, и самое поганое – я не знала, что именно.

Оставаться в кровати больше не имело смысла. Я поднялась и отправилась в ванну. По пути отметила, что вещи разбросаны. Это само по себе уже было непривычным. Свою выстраданную квартиру я держала в чистоте. Старалась убирать всё на свои места. Любовно по три раза в неделю протираю пыль на тех поверхностях, до которых дотягивалась. Намывала санузел. Словом, вещи не на своих местах – уже повод для беспокойства.

Но настоящий шок был впереди. Я вошла в ванну и застыла, увидев своё отражение в зеркале.

Это... что за ерунда? Откуда у меня на скуле пожелтевший, заживающий синяк? А ссадина на подбородке? Тоже уже почти зажившая, но... Я не помню, чтобы падала где-то, и уж тем более ни с кем не выясняла отношения.

Я не поняла! Что вообще происходит?!

Скинула ночную сорочку и принялась считать ссадины и синяки, коих на моём теле оказалось не мало. Сбитый до синевы локоть, кровоподтёк на плече, пара ссадин на животе. Нет, все они выглядели не так уж и страшно. Будто от роду им было не меньше двух недель. Вот только сам факт их обнаружения на мне вызывал желание использовать русский и могучий язык, так сказать, на полную мощь. Так, чтобы у соседей уши в трубочку свернулись. Да что там соседи! Чтоб весь район впечатлился моими познаниями!

Откуда! Откуда, мать моя женщина, взялось всё это великолепие?! Я, что, побывала в лапах домагателей-садистов? Так почему я не помню, бездна меня забери?!

Бездна...

Всего лишь одно слово заставило голову взорваться жуткой болью. Такой, будто мне прямо в темечко гвоздь забили. Да не один.

Я покачнулась и с трудом опустилась на кафельный пол, не желая добавлять себе новых увечий.

Что со мной? Почему мне кажется, что я забыла о чём-то очень важном?

Ответ не приходил, а боль, тем не менее, утихала. Пока не прошла окончательно. Я решила больше не мучать себя и отправилась принимать душ, тем не менее бурно выражая свой ужас от происходящего. Да уж, никогда ещё со мной такого не случалось. Судя по ранам, меня стаскивали по лестнице, этажа эдак с десятого, при

этом волоча прямо по ступеням. Но что не менее удивительно – меня ничего не беспокоило. Ссадины и синяки, даже если надавить на них, не причиняли никакого дискомфорта. Будто всё это было лишь умело нанесённым гримом. Вот только банные процедуры подтвердили – нет, не грим. Всё взаправду.

После ванны, пребывая всё в том же ужасном настроении, я отправилась на кухню, где кое-как заставила себя выпить чай. Из еды ничего не хотелось. Потом я собиралась, то и дело останавливаясь и пытаясь понять, что же меня так гложет.

Несмотря на обычный подъём, на работу я опоздала, потому что умудрилась проехать нужную остановку. И заметила я это лишь спустя три квартала. Девочки из смены посмотрели на меня с подозрением, но ничего не сказали. Правда во время обеда Люська, из отдела сантехники, всё же подошла и осторожно поинтересовалась:

– Лен, с тобой всё хорошо? Выздоровела?

О, а я, оказывается, ещё и болела? Интересно...

Вот только ответа у меня на её вопрос не было, а спрашивать, не напомним ли она мне о какой болезни идёт речь, посчитала... Дикостью. В самом деле дико, болеть и не помнить об этом.

– Сойдёт, – отмахнулась неубедительно и забила в дальний угол комнатки, где мы обычно обедали.

Отговорка так себе, но... Лучше не нашлось.

Девочки с расспросами больше не приставали, только взглядами буквально насквозь прожигали. В итоге допивать чай я ушла в раздевалку. Облокотилась на свой шкафчик и уставилась в одну точку. Мысли хаотично блуждали в голове, сменяя друг друга и не давая ухватиться за ту самую, правильную.

Что меня дёрнуло заглянуть в шкафчик с одеждой – трудно сказать. Только открыв его и сдвинув в сторону какую-то холщовую ткань, которую уж точно туда не я положила, наткнулась рукой на какой-то острый угол...

Пот тканью оказалась... шкатулка. С резными боками и крышкой, украшенной дорогими камнями... Шкатулка, глядя на которую я вспомнила всё.

– Ты куда, Лен? – в спину прилетел удивлённый голос Татьяны, из бухгалтерского отдела, но я не ответила. Выбежала со склада, проигнорировала дядю Митю, который пытался преградить мне

дорогу и что-то ворчливо выговаривал и принялась ловить машину. К счастью, такси остановилось буквально спустя минуту. Водитель попался понимающий, и на просьбу: «Пожалуйста, можно скорее?» – вдавил педаль газа в пол.

У моего дома мы оказались быстро. Не помня себя от нахлынувших воспоминаний, я влетела в квартиру, заперла её на все имеющиеся замки и трясущимися руками вновь развернула потрёпанную ткань.

Под ней в самом деле была шкатулка, та самая, с дарами богини Зииты. Та, из-за которой Элену, находящуюся в моём теле, едва не убили. Та, из-за которой и за мной гонялись Лекс и Аманда.

Я вспомнила всё.

Моё неожиданно попаданство.

Обещания Гриши.

Академию и студентов.

Закари...

Воспоминание о последнем особенно сильно взволновало. И сердце сжалось от неясной тревоги и страха. Того самого страха, что его, несносного ректора, я больше никогда не увижу.

Но тем не менее, я взяла в руки шкатулку. Брать её совсем не хотелось, вот только как ещё понять, из-за чего вся эта круговерть происходит?

Крышка, украшенная дивными цветами, вместо лепестков у которых были драгоценные камни, не поддавалась, когда я попыталась её открыть. Ни с первого, ни со второго раза. Зато с внешней стороны, к самому дну, оказалась прилеплена записка. Хотя нет, не записка, а самое настоящее письмо.

От кого? Вот ни за что не догадаться... От самой Элены.

«Елена, прости, что так вышло...» – гласило начало письма. Оно было написано ровным, красивым почерком. И имело стройное повествование, слова за словами вились, будто нити шёлковые.

«Я не знаю, как так вышло, что моё место заняла не та, с кем мы заключили договор. Но да это теперь не важно. Куда важнее то, ради чего я вырвалась в ваш мир.

Шкатулка. Дары богини Зииты, те самые, за которыми ведётся нешуточная охота в моём, родном мире. Мало кто знает, что это за шкатулка такая и уж тем более мало кто осознаёт, какое могущество

таиться под красивой крышечкой. Нет, многие догадываются и придумываются себе всякого, вот только всё это далеко от истины.

Божественные дары, они даны для того, чтобы люди разумные стороной их обходили. А мы, напротив, летим к этому «свету», мечтая не только крылья обжечь, но и спались всё в округе. Дотла. Я изучила много фолиантов, в которых хоть косвенно, но упоминалось о шкатулке. И вот в чём беда – все, кто брался писать о ней, вдруг умирали, так и не завершив трудов своих. На первом фолианте я подумала, что всякое может случиться. Когда такая участь постигла и второго книгописца – засомневалась. А уж когда и пятый, и десятый смерть свою нашли, описывая сей странный предмет, тут уж я не на шутку испугалась.

И вот однажды мне попались записки некоего странствующего монаха. Имени его летопись не сохранила, только сейчас мне кажется, что имя он своё скрыл намеренно. Так вот, он описал, что в шкатулке этой, действительно, спрятана сила непостижимая. Дающая власть безграничную, едва ли не божественную. И каждый может распорядиться силой этой по своему усмотрению, вот только мир, где сила эту выпустят, погибнет. Какая страшная кара постигнет его, монах не упомянул, но я безоговорочно ему поверила.

Какой бы ветренной и никчёмной особой меня не считали, я люблю тот мир, в котором живу. Люблю своих оболтусов студентов, люблю всё, что меня окружает и к чему я так долго шла. Может быть, путь мой был не правильным, излишне неблагочестивым, но... То не мешает мне желать своему миру лишь добра.

Вернусь же к запискам монаха. Последние две страницы письмо его стало столь небрежно и неразборчиво, что я провела над письменами этими больше десяти дней, пытаюсь вникнуть в суть спутавшихся мыслей.

По всему выходило, что шкатулка эта происходила не из нашего мира. Что дом её здесь, на Земле, и что её надобно вернуть законной хозяйке, чтобы не навлечь божественный гнев. Надеюсь, теперь ты понимаешь, почему запрос мой оказался в небесной канцелярии. Вот только уговор с той Еленой, что мечтала на экскурсию в другой мир попасть, рассчитан был на пять дней. За это время я думала, что смогу найти куда и как вернуть шкатулку, а девушка с Земли – развлечётся и

сменит обстановку. Но всё пошло не по плану... Небесная канцелярия не только тебя с той девушкой перепутала, ещё и день.

Я не успела отпроситься у господина ректора, не успела уехать из академии, не успела... Собственно, я ничего не успела. Хорошо хоть шкатулка всегда была при мне, и с этим конфуза не вышло.

А тут ты... И весь план, и так перекроенный, полетел в бездну. Пришлось спешно обдумывать новый. Правда, если ты читаешь это письмо, значит я и его осуществить не успела».

Остановилась только лишь для того, чтобы перевести дыхание. Думать, а уж тем более анализировать буду после.

«Лена, послушай меня очень внимательно – ты должна вернуть шкатулку той, кто её создала. Только так мы сможем помешать кому бы то ни было уничтожить то, что мы любим. Будь то твой, или мой мир. Или ещё какой. Баланс и гармония между мирами всегда были основой жизни, не думаю, что ты захочешь, чтобы кто-то их нарушил.

Выяснить о богине, которая создала эту шкатулку, толком у меня не вышло. Знаю лишь то, что цивилизация, поклонявшаяся ей, давно исчезла. Я пробовала найти хоть что-то, но библиотека, которую мне посоветовал один человек, была так скудна, что ничего-то у меня не получилось.

Я знаю, что не должна перекладывать на тебя свои обязанности, но Лекс, а тем более Аманда так просто не сдадутся. Они найдут меня. Но шкатулка должна остаться в твоём мире. Она должна вернуться к своей хозяйке».

Письмо закончилось. Вот так просто. Я даже перевернула листы несколько раз, пытаюсь найти продолжение, но всё тщетно.

Что за идиотская привычка говорить полумерами? Так долго рассказывать о собственных мечтах и стремлениях, запугивать и требовать во что бы то ни стало исполнить наказ, а как дело дошло до подробных инструкция – сразу в кусты. Мол, я ничего-то не нашла, я такая бедная и несчастная, а вот ты... Ты должна исполнить всё в точности, как я сказала.

Сфинксы недоделанные, честное слово! Отгадай, Лена, загадку, да не простую, а ужасающе-таинственную! И только посмей не отгадать, тогда весь мир ждёт крах, жуть и кошмар!

ТЬфу ты... Одна напасть, с этими приключениями.

Глава 20

Такие загадочные древности

Сказать, что мой мозг взорвался, значит ничего не сказать. Богини, исчезнувшие цивилизации, дары и прочая, прочая... Впору идти к режиссёрам фильма «Индиана Джонс» или «Лара Крофт» и предлагать идеальный сюжет для очередного фильма.

Вот только как бы я не относилась к словам и наставлениям Элены, нутром чувствовала, что лучше сделать, как эта странная девушка говорит. От шкатулки веяло... смертью. Моё желание избавиться от этой вещицы возрастало с каждым днём, вот только ответа, как это сделать, как не было, так и нет.

На работе я вновь сказалась больной. Начальница сухо пожелала здоровья, негласно подведя меня под черту – не сносить головы, уволят. Но, что ни странно, сей факт меня ничуть не расстроил, а напротив, даже обрадовал. После всего-то, что со мной приключилось, по-прежнему сидеть на складе и выписывать злосчастные бумажки казалось верхом сумасшествия. Ведь так вся жизнь мимо меня пройдёт.

Кое-какие средства для терпимого существования у меня имелись, на хлеб с маслом может и не хватит, но на макаронки – вполне. А чем макароны не еда?

Так прошло почти пять дней. Я ходила в библиотеку (да, да, самой дико), изучала всё, что было связано с древними богами, божествами, всякими служителями и прочими прихвостнями. Перерыла весь интернет, в который раз проклиная гугл за его несообразительность. Действительно, чего уж тут непонятого – богиня Зиита! Не «возможно, вы имели в виду Зита, Гита», а Зиита.

В ночь с пятого на шестой день интернет вновь предложил сменить странную Зииту на... Исиду. Поначалу я вновь хотела со злостью выключить адскую машину, но взгляд зацепился за знакомый значок, который по-научному именуется иероглифом.

Осматривая шкатулку, я не нашла никаких надписей, кроме маленького стула или трона, изображённого на дне, в правом углу.

Значок как будто бы был написан графитом, или углём, но при попытке стереть его у меня ничего не вышло.

Так вот этот самый знак и был изображён на фреске вместе с древнеегипетской богиней.

– Неужели Исида? – Прошептала, сама не веря и едва не свалилась со стула, потому что стоило мне только вслух произнести имя, как шкатулка засияла мягким зеленоватым светом. Свет тут же потух, но сомнений не осталось – я, наконец-то, напала на нужный след.

Дальше я уже внимательно изучала всё, что смогла найти. И уже наутро я имела на руках билеты в Грецию, где помимо всего прочего имелся старинный полуразрушенный храм в честь Исиды.

Нет, храм ей имелся и в Египте, вот только поездка туда выходила куда дороже, поэтому я решила остановиться на Делосе, греческом острове.

И полёт, да и сама поездка в целом прошли, как во сне. Мне то и дело казалось, что я попросту сошла с ума. Чем ещё объяснить, что вместо того, чтобы внести очередной платёж по ипотеке, я вдруг срываюсь в Грецию, в поисках неведомой богини, точнее в попытке вернуть вещь, совсем не имеющую ко мне никакого отношения?

Но внутренний голос упорно твердил: «Ты должна это сделать. Должна».

И я шла, ехала, летела, чтобы в итоге оказаться у нефотогеничных развалин в толпе туристов, осматривающих памятник античной архитектуры.

Храм, точнее то, что от него осталось, выглядел... внушительно. И не из-за высоченных колонн, что каким-то чудом сохранились, а потому, что здесь чувствовалась сила. Она бурлила, отголосками жала в самое сердце.

Я застыла на несколько минут, пытаюсь перевести дыхание. Чувствуя при этом, как кончики пальцев на руках покалывает приятным теплом. После отправилась вглубь некогда величественного храма.

У меня не было чёткой цели. Я просто доверилась интуиции, которая в последнее время буквально вела меня по жизни. И не ошиблась. Я бродила между развалин, пока шкатулка, спрятанная в сумке, не нагрелась. Тогда я, оглянувшись, словно вор, и убедившись,

что за мной никто не наблюдает, вытащила её и, не зная, что делать дальше, просто опустила на мраморный камень, что боком торчал из земли.

Ничего не произошло. Совсем. Приличия ради подождала ещё минут десять. Но, нет, ничего не изменилось. Стало даже обидно, а потом появилась злость на собственную глупость. Нет, это надо же, припёрлась за тридевять земель и ради чего? Чтобы возложить шкатулку непойми куда, неизвестно зачем? Чего ради я пошла на поводу у Элены? Эта вертихвостка и сама могла бы решить свои проблемы, а не сваливать их на других!

Я опустилась на ещё один камень, стоящий рядом, не заботясь о том, что меня кто-то увидит. Посмотрела на шкатулку и зачем-то произнесла:

– И что я здесь делаю?

Конечно, со стороны я была похожа на сумасшедшую. Впрочем, я себя ей и чувствовала. А потом, в подтверждение собственных чувств, откуда-то сверху послышался низкий женский голос:

– Возвращаешь то, что было украдено.

Удивительно, но я даже не подпрыгнула. Лишь уточнила:

– Так почему же вы не забираете её?

Конечно же, я имела в виду шкатулку.

Раздался мягкий смех, и я обернулась. Позади меня стояла высокая женщина, закутанная в багровые одежды. Многочисленные складки переливались на солнце и казалось, что это не ткань вовсе, а... кровь. Стало жутко. Я вскочила на ноги и почтительно поклонилась.

Не поднимая глаз, услышала, как женщина усмехнулась и произнесла:

– Ты смелая девушка, Елена.

От похвалы этой желание сбежать отсюда возросло во сто крат. И женщина вновь рассмеялась, на сей раз по-доброму, заставляя украдкой взглянуть на неё.

– Не бойся, тебе я не причиню вреда.

Обещание было... искренним.

– Спасибо, – выдохнула и, наконец-то, выпрямилась.

Женщина была... Красивой. Не той кукольной красотой, что сейчас принята за эталон, а... Статью, силой, искрящимися золотом

глазами, под стать им золотой кожей. Правильными, пожалуй, даже слишком правильными, чертами лица.

Вся её фигура, подёрнутая прозрачной дымкой, вызывала трепет.

Пока я её рассматривала, женщина взяла в руки шкатулку, прижала её к груди и прикрыла глаза, растягивая при этом губы в блаженной улыбке.

Со стороны это выглядело... жутковато. Но нервную дрожь я сдержала, только сильнее вцепилась в ручку собственной сумки.

– Я должна отблагодарить тебя, – спустя, кажется, целую вечность, произнесла женщина.

– Не надо! – Выпалила слишком поспешно, чем вновь вызвала бархатистый смех.

– Не бойся, я лишь исполню одно твоё самой сокровенное желание, – принялась пояснять она с какой-то материнской заботой.

Но отвечать я не спешила. Выдумки, или нет, но те, кто принимает дары от богов, обычно плохо кончают. Чего мне не очень-то и хотелось. Впрочем...

Ничего озвучить я не успела. Женщина лукаво ухмыльнулась и переспросила:

– Ты уверена в этом? Дороги назад не будет.

От её слов, вместо страха, я почувствовала... облегчение. Будто впервые в жизни приняла правильное решение.

Глубоко вздохнула, улыбнулась ей в ответ и произнесла:

– Уверена...

Руины завертелись, заплясали, и мир вдруг превратился в единое размытое пятно. Но страха не было, лишь уверенность – я всё сделала правильно.

Кабинет Гриши ничуть не изменился. Всё тот же стол, всё те же горы папок и бумаг. И всё та же сгорбленная фигура среди всего этого великолепия.

– Кхм-кхм, – обратила на себя внимание.

Гриша поднял глаза, приветствуя меня дежурной улыбкой, но та моментально растаяла, и он истерично закричал:

– Что – опять? Быть этого не может! – А после самым неприличным образом грохнулся в обморок.

Глава 21

О новых приключениях

Приводила я в чувства Гришу довольно долго, ещё дольше объясняла, что теперь его вины здесь нет. Решение моё добровольное и вполне осознанное.

Григорий не верил, то и дело хватался за сердце и пытался извернуться так, чтобы дотянуться до документов и в сотый раз перепроверить их.

Наконец, после бесконечных уверений, он протяжно выдохнул и робко переспросил:

– В самом деле, это не моя ошибка?

– Нет, конечно, – повторила, кажется, в тысячный раз.

– Фух, – искренне обрадовался старичок, и бросился меня обнимать. Да так, что едва не задушил.

В итоге на подписание всех необходимых бумаг ушло очень много времени. На почти что родственные проводы ещё больше.

Собственно, в городе, неподалёку от ворот академии я оказалась уже вечером. Солнце неумолимо клонилось к горизонту и густые тени заполнили всё вокруг.

Я так торопилась попасть сюда, мечтала увидеть Закари, а когда до цели осталось всего-то с десятков шагов, испугалась.

Меня тянуло к господину ректору. И глупо было думать, что тяга эта была обоснована лишь пребыванием в чужом теле. Нет, я уже давно сама в себе, а тяга и не подумала никуда исчезать. Это о чём-то да говорит?

А Закари? Что, если я ему нравилась только в теле Элены? Впрочем, неудивительно, она такая... красивая, изящная, знающая себе цену, а я? Что от всего этого великолепия есть во мне?

– Дамочка, а вам чегось? – Мои неуверенные топтания на одном месте не остались незамеченными. К воротам подошёл бородатый сторож, мужчина преклонных лет. Раньше я его здесь не видела, а если бы и видела, то в этом теле он бы меня не угадал.

– Мне, – проблеяла еле слышно, но прокашлявшись, повторила более внятно: – Мне нужно увидеть господина ректора.

Фух, я это сказала. И даже не провалилась сквозь землю, вот только к ответу охранника была не готова:

– А вам назначено?

– Нет, – выпалила на автомате, а потом тут же поправилась: – Да, назначено!

– Так назначено или нет? – Нахмурился охранник и принялся осматривать меня внимательным взглядом.

– Назначено, – соврала на этот раз куда увереннее, но мужчину уже было не остановить.

– Как вас величать, милочка? Я что-то не припомню, чтобы господин ректор предупреждал о посетителях столь поздних...

– А вы уточните у господина ректора, – посоветовала с долей раздражения и бесшабашной наглости, и добавила, тут же растеряв смелость: – Меня зовут Лена, он должен помнить.

Нет, в самом деле, может меня и не ждёт никто, а я тут упорствую... Тоже мне отвязная девчонка.

– А и уточню, – махнул мужчина. Вроде «гулять так гулять». А потом торопливо заковылял в сторону академии.

Стоило ему уйти, как меня обуял страх, и сомнения, и непреодолимое желание сбежать отсюда, пока окончательно не опозорилась. Я стояла, усиленно рассматривая камни под собственными кроссовками и ждала, не зная на что решиться.

Наконец, я резко развернулась и направилась прочь от академии. Мысли гнали меня вперёд, и я боялась оглянуться, пока не услышала голос, от которого внутри всё сжалось и я остановилась моментально, будто в стеклянную стену врезалась:

– Лена!

Обернуться я не успела. Меня обхватили руками, и развернули, и впились в лицо каким-то безумным взглядом, что заставил и испугаться, и счастливо улыбнуться.

– Лена... – повторил Зак, не отводя взгляда.

Я так и вовсе ничего выдавить не смогла, только отрывисто кивнула в ответ, боясь, что иллюзия эта растает и окажется, что я сплю в своей собственной квартире, а все приключения были лишь красочным сном.

Господин ректор притянул меня к себе и обнял так крепко, что, кажется, даже кости захрустели. Только несмотря на это мне хотелось

большого.

– Ты вернулась, – прошептал, уткнувшись мне в волосы, с каким-то неведомым мне наслаждением втягивая воздух, будто не мог мной надыхаться. Я же сцепила руки на его спине и безумно боялась их расцеплять.

Наконец, мы оторвались друг от друга, посмотрели в глаза, и пока он не успел сказать хоть что-то, задала волновавший меня вопрос:

– Как ты узнал меня?

Нет, конечно, имя я охраннику назвала, но ведь не в имени дело? Точнее, мне хотелось верить, что дело отнюдь не в нём.

– Я узнаю тебя, в каком бы теле ты не была, – Зак улыбнулся тепло и склонился, чтобы сорвать мимолётный поцелуй. Нет, ни он, ни я не хотели бы его прерывать и превращать в мимолётный, только за нашими спинами раздалось ехидное покашливание:

– Ну, слава Луне, всё разрешилось. А то уж я было думал похоронить нашу с Заком дружбу, ведь без тебя, Елена, он стал сущей занозой в з...

– Шон! – Довольно красноречиво огрызнулся державший меня в объятьях мужчина. Я же не выдержала и фыркнула от смеха, а потом и вовсе рассмеялась, пытаюсь заглушить невовремя проснувшееся веселье, уткнувшись в накрахмаленную рубашку, пахнущую им.

Довольно быстро смех перерос в слёзы, что вновь удивило меня. А вот Зак не растерялся, подхватил меня на руки и чеканя шаг направился в сторону академии.

У меня была истерика. Самая настоящая. И я никак не могла успокоиться, хоть и понимала, какой дурой выгляжу со стороны.

– Я боялась... – помимо слёз и всхлипываний я пыталась ещё и говорить, – Что не увижу. Никогда. Я боялась...

Это было правдой. Все эти дни я жила с какой-то иррациональной надеждой на скорое возвращение и только сейчас поняла, если бы не щедрость богини Исида, возвращения бы не было. И тогда все мои чувства, вспыхнувшие столь неожиданно, остались бы лишь в воспоминаниях. Вместе со студентами и мечтами хоть как-то изменить свою жизнь.

– Всё хорошо, – только и повторял Зак, давая мне выплакаться. И я плакала, пока слёзы не закончились, оставив после себя жутковатое ощущение опустошения.

– Всё хорошо, – в который раз повторил мужчина и я ему поверила.

Когда исчез Шон я не заметила, да и не жалела о его исчезновении ни капельки. Мне хотелось, чтобы только Закари был рядом.

– Так почему ты узнал бы меня, в каком бы теле я не явилась? – Лёжа в обнимку на огромной ректорской кровати, я посмотрела на него, приподняв голову.

Зак сомневался всего мгновение, а потом честно признался:

– Потому что ты предназначена мне Луной.

От его ответа шестерёнки в моей голове со скрипом завертелись.

– Луной? – Переспросила, спустя несколько мгновений.

– Да, – тяжело выдохнул Зак и принялся рассказывать мне о том, что оборотни, вроде него, раз в жизни встречаются ту, ради которой готовы на всё. Предназначенная Луной избранница становится смыслом существования, воздухом, луной и солнцем.

– Так значит дело не в красоте Элены? – После столь бурного обсуждения, спросила осторожно.

– В красоте Элены? – Коротко хохотнул Зак. – Знала бы ты, как я злился на себя, когда меня вдруг потянула к собственной подчинённой, хотя раньше такого вовсе не было. Думал, из ума выжил на старости лет.

– Ты не старый, – выдохнула с облегчением, чувствуя, как ком неуверенности растворяется.

– И старый, и глупый, – возразил Зак, – раз позволил этому сумасшедшему похитить тебя прямо у меня из-под носа.

При воспоминании о Лексе, по спине пробежал холодок.

– Их поймали?

– Женщину нашли почти сразу, а вот мужчина успел сбежать. Но его поймают, обязательно. Уж я приложу к этому руку.

Оказывается, Аманда и Лекс олицетворяли собой эдакое всемирное зло, только масштабы их деятельности не были столь объёмными. Эти двое являлись бастардами одного лорда, который скончался, оставив наследство (как удивительно) законным детям. Эти же дельцы вознамерились получить свою долю от жирного торта. Для этого они и искали шкатулку, хотели получить не то божественную силу, не то признание высшим обществом в них таких же законных наследников.

Как известно, повернуть у них ничего не вышло.

– А Елена? – Спросила осторожно, не зная, как Зак отреагирует на этот вопрос.

– Елена... – со злостью процедил он. – Елена попала на обычную удочку – деньги. Они ей пообещали довольно крупную сумму. Девушке бы хватило на безбедное существование, если и не до конца жизни, то на довольно долгий срок.

– Так её... наказали?

– Не совсем... Следствие признало, что вина девушки не столь серьёзна во всей этой затее.

– Отпустили? – Удивилась такой щедрости местного управления.

– Нет, конечно, но, что-то мне подсказывает, что отпустят.

И так это «что-то» прозвучало интересно, что я не выдержала и вновь приподняла голову, чтобы посмотреть на Зака. Он улыбался. Лукаво так, и прежде, чем я задала вопрос, опередил меня:

– Не спрашивай. Скоро сама всё узнаешь.

Хорошо... Раз узнаю, значит узнаю. Но разжечь во мне любопытство у господина ректора получилось.

* * *

Кажется, я так и уснула, слушая размеренные удары мужского сердца. А проснулась от лёгких поцелуев, которые буквально сводили с ума.

– М-м-м-м... – промычала, не размыкая губ и выгнулась, желая получить гораздо больше одних лишь поцелуев. Правда, блаженная нега тут же прервалась.

– Я бы продолжил, маленькая моя, но нас ждут... – голос Закари звучал ужасно хрипло, от чего горячая волна прокатилась от головы до самых пят.

– Ждут? – Пытаясь прогнать марево вожделения, заговорила так и не открывая глаз.

– Ждут, – вновь повторил мужчина, ничуть не объяснив, что он этим хотел сказать.

– Кто? – Открыла глаза, встречаясь с невероятным пылающим взглядом.

Зак поморщился, и тут же попытался сгладить гримасу улыбкой:

– Мой дед. Он ждёт нас через час.

Сон и негу как рукой сняло.

– Дед? – Говорить спокойно было трудно, но я старалась, как могла.

– Да, – подтвердил мужчина. – Он хочет с тобой познакомиться. Сегодня.

Последнее он припечатал так, будто в гроб последний гвоздь забил. По сути, именно так я себя и чувствовала – заколоченной в гробу, без возможности отказаться или избежать такой участи.

Завтрак и сборы прошли в напряжённом молчании. Было видно, что Закари тоже не очень-то рад открывшейся перспективе. От чего я нервничала сильнее и сильнее. В итоге, когда он уже открыл портал и подал мне руку, я свои ладони малодушно спрятала за спину.

– Может не надо?

Зак тяжело вздохнул и портал с тихим хлопком исчез.

– Я бы рад остаться, но... Не могу, – он обнял меня и ласково погладил по спине. – Тебе не нужно его бояться, вредность деда распространяется только на меня.

И с такой болью это было сказано, что я почему-то приободрилась. Ну уж нет, не позволю я всяким дедам обижать моего... мужчину? На последней мысли я споткнулась, а потом осознав, что так оно и есть, широко улыбнулась:

– Хорошо, пойдём, – отстранилась первой и взмахнула в воздухе рукой. Портал, конечно, не открылся, но Закари понял меня.

Он улыбнулся мне в ответ и уже через мгновение, после неприятного головокружения, мы оказались перед высоченным особняком, рядом с которым кто угодно почувствует бы свою ничтожность.

Глава 22

О том, что родственники бывают разные

Но не только особняк так впечатлил меня. На пороге огромных парадных дверей стоял... лакей. Прямо-таки самый настоящий. Вид он при этом имел настолько невозмутимый, что мне стало совестно за своё появление здесь. Будто я случайно прокралась на съёмочную площадку, где снимают самый настоящий исторический фильм. Это ощущение и во время моей прогулки по городу меня преследовало, но сейчас я прочувствовала всё куда ярче.

Прижалась теснее к Заку, пытаюсь найти защиту и поддержку, что он незамедлительно и продемонстрировал. Обнял меня и мягко коснулся губами виска.

– Пойдём, – шепнул, едва слышно и подтолкнул вперёд. А подходя к дверям произнёс: – Здравствуй, Энгле.

– Доброго дня, господин Закари, – произнесено приветствие было так, словно ничего-то особенного не произошло.

Подумаешь, явился господин Закари в обнимку с неизвестной особой, что тут такого? Невозмутимость у этого Энгле прямо-таки на высшем уровне.

Двери нам открыли, смотря куда-то вверх наших голов, пропустили вперёд и спокойно закрыли эти самые двери. А когда массивные железные ручки стукнулись о массивные же золотые узоры, я вздрогнула всем телом, уж больно недобрым показался мне этот звук.

Внутри дом был не менее огромный и впечатляющий, чем снаружи. Какой-то просто необъятный холл, за ним таких же исполинских размеров гостиная с внушительного размера камином и маленьким, невзрачным креслом перед ним.

В камине этом горел огонь, а в кресле сидел сухопарый старик. И из-за необъятности комнаты фигура старика этого казалась вовсе игрушечной. Только до того момента, пока он не повернулся к нам и не одарил цепким, слишком оценивающим взглядом. Взглядом, в котором кроме брезгливости и недовольства вовсе ничего и не было.

– Здравствуйте, лорд Хэвил! – Сухо, холодно даже поздоровался Закари. Словно и не родственник перед ним, а чужой, мало знакомый человек.

Лорд Хэвил смотрел на меня, отчего холодный пот по спине стекал Ниагарским водопадом. И не удостоил Закари ответом. Лишь уголок губ дёрнулся в слабом подобии улыбки.

– Ну-ка, ну-ка, – с непонятым энтузиазмом проскрипел он, – Очень интересный экземпляр.

И протянул руку, давая негласное распоряжение отдать ему... меня? Вскинула голову, чтобы посмотреть на господина ректора. Он лишь глаза поднял к потолку, а потом совсем неутешительно произнёс:

– Не бойся. Иди к нему.

То есть, экземпляром, да к тому же интересным была я?!

Хотелось воспротивиться, показать характер, но эти глаза... Нет, я совершенно точно не смогла бы бороться с эдаким... экземпляром.

Сделала шаг, потом ещё один, пока мне не протянули руку и не схватили протянутую ладонь с такой силой, будто вознамерились её, как минимум, оторвать.

– О-о-очень интересно, – старик проскрипел вновь, и без того пугающие глаза вспыхнули золотым светом. Руку я всё же вырвала и для надёжности спрятала за спину. А потом распрямила плечи и пытаюсь не выказывать страха, спросила:

– Позвольте спросить, что такого интересного вы нашли во мне? – Голос мой дрожал, и я бы с радостью уняла эту позорную дрожь, вот только не получалось. Потому что, как бы я не хотела казаться храброй, таковой я не была.

На лице, где помимо брезгливости прочесть ничего нельзя было, воцарилось безграничное удивление, слишком быстро переросшее в непонятное мне веселье.

– Надо же, у неё есть зубки! – С каким-то ужасающим восторгом бросил лорд Хэвил и я поняла, что стоило молчать. Может тогда нездоровый интерес старика сошёл бы на нет.

Впервые после того, как мы вошли, он посмотрел на Закари. Открыто, без хмурого недовольства.

Правда мужчина, стоящий у меня за спиной, совсем не впечатлился от такой перемены. Напротив, разозлился.

– Не смей отзываться о ней так... – буквально процедил он сквозь зубы, и я почувствовала, что он сократил, разделявшее нас расстояние, и положил ладонь мне на плечо. Стало чуточку спокойнее.

– Как? – Старик внука вовсе не испугался, лишь посмотрел на меня каким-то особенным взглядом. Будто попытался проникнуть в мою голову и изрядно там покопаться.

– Так, – огрызнулся Закари, видимо, не находя более веских аргументов.

Разговор наш всё больше превращался в театр абсурда. А судя по тому, как мужчины смотрели друг на друга, то и до драки было недалеко.

– Всё! – Неожиданно, в первую очередь для самой себя, бросила резко. – Хватит! Давайте поговорим нормально.

Нормально – было определяющим словом. Потому что я абсолютно ничего не понимала. Я понимала Закари – его вспыхнувшую злость и отголоски застаревшей обиды. Я чувствовала всё, что чувствовал он, и это добавляло беспокойства.

– Хороша-а-а, – тихо протянул лорд Хэдвил, но просьбе моей внял и предложил: – Пройдёмте в малую гостиную.

Закари хотел ему что-то возразить, но я накрыла своей ладонью его руку, и он сдался, покорно пошёл за собственным дедом. Шли мы недолго. Малая гостиная представляла из себя довольно уютную комнату – с небольшим журнальным столиком у окна, парой кресел рядом, небольшой софой у стены и стеллажами с книгами. Последних было не очень много, но все они выглядели, как музейные экспонаты – кожаные корешки с золотыми, сияющими буквами и замысловатыми рисунками.

– Присаживайтесь, – лорд Хэдвил повелительным жестом отдал приказ, опять же при этом смотря на меня.

Я присела на софу, подальше от ненормального старика, а Закари пришлось сесть в кресло напротив деда.

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь стуком стрелок в напольных часах. Они так бы и молчали, если бы я робко не предложила:

– Может быть, всё же начнём?

Нет, мне вовсе не хотелось услышать то, что последовало после моего предложения, но... Я сама попросила.

– Если ты хочешь, чтобы я помог, она останется здесь, – лениво, с эдакой ехидной улыбкой припечатал лорд Хэдвил.

– Что?!

– Нет!

Произнесли мы одновременно, и старик нехорошо так ухмыльнулся.

– Тогда ты знаешь, где выход, – бросил спокойно и отвернулся к окну.

– Ты не посмеешь! – Огрызнулся Закари на что получил словесную оплеуху:

– Не посмею? Это кто ж тебе такую глупость сказал?

Они вновь схлестнулись взглядами и разговор наш опять свернул не в то русло.

– Подождите, – пришлось выступать в роли миротворца. – Объясните мне толком, что вы хотите, лорд Хэдвил, и в чём будет заключаться ваша помощь?

Старик повернулся, смотря на меня одобрительным взглядом, и начал говорить:

– Видите ли, милая, – обращение его не несло ничего оскорбительно, потому я даже глазом не моргнула. – Я могу помочь вашему дару. Маги с чистой энергией весьма опасны не только для окружающих, но и для самих себя. А я могу научить вас управляться с этим даром и не ждать этой опасности ежечасно. Вот только, как вы понимаете, обучение это вовсе не из простых, и чтобы контролировать процесс мне нужно наблюдать за вами каждый день. Перебираться из поместья даже ради вас, – тут он бессовестным образом подмигнул мне, – Куда-либо я не намерен, а посему выходит, что вы должны остаться здесь.

Доводы его были... убедительными. Очень и очень убедительными. Даже возразить было нечего.

Раз я вернулась в этот мир в своём теле, раз желаю остаться здесь навсегда, то... Я должна совладать с даром. Это... правильно.

Я нахмурилась, пытаюсь принять собственные выводы, но тут заговорил Закари:

– Я буду контролировать её вне ваших занятий, – выдвинул своё предложение, которое, впрочем, тут же разбилось о непреклонность лорда Хэдвила.

– Я же сказал, ты знаешь, где выход.

Господин ректор сцепил зубы, так что неприятный скрежещущий звук стал слышен даже мне, но возражать не торопился. Тогда слово взяла я.

– Я согласна, – произнесла, словно в ледяную воду с обрыва прыгнула.

Закари вскочил со своего места, чтобы сказать что-то, только его перебили:

– Я же сказал, что она весьма любопытный экземпляр, – и ухмыльнулся, словно сытый кот.

Вот только я такое обращение терпеть была не намерена:

– Я не экземпляр, и уж тем более не любопытный, так что попрошу меня так больше не называть.

Лорд Хэдвил цокнул языком, вознамерившись что-то сказать, но потом лишь поднял вверх обе руки, показывая, что моё требование он услышал и даже готов исполнить его.

Что ж... Надеюсь, я приняла правильное решение.

Глава 23

О том, что, соглашаясь, думай о последствиях

Закари долго отговаривал меня. Приводил доводы, вполне себе жизнеспособные, вот только все они разбивались о единственный вопрос: «Ты знаешь ещё одного человека, кто сможет научить меня управлять магией?»

Тут господин ректор отводил взгляд и замолкал.

Лорд Хэдвил же за всё время нашей перепалки не произнёс ни слова. Он ухмылялся, качал головой, возводил очи к потолку, но молчал. И это было лучшим, что он мог сделать в данной ситуации.

Наконец, когда логические доводы закончились, Закари отвёл меня в коридор, оставив вредного старика в одиночестве, и произнёс:

– Лена, ты понимаешь, что мой дед тиран и деспот? Что он не знает ни жалости, ни пощады?

– Я всё слы-ы-шу-у, – протянул невозможный лорд Хэдвил, и Закари уже вознамерился сорваться с места и вернуться в гостиную, чтобы высказать родственнику всё, что о нём думает, но я остановила его. Взяла за руку, заставила посмотреть мне в глаза.

– Зак, – впервые отважилась назвать его сокращённым именем. – Не надо.

В моей просьбе было куда больше, чем можно выразить словами. И он это понимал.

– Я справлюсь, – добавила убеждённо, хотя уверенности вовсе не чувствовала. Да это и не важно, я знала, чему хочу научиться, и готова была ради этого рискнуть.

Закари открыл было рот, чтобы возразить мне, но так и закрыл его, не произнеся ни звука.

– Хорошо, – только и пробормотал покорно.

– Но-но, – прямо над нашими головами пробасил неугомонный старик. – Чтобы в моём доме этого непотребства больше не было.

Хотела я ему сказать, что такое на самом деле непотребство, но промолчала. А то глядишь, старика ещё удар хватит, и мне не у кого

будет учиться.

С Закари мы расстались ещё спустя пару часов. За это время он всё пытался навязать собственному деду свои правила, но... Даже я поняла за столь короткое время знакомства, что этому человеку невозможно ничего навязать.

В итоге мы сошлись на том, что Зак уйдёт и вернётся с необходимой мне одеждой, и не только ей, на что лорд Хэдвил многозначительно так произнёс:

– Ты же знаешь, в какой одежде ей будет удобно?

Я хотела возмутиться, неужели этот старик ещё и здесь диктовать свои правила будет, но Закари неожиданно легко согласился, понурился при этом голову:

– Знаю.

Следом открыл портал и исчез, оставив меня наедине с этим... этим... ужасным лордом.

Несколько минут прошли в полной тишине, и если я чувствовала смущение, понимая странность ситуации, то старик вовсе не испытывал никакого неудобства.

Только когда часы пробили пять раз, он резко поднялся и обратился ко мне:

– Будь я порядочным человеком, я бы пригласил вас за стол выпить чаю, мисс Елена, но так как порядочность не мой конёк, да и я не совсем человек, то... – тут он громко хлопнул в ладоши два раза и на пороге гостиной, словно из-под земли вырос, появился Энгле.

– Проводи гостью в выделенные ей покои, – лакей почтительно поклонился и застыл в ожидании.

Теперь лорд вновь обратился ко мне:

– На кровати лежит тренировочный костюм, – на слове «костюм» уголок его рта дёрнулся в намёке на улыбку, да только намёк этот тут же пропал. – Переодевайтесь и Энгле проводит вас в тренировочный зал. Я буду ждать.

Во всём, что он сказал мне, самым удивительным показалось, что покои мне были выделены... заранее? Получается, этот вредный старикашка знал, что я соглашусь? Неужели, я настолько предсказуема? Когда только он успел изучить меня?

Но все эти домыслы я оставила при себе и, поклонившись, отправилась вслед за молчаливым лакеем. На протяжении всего пути

(по огромной гостиной, вверх по широченной лестнице, вдоль по бесконечному коридору), Энгле молчал. Шёл так, будто вовсе никого не сопровождал. Это и радовало, и нервировало одновременно. И какое из этих чувств было сильнее, я сама затруднялась ответить.

Комната, ошибочно названная лакеем спальней, имела огромную площадь, но при этом такую... неудобную. Будто никто и никогда вовсе не жил в ней. Но все необходимые удобства здесь имелись – и туалет, и ванна исполинских размеров, и гардеробная, в которой, при желании, можно было потеряться.

А вот «костюм», лежащий на кровати, неожиданно порадовал. Простые бриджи и рубашка, всё из какой-то натуральной ткани, напоминающей лён, только гораздо мягче. В самом деле, называть это костюмом было странно, но размер подошёл идеально, так что я вновь удивилась эдакой осведомлённости лорда Хэвила. Удивилась, а злиться не стала. Потому что одежда в самом деле была удобной, без всяких ненужных рюшечек, бирюшечек, и длинных подолов со складками.

Переодевшись, осторожно выглянула в коридор – Энгле ждал меня там, и лицо его оставалось таким же безмятежно-бесстрастным. Так же молча мы прошли путь назад, только не зашли в большую гостиную – сразу после лестницы свернули налево и вошли в низенькую, совершенно неприметную дверь.

За ней был, я даже не удивилась, длинный коридор, по обе стороны которого имелись двери. Очень много дверей, и все они выглядели до ужаса одинаковыми. У меня даже сложилось впечатление, что мы не идём, а топчемся на месте. А к концу бесконечного коридора даже перед глазами рябить начало. Словом, когда мы пришли, я была рада увидеть хоть что-то, помимо этих дверей.

Мы оказались в просторном зале, пол которого был устелен песком, а из низеньких арочных окон лилось удивительно много солнечного света. Песчаный пол будто был залит им до самых краёв. В столбах света переливались мелкие песчинки пыли, что поднималась к сводчатому потолку и это было... невероятно красиво.

– Неплохо, но можно было бы быстрее, – оборвал созерцание недовольный скрипучий голос. Именно в этот момент дверь за моей

спиной скрипнула, отрезая меня от бесконечного коридора, и... в замке пару раз провернулся ключ.

Мне вдруг стало страшно.

– Нас в самом деле закрыли? – Оставила его колкую фразу без ответа и задала волнующий вопрос.

– Да, – не выказал удивления лорд Хэдвил, подходя ко мне ближе. – Это чтобы, дорогая моя, ты не сбежала раньше времени, – а потом тише добавил, наверное, думая, что я не услышу: – И чтобы один резвый юнец не вздумал прервать тренировку.

Эм... И на что же я подписалась?!

– Ну давай, показывай, что ты умеешь, – щурясь от солнца, произнёс старик и принялся стягивать с себя рубашку, а после потянулся и к шёлковому поясу на брюках.

Я попяtilась, при этом сжимая руки в кулаки. Нет, нет, это не то, о чём я думаю, он просто будет обучать меня...

«Каким это образом?» – Не ко времени вмешался ехидный внутренний голос.

Действительно, каким образом?

– Ничего не умею, – пропищала мышью.

– Э-э-э, нет, – погрозил мне пальцем старик, продолжая распутывать длинный пояс. – Не можешь ты ничего не уметь. Как-то же мой оболтус понял, что ты владеешь чистой магией.

Понял... А как?

От страха у меня мысли спутались, и я сама уже не знала ответа ни на один вопрос. Потом меня осенило:

– Я просто защищалась, – проблеяла ещё тише, но мужчина услышал и ка-а-ак закричит:

– Ага! Значит, когда угрожает опасность! – И так мне предвкушающий блеск в его глазах не понравился, что я бросила пятиться и просто побежала в противоположный угол от этого ненормального.

– Вот сейчас мы и провер-р-рим! – Бросил громко и последнее слово его потонула в оглушающем рыке.

«Только не оборачивайся, только не оборачивайся...» – бормотала про себя. Это как в детстве – если ты не видишь чудовище, то его не существует.

Хотя, чувствуя я, что такой способ не прокатит.

Обернуться всё же пришлось, да и как проигнорировать, когда тебе в спину дышит... нечто огромное?

А когда я посмотрела на гигантского белого тигра – не того замечательного тигра, каким был Закари, – а на сумасшедшего, безумно злого, с голодным блеском в пожелтевших глазах, то... Возжелала позорно грохнуть в обморок, но зверюга предугадал моё желание, и замахнулся здоровенной лапой.

Терять сознание я передумала и решила вспомнить уроки физической культуры, правда по скорости, уверена, я могла бы посоревноваться и с олимпийскими чемпионами.

Теперь понятно, почему он не позвал меня за стол, потому что сам решил закусить одной маленькой доверчивой попаданкой. Теперь понятно, зачем он приказал Энгле закрыть дверь. Теперь... А, да какая разница, что там теперь! Как мне выпутываться из этой передраги?

Тигру бегать быстро надоело, поэтому он одним прыжком догнал меня, и отшвырнул лапой в сторону, от чего я упала и больно приложилась головой о каменную стену. На мгновение перед глазами заплясали чёрные точки, а когда я тряхнула головой, отгоняя их, увидела, что здоровенный зверь, скалясь, подходит ко мне.

Я забыла всё на свете, даже если бы кто-то спросил, как меня зовут, вряд ли бы ответила. Я видела лишь жёлтые горящие глаза, и острые, словно бритва, зубы, с которых медленно стекала вязкая слюна.

Закрыла глаза, готовясь к бесславной смерти, но ещё мгновение, и меня накрыло волной удушающей злости. Неужели я для этого изменила свою жизнь, чтобы умереть от лап ненормального старика?! Нет уж! Не дождётесь!

Глаза я распахнула и выставила перед собой руки. Ладони слегка обожгло, а потом... Потом зверюга с удивлением, что отпечаталось на его морде, отлетел в противоположный край тренировочного зала. Вот так – стоял здесь и уже лежит там.

Ещё мгновение и дверь с грохотом сорвалась с петель, и я увидела бледного, перепуганного Закари. Он спрыгнул на песок и со всех ног побежал ко мне. В противоположном же углу, вместо тигра появился обнажённый лорд Хэдвил, который с маниакальной улыбкой стирал кровь с губ:

– А говорила, ничего не умеешь!

Нет, он в самом деле сумасшедший садист...

Глава 24

О том, что упрямство лучший помощник

Три месяца спустя

Чего мне стоило остаться в особняке лорда Хэдвила – словами не описать. В тот злополучный день, когда старик решил сразу выяснить насколько сильна моя чистая магия, я всё же потеряла сознание. Не красиво упала в услужливо подставленные руки Зака, а бесформенным мешком свалилась в песок, и потом ещё долго чувствовала его вкус во рту.

Очнулась многим позже в какой-то незнакомой комнате, лёжа на узкой софе. А вокруг меня творился хаос... Закари извергал такие ругательства и проклятья, что будь я кисейной барышней, непременно вновь лишилась бы чувств, а так лишь слегка покраснела. Но не это было главным – дед господина ректора вторил ему тем же. От напускного спокойствия и ледяного безразличия не осталось и следа. Старик эмоционально взмахивал руками, топал ногами и доказывал, что сделал всё правильно. Что ничего-то моей жизни не угрожало, и он всего лишь ускорил процесс обучения.

Как ни печально было это признавать, но в его словах была доля правды. Меня не очень-то покалечили, а магию почувствовать заставили. И теперь эта магия никуда не пряталась, как случилось после первого всплеска, она бурлила в венах, наполняя меня неясным желанием что-нибудь сделать.

Я понимала, что совершаю глупость, но... Приняла сторону лорда Хэдвила. И уговаривали мы непреклонного Закари уже вдвоём.

Потом, после того, как упёртого и недовольного мужчину удалось отправить восвояси, а я осталась наедине с чокнутым стариком, он, расплываясь в довольной улыбке, произнёс:

– А ведь я тебя сразил наповал, не так ли? – И ушёл, оставив меня переваривать, к чему относилась его реплика.

Только потом, смывая с себя злосчастный песок, я поняла, что он имел в виду. И покраснела. От ушей, до самых пят. Вот ведь...

прохиндей!

* * *

– И что это за финт ушами? Я тебе как показывал?!

– Бестолочь, вот же бестолочь!

– Чего ты рвёшь? Чего рвёшь? Я же сказал плавно!

– Бездарность!

– Одним словом – баба! Тебе бы крестиком вышивать, а не магию покорять...

Всё это я выслушивала молча и лишь крепче сжимала кулаки. Третий месяц к ряду лорд Хэдвил мучал меня тренировками. И «мучал», это отнюдь не преувеличение. В конце дня я едва передвигала ноги и единственное, на что у меня оставались силы, это пожелать Заку доброй ночи по кристаллу связи и тут же отключиться до самого утра. Которое, кстати, наступало с первыми петухами.

Сегодняшний день был особенным. Тиран и деспот по имени Хэдвил, пожаловал мне «увольнительную». Не на весь день, конечно же, а только на вечер. Думается, его щедрость аукнется мне жёсткими тренировками, но... Я очень хотела вырваться из этого плена. Мне было жизненно важно увидеть Закари не на пять минут сквозь размытые лучи кристалла, а по-настоящему. Ощутить его запах, почувствовать прикосновения...

– Куда ты... – успела услышать разгневанный голос, прежде чем поняла, какую ошибку допустила.

Сгусток огненной магии сорвался с раскрытых ладоней и направился на флегматично настроенного Энгле. Что бы ни происходило, он всегда оставался равнодушным, даже сейчас, когда опасность была вовсе не эфемерной, а самой что ни на есть настоящей.

– Пригнись! – Крикнула, что было сил, но мужчина лишь скривил рот в подобии улыбки и остался стоять на месте.

Хэдвил тоже не предпринял никаких попыток, лишь скрестил руки на груди и поджал тонкие, бескровные губы.

Я с ужасом понимала, что не успею преградить путь вырвавшейся магии, а потому застыла истуканом. Сгусток приблизился вплотную к

дворецкому и... растворился в нём. Потух. Словно его поглотила водная толща.

Что? Как такое возможно?!

Открыла рот, да так и закрыла его, потому что совершенно точно не понимала, что же только что произошло. Я бы так и стояла, если бы лорд не подошёл и не похлопал по плечу, возвращая меня в реальность:

– Энгле поглотитель. Ты же не думала, что он просто так торчит на твоих тренировках?

На самом деле, именно так я и думала. Первое время правда недоумевала – неужели у мужчины в таком огромном особняке нет больше дел, как только смотреть на мои неумелые попытки обуздать магию? Потом махнула на него рукой – хочет смотреть, пусть смотрит, мне не жалко.

– Не думала, – буркнула недовольно, вновь обретя дар речи. – Тренировка закончена? – Посмотрела на мужчину исподлобья. Настроение стремительно скатилось вниз от осознания, что меня опять макнули лицом в грязь.

– Закончена, – Хэдвил же, напротив, воодушевился и даже соизволил улыбнуться. Ехидно так, чтобы я точно поняла, насколько глупа и бестолкова.

В комнату я ввалилась, буквально кипя от злости.

– Ты же не думала, – передразнила вредного старикашку, и рухнула на кровать прямо в грязной тренировочной одежде. – Конечно, не думала. У меня с этими мучениями мысли вообще редкие гости.

«Так ты всегда вольна уйти» – ехидно напомнил внутренний голос. И злость тут же как ветром сдуло.

Уйти-то я могу, но... Что мне потом делать? Всю жизнь сидеть на шее у Закари? Ну нет, я женщина современного мира, у меня не получится быть нежным цветочком, способным лишь покорно кивать головой и делать лишь то, что позволят. Я хочу хоть чего-то добиться сама. Состояться, как человек, уже в этом мире.

Только это и останавливало меня изо дня в день. Только ради этого я терпела и унижения лорда Хэдвила, и его же желание превратить меня едва ли ни в идеального бойца магической армии. Я не роптала, разве что в стенах этой комнаты, не пыталась, боги упасите, пожаловаться Закари. Я сносила всё молча во имя высоких

идеалов. И эту шпильку, с умением Энгле поглощать чужую магию, словно губка, тоже снесу. Не развалюсь, не сахарная же.

Времени до назначенного часа осталось не так уж и много. Поэтому я отправилась в ванну, смыла вездесущий песок, высушила с помощью магии волосы и уложила их в простую причёску. Нашла в шкафу единственную подходящую случаю одежду – нежную белоснежную блузу с тончайшим кружевом и светлую молочную юбку, спускающуюся немногим ниже колен. Покрутилась возле зеркала, довольно улыбнулась своему отражению и направилась вон из этой комнаты, из этого дома.

Закари уже ждал меня на первом этаже у подножия лестницы. И вот иду я, как в лучших фильмах Голливуда, под полыхающий взгляд мужчины. Переступаю со ступеньки на ступеньку и чувствую, что всё это не зря. Ни ошибка Григория, ни моё желание вернуться сюда уже в настоящем теле, ни мечта покорить магию. Всё только для того, чтобы быть рядом с ним.

– Куда отправимся? – Когда я спустилась и оказалась прижата к его телу, Закари с трудом выговорил эти пару слов.

– Куда угодно, – так же с трудом выдохнула ему в грудь. За нашими спинами многозначительно хмыкнул вредный старик, но лица я его уже не увидела – Зак перенёс нас куда-то порталом.

Глаза я открыла не сразу. Не потому, что боялась выбора моего мужчины, а потому что хотелось продлить этот миг – миг в его объятьях. А когда-таки открыла, то не сдержала восторженного возгласа:

– Ничего себе!

Мы оказались на берегу моря... Песчаную кромку облизывали ленивые волны, а закатное солнце окрашивало их в насыщенные красно-оранжевые цвета.

– Нравится? – Закари обнял меня со спины и уложил подбородок на мою макушку.

– Очень! – Призналась честно, ничуть не лукавя.

– Мне тоже... – его фраза прозвучала так многозначительно, что я на миг даже растерялась. А потом вспыхнула, чувствуя в груди оглушающую радость от его слов и намёка.

Так мы и стояли, пока Закари не заговорил снова:

– Лена... – начал он и после небольшой паузы продолжил: – Ты выйдешь за меня?

– Да, – просто ответила я, потому что точно знала, что только так и могу ответить.

Потом была беседка, и неторопливый ужин. Кольцо, клятвы и поцелуи. Очень много поцелуев...

* * *

– Нагулялись? – Вернувшись домой и с трудом попрощавшись с Закари, я едва не закричала, обнаружив в своей комнате лорда Хэдвила.

– Да, – ответила осторожно, тут же пряча руки за спину, лишь бы он не увидел кольцо. Но было уже поздно.

– Значит всё же решился, – хмыкнул с непонятной мне интонацией.

– Решился, – вторила ему, делая крохотный шаг и опускаясь на край кровати.

Наступила тишина и я первой её нарушила:

– Почему вы его так не любите?

За всё время, пока я провела здесь, лорд никогда не отзывался о своём внуке благосклонно. Всегда либо с пренебрежением, либо с откровенной злостью.

Он вновь хмыкнул, глубоко вдохнул, но... Промолчал. Тогда взялась говорить я.

– Вы всегда хотели сделать из него другого человека. А он и сам по себе достоин уважения, без ваших понуканий и поучений. Он прекрасный ректор, замечательный руководитель, он...

– Думаешь, я этого не знаю? – Лорд Хэдвил со смешком прервал моё красноречие.

– Знаете? – Глупо переспросила. – Так почему...

– Почему не говорю ему об этом? – Он правильно понял ход моих мыслей, и я лишь кивнула. – Потому что... я боюсь.

Признание вышло слишком... ошеломляющим.

– Чего?!

– Того, что он зазнается, что решит, будто лучше всех. А ведь репутацию так легко потерять. Это лишь приобрести её сложно, а профукать – делов на пять минут.

– Но почему... – начала и замолчала. Мужчина тоже молчал.

– Его отец тоже сделал блестящую карьеру. Советник его величества по военным делам. Чтобы ты понимала, на эту должность так просто попасть нельзя было. Там глупых не держат. Он и не был глупым, только лишь... Тщеславным гордецом. Как попал в высший свет, где многие прогнили с головы до пят, так и... Потом ещё с ней связался...

Лорд, сидевший до этого в кресле, встал и подошёл к окну, за которым было темно и тихо. Природа отправилась на положенный ей покой, чтобы завтра вновь ожить.

– Я сам виноват, не усмотрел. Вовремя не остановил. Закрывал глаза на его мелкие грешки. Потом мелкие потянули за собой крупные, долги росли, а он никак не мог остановиться, пока не проиграл всё, что у него было. Когда родился Закари, я сразу забрал его к себе, дав обещание, что не позволю ему пойти по стопам отца. Я слишком много давал свободы сыну, так что впредь не повторю такой ошибки.

Мне были понятны его переживания и суждения, но... Он ведь не прав.

– Лорд Хэдвил, – окликнула его, когда он ушёл глубоко в свои мысли. – Но ведь Закари не похож на своего отца, он... другой...

– Другой, – спустя несколько минут молчания, согласился он. – Упрямый, гордый, всего добивающийся сам. Ведь он когда учиться пошёл, взял фамилию матери, лишь бы доказать мне, что и без моего имени чего-то стоит...

Тут он обернулся, и я увидела на его губах довольную улыбку.

– Я знаю, что он другой, но...

– Боитесь, – закончила за него, на что лорд лишь согласно кивнул.

Вновь воцарилась тишина, а потом я сказала:

– Я вас понимаю, правда. Но Закари ни в чём перед вами не виноват...

На это он ничего не сказал, лишь вышел из моей комнаты, у самой двери пожелав доброй ночи.

Глава 25

О том, что будет

Меня раздражало абсолютно всё. И ведь повода не было, а поди ж ты... Окружавшие меня девушки неимоверно злили, платье не казалось уже таких сногшибательным, как в день примерки накануне. Причёска совсем не та, и я... тоже не та.

Если мыслить рационально, то не сложно догадаться, что всему виной нервы, но... Рациональность мне изменила, а мысли вовсе разбежались кто куда.

– Госпожа, прошу вас, не вертитесь, сейчас уже закончим! – Эпатажная дама, именуемая мадам Жозефи, манерно всплеснула руками и недовольно покачала головой.

Её салон свадебных платьев считался лучшим во всём королевстве, и хоть выглядела она вызывающе, да и вела себя соответствующе, но в моде действительно понимала. Чувствовала каждого клиента и безошибочно предлагала то, что поражает в самое сердце.

– Мне не нравится, – последовала её примеру и тоже всплеснула руками. Девочки, что кружились вокруг меня, словно испуганная стая пташек разбежались в стороны. Учёные... Знают, что клиенты, одарённые магией, ненароком и покалечить могут.

– Что не нравится? – Почти спокойно поинтересовалась мадам.

Я всхлипнула и слезла с пьедестала, на котором торчала уже больше трёх часов. Босыми ногами прошлёпала по полу и уселась на кровать. В той самой комнате, в особняке лорда Хэдвила.

К слову, на следующее утро после не очень приятного, но откровенного разговора, вредный старик непреклонно заявил, что выдавать меня замуж будут отсюда. И никаких возражений по этому поводу он слушать не желает.

Честно сказать, возражать я и не думала. А вот Закари принялся упрямитесь, мол мы со всем справимся сами и уж тут помощь деда ему совсем не нужна. Да разве ж лорда возможно переупрямить, когда он что-то вбил себе в голову?

Поэтому я и сижу сейчас здесь, в комнате, которая за последнее время успела стать родной.

– Всё! – Ответила со злостью на вполне невинный вопрос модистки.

Женщина тяжело вздохнула, подошла ко мне и тихо спросила:

– Побудешь наедине? – Голос прозвучал понимающе, даже ласково.

Не нашла в себе сил посмотреть ей в глаза и просто кивнула.

Через мгновение комната опустела и я, наконец-то, осталась одна. Жозефи оказалась права – мне нужно было хотя бы немного побыть одной. Успокоиться. Найти ту самую точку опоры, чтобы не опозориться самой и не опозорить Зака.

Свадьба и в нашем мире занятие весьма хлопотное, а уж здесь... Только пять официальных приёмов чего стоят, где мы обязаны были каждого почтить своим вниманием и лично пригласить на торжество. А уж сама подготовка... Просто жуть!

Вот и вышло, что к назначенному дню я не чувствовала ничего, кроме бесконечной усталости и желания сбежать на необитаемый остров.

Я клялась, что не буду плакать, но... Первая слезинка некрасивой кляксой упала на белоснежную ткань, вторая приземлилась чуть левее. Потом я закрыла руками лицо и, не стесняясь, разрыдалась.

Мимолётно отметила, что кто-то вошёл в комнату, опустился рядом со мной и осторожно обнял.

– Что-то ты совсем раскисла, подруга, – насмешливый и чуточку обеспокоенный голос вывел меня из состояния истерики.

Плакать я тут же перестала, даже дыхание задержала, а потом воззрилась на...

– Елена?

– Она самая, – девушка сидела рядом со мной в красивом, нежно-персиковом платье и улыбалась.

– Что ты здесь делаешь? – Не придумала ничего лучше.

– Как что? – Притворно удивилась она. – Тебя успокаиваю, не похоже?

Похоже, от чего же не похоже...

– А... – не сообразила, как сформулировать вопрос более точно.

– Успокойся, я здесь с позволения твоего драгоценного Закари. Шон сказал, что если я тебя сейчас не успокою, то случится конфуз и жених прискачет сюда в своей второй ипостаси. Успокаивать нервную невесту.

Всё сказанное с трудом укладывалось у меня в голове. С позволения Закари? А при чём тут Шон?

– Забей, – отмахнулась девушка и принялась вытирать слёзы с моих щёк. – Скажи же, классная тут косметика, не то, что на Земле. Там даже самая стойкая тушь потекла бы под таким градом! А эта ничего, держится.

Она говорила глупости и, о чудо, это действовало успокаивающе.

– Вот и молодец. А то развела тут сырость, модистку до икоты испугала, а уж девчонки её так и вовсе головы бежать без оглядки отсюда.

– Я тоже, – буркнула, отворачиваясь к окну.

– И что, упустишь такую возможность, захомутать видного холостяка королевства? Это ты брось! Глупости говоришь!

– Почему же, – произнесла вполне спокойным голосом, – От Закари я сбегать не хочу, а от всех этих... гостей...

Я как только представила, что приглашённых будет больше тысячи человек, так мне снова дурно стало.

– Та-а-ак! – Тут же сориентировалась Елена. – Всё ясно!

Она встала, оглянулась по сторонам, в поисках чего-то. Потом подошла к окну, распахнула его и принялась стаскивать с кровати покрывало, а за ним простынь.

– Что ты делаешь? – Я несколько минут молча наблюдала за происходящим, потом всё же не выдержала.

– Готовлю пути отступления, – не моргнув глазом отрапортовала девушка.

– Чего? – Я от возмущения даже про дурноту забыла.

– Чего-чего, – передразнила она меня, – Сейчас спустим тебя вниз, свистнем Закари, и вы сбежите с этого сумасшедшего мероприятия.

Воображение у меня богатое. Я мигом представила эту картину, ужаснулась и замахала руками:

– Ты что? Так нельзя.

– А если очень хочется, то можно, – отмахнулась от моего возмущения Елена.

– Нет, ты не понимаешь! – Всплеснула руками, точно, как модистка, и разозлилась на себя за это. Пришлось прятать руки за спину, чтобы это дурная манера не вошла в привычку.

– Так объясни мне, – девушка наконец отложила плетение верёвки из подручных средств и села рядом со мной.

– Я... – начала и запнулась, но тут же продолжила: – Я боюсь ударить в грязь лицом. Ведь я всем этим гостям совсем не ровня.

Видела бы она, как на меня смотрели, когда узнавали о моём титуле, точнее об его отсутствии. Словно на... гадкую мышь. Или как смотрят на грязь под ногами.

– Пф, – с облегчением рассмеялась девушка. – А я-то уж подумала.

Она вновь рассмеялась, после же принялась рассказывать мне о тех самых снобах, которые, по большей своей части, попали в высшее общество так же – из грязи в князи.

– А вот, например, лорд Лигрой. Тот вообще лишь благодаря жене обрёл и титул, и место в палате лордов. До того он сидел в своём поместье и только лишь мечтал о высшем обществе.

Из её уст это звучало забавно. Я даже пару раз улыбнулась, а потом и вовсе рассмеялась. Смех имел окрас истерики, но, это всё же лучше, чем слёзы.

Как раз в этот момент заглянула Жозефи и с довольным вздохом спросила:

– Мы можем продолжить?

Элена ничего не ответила, лишь посмотрела на меня. А я... кивнула в знак согласия. Прежде чем уйти, девушка обняла меня и тихо, так, чтобы расслышала лишь я, сказала:

– Не обращай ни на кого внимания, главное, что тебя там будет ждать ОН...

Она права, конечно же права.

– Спасибо тебе... За всё... – прошептала в ответ. Ведь с неё началась моя история. Не совсем с неё, но с Гришей мы виделись накануне и ему я тоже сказала много добрых слов.

Вот так из случайностей рождается новая, счастливая жизнь.

Остальные приготовления прошли без проблем. Я позволила вертеть себя в разные стороны, и после всех манипуляций даже осталась довольна результатом.

Из зеркала на меня смотрела какая-то другая Лена. Совсем мне не знакомая и в тоже время до боли родная.

За спиной скрипнула дверь, и я обернулась. На пороге спальни стоял лорд Хэдвил. Он молча смотрел на меня, и мне на мгновение показалось, что в его глазах блеснули слёзы. Но лишь только на мгновение, потому что он тут же улыбнулся и лукаво подмигнул мне:

– Эх, если бы я был моложе...

Я рассмеялась. По-настоящему, искренне, и всё напряжение, что копилось во мне ни один день, вдруг растворилось. Исчезло, будто его и не было.

Мы вышли из комнаты, прошли по коридору и на мгновение задержались в его тени, прежде чем выйти к лестнице.

Мужчина осторожно сжал мои пальцы в ободряющем жесте и тихо произнёс:

– Ты лучше их всех, вместе взятых, так что даже не смей пасовать перед этой сворой.

Я кивнула, и мы вышли на свет.

Гул голосов тут же стих. Кажется, даже мухи перестали жужжать. Или это мне лишь показалось?

Но стоило мне встретиться с его взглядом, то весь окружающий мир пропал. Я забыла и про многочисленных гостей, и про страх..., да я про всё забыла! Никого больше не существовало, кроме него.

Не помню, как лестница закончилась, как мою руку вложили в его ладонь. Как мы вышли на улицу, а там забрались в карету. Мы смотрели друг на друга неотрывно.

В карете Закари хотел что-то сказать, но вместо слов произнёс лишь что-то нечленораздельное. А мне и не нужны были слова. Мне нужен был лишь он.

К храму, который они именуют святилищем, мы подъехали быстро, поднялись по ступеням и вошли под огромный купол. Стало прохладнее. Но всё это я отмечала лишь краем сознание, как и то, что стоящие по обе стороны гости перешёптываются между собой, пряча

то одобряющие, то завистливые улыбки. Уже у самого алтаря Закари посмотрел на меня и одними лишь губами произнёс:

– Ты готова?

С ним? С ним я готова идти хоть на край земли...

– Да, – так же беззвучно ответила ему.

Церемония началась.

Монах в длинной пурпурной рясе читал монотонный текст, я мало понимала из того, что слышала. Лишь смотрела на разноцветные витражи и пыталась принять тот факт, что совсем скоро выйду отсюда уже законной женой Закари.

После церемонии, которая длилась, кажется, целую вечность, мы двинусь в обратный путь. Когда развернулись, увидела, как Шон собственнически придерживает Элену за талию... И тут мне всё стало ясно. И уклончивые ответы Зака о её дальнейшей судьбе, и сегодняшняя реплика девушки. Вот оно что... Вот оно как бывает!

Элена, заметив мой взгляд, довольно подмигнула и плотнее прижалась к придерживающему её мужчине.

Сюрприз, так сюрприз.

На выходе из святилища лишь на мгновение нас ослепило солнце, а внутри всё сжалось от тревожного предчувствия...

Промелькнувшая тень...

Взмах...

Свист...

Шёпот...

– Я ещё не сдался! – Грозный рык Лекса.

И... прикосновение... То самое, смертельное.

Сила вырвалась вполне осознанно. Я знала, что должна сделать. Благодаря лорду Хэдвилу, который всеми силами пытался сделать из меня едва ли агента нацбезопасности, я перехватила руку, а державшего в ней заговорённый кинжал с лёгкостью отшвырнула к стене.

Вновь стало тихо. А потом начался хаос...

Крики, визги, женские стоны и причитания. И во всей этой суматохе я с трудом различила слова Закари:

– Всё хорошо?

– Конечно, – самую малость солгала. Но осталась собой довольна. Операция по поимке опасного преступника завершилась успешно. И

не важно, что меня вынудили в день собственной свадьбы играть роль наживки. Главное – мы его поймали. Больше не придётся оглядываться назад и ждать нападения.

Эпилог

– Уважаемые студенты, рад представить вам нового преподавателя по бытовым заклинаниям эстер Елену.

Эстер – преподаватель без учёной степени. То есть я.

Спустя полгода после моего окончательного «переезда» в этот мир, мне, наконец-то, разрешили преподавательскую деятельность. И должна сказать, что в мире магическом бюрократия давно переплонула наши земные заморочки.

Сколько кругов ада пришлось пройти, прежде чем мне выдали эту злосчастную лицензию – страшно даже озвучить. И вроде бы понятны опасения великих умов, ведь меня отправляют детей учить, но и себя мне тоже жалко.

Вот теперь я стою посреди аудитории, и на меня смотрят заинтересованные, а где и откровенно кислые лица. Знакомые. Те, кого я была рада видеть теперь уже в роли настоящей преподавательницы, а не мошенницы.

Господин ректор, и мой законный супруг по совместительству, обвёл суровым взглядом разношёрстную толпу и весомо так добавил:

– Если узнаю о неуважительном отношении...

Договаривать фразу нужды не было, потому что все и так прониклись. Даже я.

В академии за время моего отсутствия не многое изменилось. Разве что Елена, после всего произошедшего, предпочла уйти с работы. Вообще-то, ушла она потому, что Шон просто невыносимо сильно ревновал её к молодым студентам, но в этом ни она, ни он ни за что не признаются.

Риша всё так же властвовала в библиотеке. Наша встреча лицом к лицу, так сказать, прошла очень тепло. Девушка очень обрадовалась, что я решила остаться здесь навсегда. А уж о свадьбе господина ректора даже она была наслышана.

После официального представления прошло несколько дней. Не скажу, что приняли меня с воодушевлением, всё же бытовые заклинания – так себе предмет. Но кому, как не мне, знать, насколько он полезен? Да и лорд Хэдивил не раз поддерживал мою уверенность.

К слову, о нём. Не сказать, чтобы их отношения с Закари наладились, но постепенно вредный старикашка менялся. По крайней мере, он перестал фонтанировать равнодушием и недовольством в адрес внука. А тот старался отвечать ему тем же. Они оба мне дороги, а потому я прикладывала все силы, чтобы дать им понять – они друг другу вовсе не враги.

– К следующей лекции подготовьте несколько вариантов очищающего заклинания. Весь необходимый материал сможете найти в библиотеке, – вынырнула из собственных мыслей, услышав трель звонка.

При упоминании последней по аудитории прокатился недовольный гул, но я решила этих оболтусов приучать читать книги и знать свою историю. Конечно, Рише был приятен мой подход, а я была рада подбросить ей пару-тройку желающих получить знания.

Вскоре я осталась одна и принялась убирать развешанные на доске плакаты. Дверь за спиной скрипнула, я обернулась, чтобы спросить, кто и что забыл, но столкнулась с горящим взглядом:

– Еле дождался, когда лекция закончится, – довольно промурлыкал Зак и одним слитным движением сократил расстояние между нами. Я оказалась в его объятьях. В самых желанных объятьях.

Улыбнулась и ловко увернулась от его поцелуя:

– Вы что, господин ректор, – возмутилась притворно, – Разве вы не знаете, что по уставу академии отношения между преподавателями строго запрещены?

И заморгала часто-часто, изображая саму невинность.

Закари замер всего на мгновение, а потом зарычал, тоже притворно.

– Эстер Елена, у вас на сегодня все лекции?

Сдерживая улыбку, серьёзно кивнула.

Следом открылся портал, и мы оказались в нашем городком доме, который приобрели всего месяц назад. Жить в квартире под присмотром других преподавателей посчитали неприемлемым.

– А теперь я могу поцеловать свою жену? – Проворчал для вида.

– Теперь, раз уж мы вне стен академии – можете.

И поцелуй оказался оглушающим. Как и всегда, когда я была в объятьях моего тигра.